[Polaris]

ЮРИЙ СМОЛИЧ

ПОСЛЕДНИЙ ЭЙДЖЕВУД

Последний Эйджевуд

Юрий Корнеевич Смолич

Аннотация
Юрий СМОЛИЧ. ПОСЛЕДНИЙ ЭЙДЖЕВУД. Советская авантюрнофантастическая проза 1920-х гг. Том XXXII
I. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СНК
II. РЕЧЬ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА СТО
III. МИТИНГ У СТАТУИ АРТЕМА
IV. В ЦЕКА
V. ПОРУЧЕНИЕ
VI. АМЕРИКА
VII. СОВЕТ ПРОФСОЮЗОВ ГОВОРИТ СВОЕ СЛОВО
VIII. В ПОДПОЛЬЕ
IX. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ
X. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ
XI. В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ
XII. УРОК ПОЛИТГРАМОТЫ
XIII. РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЖОЙСА И СТРАХ ЮБЕРАЛЛЕСА
XIV. В ЭЙДЖЕВУДЕ
XV. НАЗАД — В СССР
XVI. НА УЛИЦАХ КРАСНЫХ СТОЛИЦ
XVII. ТАЙНЫЙ ШИФР

XVIII. ГАЙЯ ГОТОВИТСЯ К АВИАВОЙНЕ
XIX. В УКРЫТИИ
XX. С «ПАКЕТОМ СПАСЕНИЯ»
XXI. РАСЫ, НАЦИИ И КЛАССЫ
XXII.
ДЖОЙС, ЮБЕРАЛЛЕС И ТОМ РАЗГОВАРИВАЮТ
XXIII. НАГОТОВЕ
XXIV. МАСКАРАД
XXV. ПОСЛЕДНИЙ ЭЙДЖЕВУД
XXVI. ГОРЕ ИЛИ РАДОСТЬ
XXVII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аннотация

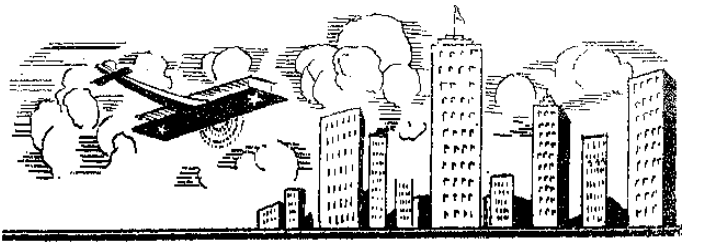
Первый роман украинского прозаика, драматурга и писателя-фантаста Ю. Смолича «Последний Эйджевуд» (1926) повествует о войне между СССР и капиталистическими державами. Тем временем в Америке, за спинами капиталистов, советский агент Владимир и товарищи-коммунисты готовят революцию…

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА
CCCXCVI (396)

Юрий СМОЛИЧ
ПОСЛЕДНИЙ ЭЙДЖЕВУД
Советская авантюрнофантастическая проза 1920-х гг
Том XXXII

ЮРІЙ СМОЛИЧ
ОСТАННІЙ ЕЙДЖЕВУД
КНИГОСПІЛКА



I
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СНК

Товарищ Ким быстро и зорко осмотрел зал заседаний, красную китайку на столе, сосредоточенные лица наркомов, на которых читались следы недавнего, внезапно прерванного сна. Его взгляд остановился на мраморной голове Ленина на фоне бархатных флагов.

Наркомы, наскоро поправляя одежду и гремя стульями, озабоченно занимали свои места. На всех лицах был немой вопрос: «В чем дело? Почему в столь позднее, неурочное время?»

Товарищ Ким поднялся:

— Чрезвычайное заседание Совета Народных Комиссаров считаю открытым.

Все глаза напряженно обратились к нему.

Он выдохнул:

— Товарищи… Всем вам известно, что вчера в полдень мы направили Лиге Наций нашу ультимативную ноту. На ответ мы дали 96 часов. Но ждать четыре дня нам не пришлось. Ответ мы только что приняли по радио.

По комнате от вздоха двадцати человек прошел тихий шелест и смолк.

Голос Кима зазвучал высоко и звонко:

— В ответ на наш ультиматум капиталистический мир объявил нам войну…

Минута мертвого молчания показалась Киму вечностью. Он внимательно осмотрел взъерошенные головы наркомов, силясь прочитать бешено скачущие за неподвижными, окаменевшими лицами мысли.

— Мы были готовы, товарищи, к этому ответу… — твердо начал Ким.

— …но все же надеялись, что он будет не таким… — договорил кто-то.

Спрятанные за бесстрастными лицами мысли сразу прорвались, как наводнение, и, ударившись о мраморный постамент бюста вождя, гулко отразились десятками голосов от красных стен зала заседаний.

Ким не вмешивался. Он только наблюдал за говорившими и умело ловил взглядом общее настроение.

— Это есть наш последний… — раздалось с другого конца стола.

Тогда Ким сказал:

— Вы верно заметили, товарищ, — бой этот

обязан стать последним, — и добавил: — Обмен мнениями считаю излишним. Открываю заседание Совета Труда и Обороны.

***

В дверь властно постучали…

Владимир недовольно нахмурился и раздраженно хмыкнул. Он только что вернулся с работы и собирался отдохнуть. Не меняя удобной позы, он буркнул:

— Ну…

Дверь скрипнула. В полосе света, протянувшейся из прихожей, появилась знакомая фигурка. Девушка обычно стучалась ласково и деликатно. Необычный стук сбил Владимира с толку. Он прищурился и неуверенно спросил:

— Это ты, Гайя?

В полосе света, протянувшейся из прихожей, появилась знакомая фигурка.

Она щелкнула выключателем. Комната вспыхнула ярким светом. Решительными, незнакомыми шагами пересекла комнату и села на диван. И лишь тогда ответила быстро и серьезно:

— Да, это я, Влад!

Затем медленно осмотрела комнату, будто впервые ее видела — на миг останавливая взгляд на каждой вещи и пристально ее рассматривая. Такое поведение было для нее совсем необычным.

Владимир удивился:

— Что с тобой?

Гайя наконец посмотрела и на него.

— Я переезжаю к тебе, — сказала она твердо и радостно.

Владимир не успел выразить изумления. Она быстро подошла и ласково положила руки ему на плечи. На этот раз ее голос прозвучал мягко и взволнованно:

— Я буду матерью, Влад…

В мальчишеском сознании Владимира фейерверком рассыпались сотни картин. Он — отец? Смутные и непонятные поначалу образы становились все более определенными и привлека-

тельными. Оторопь неожиданности сменилась ясностью. До него наконец дошло все значение слов Гайи. И вдруг опротивело холостяцкое житье, нестерпимо захотелось быть мужем, отцом.

Тем временем Гайя говорила:

— Я проходила по городу, видела детские дома. Невольно я заглядывала в каждое окно и безумно радовалась каждой маленькой рожице. Ведь скоро, очень скоро и у нас будет ребенок… Каким ты стал мне родным! Наша жизнь наполнилась новым смыслом…

Назойливо и неприятно зазвонил телефон. Владимир кинулся к трубке.

— Алло… Да… Владимир.

Гайя крепче прижалась к нему:

— Влад!

Приклеившись к трубке, Владимир коротко бросил:

— Гайя, встань. Возьми карандаш и бумагу. Пиши. Шифрованная телефонограмма…

Руками, дрожащими от нервного напряжения и прерванного наслаждения, Гайя быстро записывала странные, неизвестные слова.

— Все. Я сейчас достану шифр. Отвернись. Ты не имеешь права знать, где он спрятан.

Владимир повесил трубку, поспешно расстег-

нул куртку и достал небольшой бумажник, а из бумажника листок с ключом к шифру.

Минуту спустя странные, непонятные знаки превратились в строку стремительных букв, а буквы сложились в слова.

— Я ухожу, Гайя. Прости, но меня вызывают на внеочередное дежурство к аппарату. Вызов секретный. Ты никому не должна говорить, куда я пошел.

Гайя оборвала невольный вздох.

— Мы увидимся только завтра вечером, после работы. Прощай.

— Всего хорошего.

Владимир вышел.

Над городом распростерлась ночь. Сердце Донбасса спало. Ночную темень прорезали только пятна уличных фонарей и отблески далеких домен. Владимир закурил, плотно застегнул кожанку и нырнул в темноту. Брусчатка мостовой несколько минут отбивала его быстрые шаги, которые все удалялись…

В верхней, закрытой части здания глухо гудел главный приемник.

Радиостанция, как всегда, сияла огнями.

В конторе ждал инспектор. Он пошел навстречу Владимиру:

— Хорошо, что вы так быстро. Радио не ждет. Пришлось вызвать вас вне очереди — вы у нас лучший слухач[1]. А дело очень серьезное. Сейчас же идите в шифровальную.

— Что я должен принимать?

— Внеочередное, чрезвычайное заседание СТО.

За коваными дверями секретного отдела кипела своя удивительная, тайная жизнь. Однообразно бормотал приемник, сухо потрескивали, вспыхивая синими огоньками, быстрые искорки. Помощник сращивал провод. Дежурный, передав Владимиру металлические наушники, продолжал торопливо записывать последние слова принятой радиограммы.

Владимир быстро сбросил кожанку, засучил рукава и, пока помощник поправлял у него на голове наушники, аккуратно разложил бумагу, карандаши, перочинные ножики, готовясь к стенографической записи. Затем уселся поудобнее и включил ток.

---

[1] Примечания: 1

Служащий радиостанции, принимающий радиосигналы (Здесь и далее прим. пер.).

II
РЕЧЬ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА СТО

Именно в эту минуту товарищ Ким, открыв заседание СТО, предоставил слово главному инженеру.

— Я буду говорить кратко и много времени у вас не отниму. Задача моего короткого доклада, — осветить степень готовности наших вооруженных сил и наши военные возможности, — начал главный инженер.

— У вас для этого всего 15 минут, — поторопил его товарищ Ким.

— Итак, прошу внимания. За период, прошедший с Октябрьской революции и до сегодняшнего дня, мы все наши силы, несмотря на неизбежность войны с буржуазным миром, бросили не на вооружение советских республик, как следовало бы ожидать и как поступили буржуазные государства, а на восстановление и улучшение нашего хозяйства, справедливо полагая, что именно этим мы победим. Чем лучше развивается наше хозяйство, тем сильнее мы на мировой арене. Впрочем, с помощью добровольных об-

щественных организаций, которые немало способствовали и возрождению советского хозяйства, — прежде всего Авиахима, — государство в последние годы сумело уделить внимание также военной технике. Чтобы точно выявить нашу боеспособность, следует разделить вопрос на две части. Во-первых, наши наступательные возможности, и во-вторых, возможности оборонные. Что касается наступательной боеспособности, то при всех наших технических достижениях мы ни по количеству, ни по качеству военной техники не в силах выстоять против буржуазного мира. Наше главное преимущество заключается в системе организации Красной армии — армии классовой и сознательной. Завтра в бой могут пойти 50.000.000 человек — физически здоровые коммунисты, комсомольцы и организованный пролетариат.

Обратимся к вопросу обороны, который приобретает особый вес в условиях сегодняшнего дня, когда мы ждем не позиционной войны, а войны против тыла, — войны химии и авиации. Первое, самое важное и самое главное — мы не знаем, какими именно газами противник собирается нас травить. Не знаем их формул, так что не можем разработать противоядие и свести на

нет воздействие вражеских газов. Поэтому наша оборона в основном должна быть самозащитой. Перехожу к цифрам. Всю действующую Красную армию, то есть ту часть наших войск, что будет брошена в активную борьбу, на фронт, в наступление, мы можем одеть в защитные костюмы по образцу водолазных, непроницаемые для любых газов. Они защитят тело, легкие, глаза — короче, жизнь солдат — и таким образом дадут им возможность активно сражаться. Далее — тыл, где будет работать на оборону остальная часть организованного трудового населения. Наши заводы изготовили огромное количество противогазов, однако на все население совреспублик их не хватит. Их достаточно лишь для 60 процентов всего населения, иначе говоря — для 100 процентов трудящегося населения. Встает вопрос о принципе распределения: делить на всех или обеспечить только трудящихся, а нетрудовой элемент и враждебные социальные группировки обречь на уничтожение?

Главный инженер на минуту остановился и оглядел собрание, ища ответ в глазах присутствующих. Но фигуры коммунаров были неподвижны, и глаза смотрели спокойно.

Товарищ Ким выразительно взглянул на часы:

— У вас еще пять минут.

Главный инженер продолжал:

— Второе: пассивная оборона. Я говорю о подземных убежищах от газов. Центральная плановая комиссия, исходя в вопросе пассивной обороны из того, что воздушное наступление врага, его газовая атака будут направлены не на деревни, разрушать которые не в его интересах, а на административные и промышленные центры и индустриальные узлы, покрыла города и пригородные районы сетью подземных убежищ; они в определенной степени оборудованы технически и могут укрыть и защитить от газов значительное количество провианта и 60 процентов живых существ, то есть людей и домашних животных, а также обеспечить первую медицинскую помощь. Все шахты в горнодобывающих районах приспособлены к герметичному закрытию и на достаточно долгое время обеспечены кислородом в баллонах и воздухофильтрами для очистки поступающего внутрь воздуха от яда. Не обеспечены лишь отдаленные сельские районы, где, как мы надеемся, враг атаковать не будет.

Все оружейные склады, заводы, железнодорожные узлы и другие центры коммуникационного значения снабжены для защиты надлежащим

количеством баллонов со специальным неядовитым газом; соединившись с воздухом, он превращается в дым, соответствующий по цвету общей окраске местности. Этим мы защитим их от налетов аэропланов и воздушных бомбардировок. Все. Я закончил.

Товарищ Ким встал и медленно оглядел присутствующих. Ему стал понятен немой вопрос всех.

— Ваш вывод? — обратился он к инженеру.

Главный инженер встал. Он не ожидал, что будет первым давать заключение. И его голос слегка задрожал:

— Зная боеспособность нашего врага, состояние его хозяйства… — он запнулся и пробежал глазами лица присутствующих. — Будучи уверен, что эта империалистическая война должна стать последней империалистической войной, и рано или поздно неизбежно перейдет в классовую, иначе говоря, гражданскую, то есть партизанскую… Я, тем не менее, хочу заметить, что трудно предугадать, за какой именно срок произойдет это превращение, и за это время…

Товарищ Ким нетерпеливо прервал:

— Короче.

Главный инженер набрал полную грудь воздуха и разом выдохнул.

— Приходится констатировать, что к войне мы не готовы и не выстоим против вооруженных сил буржуазных стран. Мы не можем воевать.

— Война, однако, уже объявлена, — криво усмехнулся Ким.

Главный инженер замолчал, — он не мог подыскать подходящий ответ. Товарищ Ким помог ему, взяв слово.

— Я считаю, что дискуссия в этом деле ничего не решит, — твердо бросил он. — Товарищ инженер, собственно говоря, нового сказал немного, — он только подвел общий итог того, что каждый из нас, так или иначе, знал. Учитывая, что мы в любом случае не можем отказаться от вызова, брошенного нам капиталистическим миром, и оттянуть войну до тех пор, пока не успеем подготовиться, что мы вынуждены воевать, я предлагаю, не теряя времени, перейти к обсуждению вопросов активной обороны и наступления.

Война объявлена. Враг хорошо понимает, что затягивать войну не в его интересах, что каждая минута задержки грозит ему опасностью восстания организованного пролетариата внутри страны, и поэтому постарается закончить войну как можно скорее. Он начнет ее немедленно и сразу бросит все силы, чтобы уничтожить нас

быстрым наскоком. Возможно, на нас уже летит целая туча вражеских аэропланов с ядовитыми газами, и через несколько часов они зальют нас ядовитым дождем. Война будет короткой и жестокой. И мы должны выйти из нее победителями. Alea jacta est[2]!

[2] Примечания: 2

«Жребий брошен!» (лат.), легендарная фраза Юлия Цезаря при переходе через Рубикон.

III
МИТИНГ У СТАТУИ АРТЕМА

Дрожащими руками записывал Владимир стенограмму заседания Совета Труда и Обороны. Солнце поднялось уже совсем высоко, уже третий ролик был целиком заполнен непонятными иероглифами шифровой стенографии, а Владимир все не мог урвать ни минуты, чтобы отдохнуть и выпрямить согнутую спину и скрюченные пальцы.

Только в 12 часов товарищ Ким закрыл заседание СТО.

Несколько десятков машинисток наспех перепечатывали начало расшифрованной радиостенограммы, в то время как столько же шифровиков заканчивали расшифровку последнего ролика.

Инспектор радиостанции, бледный после бессонной ночи, крепко пожал Владимиру руку и быстро сказал:

— Идите, отдохните часок и приходите в окружком. Собираемся в час. Вот и повестка.

Владимир спрятал повестку и вышел на улицу. Солнце ударило ему в глаза и заставило на

мгновение остановиться.

Он словно окаменел — но не от солнечных лучей.

Владимир прислушался.

С далекой площади, из центра города доносился неясный шум. Гул рос и крепчал, медленно доходя до сознания остолбеневшего Владимира. Он уже отчетливо различал в нем отдельные звуки.

Это был гул многотысячной человеческой толпы, которая говорила, кричала, перекликалась.

Владимир бросился к центральной площади.

Площадь была запружена. Тысячи, десятки тысяч людей сгрудились на мостовой и роились, как насекомые. А над всеми величественно возвышалась каменная фигура Артема.

«Уже знают, — промелькнуло в сознании Владимира, — уже знают».

Какой-то товарищ, стоя на ступеньке у ног Артема, видимо, произносил речь.

Владимир не мог расслышать его слова, лишь изредка улавливал отдельные хриплые выкрики. Товарищ надсаживал грудь, становился на цыпочки, размахивал руками и, в конце концов, в последний раз хрипло сорвавшись, замолчал, погрозив кулаком в сторону запада.

Шум стих. Толпа угрюмо молчала. Только в

передних рядах раздались неуверенные аплодисменты.

— Даешь империалистический мир! — громко крикнул охрипший бас неподалеку от Владимира и потерялся в сотне разнообразных выкриков, что сразу всколыхнули море затаившегося шума.

Владимир наблюдал. Он начинал понимать невнятное настроение толпы. Известие было слишком неожиданным, на него не успели отреагировать. Многотысячная толпа еще не осознала его истинного значения, не поняла смысла, — она была в смятении.

У ограды истерически плакала женщина. Очевидно, кого-то придавили. Но, прислушавшись, Владимир разобрал отдельные слова:

— Я не контрреволюционерка, я за нас… за советскую… разве я могу быть с ними… но что мне советская власть… когда меня завтра удушат газами…

— Эхе-хе… — вздохнул рядом безногий инвалид на костылях и приветливо улыбнулся Владимиру. — Когда мы в двадцатом году брали Перекоп…

— Всегда готов!.. — звонко прорезали воздух сотни молодых громких голосов и перекатились от края до края мощным «ура».

Кто-то дернул Владимира за кожанку. Это была Гайя.

В ее ясных глазах Владимир прочитал ужас и воодушевление.

— Владимир, неужели это правда?

На мгновение в ее взгляде мелькнула неуверенность, но она сразу же овладела собой, смутилась и поспешно договорила:

— Ах, я так долго искала тебя. Идем скорее. Из окружкома уже дважды за тобой приходили… Какое-то срочное дело. Бежим.

И она потащила Владимира из толпы.

Шум остался позади, но неуклонно усиливался, крепчал.

IV
В ЦЕКА

В окружкоме царил беспорядок.

Запыхавшиеся коммунары сновали по коридорам, сбивая друг друга с ног. Звонили телефоны. Грохотали двери. Вносили и выносили какие-то ящики. К крыльцу подъезжали и отъезжали десятки авто. В комнате секретаря стоял сплошной гомон. Несколько товарищей выдавали наряды. Вокруг них толпились сотни коммунаров. Секретарь говорил сразу по трем телефонам и с шестью товарищами. Голос его звенел на высоких нотах. Владимир с трудом пробрался к нему.

— Ты вызывал меня, товарищ Шруб?..

— Ты кто? Ах, да, это ты! — и, не выпуская телефонной трубки, Штруб свободной рукой нашарил на столе бумагу. — Вот. Сейчас же выезжай. Бери самое быстрое авто или мотоцикл. Через два часа ты должен быть там.

— А как же собрание… в час?.. — нерешительно начал Владимир.

— Иди к черту! Я все сказал.

Гайя успела тем временем прочитать бумагу. В

радиограмме было шесть слов:

Донецкий окружком Владимиру тчк Немедленно приезжайте тчк Цека.

Свободных авто в гараже не было. Владимир выкатил мотоцикл. Через пять минут мотоцикл был готов к поездке, и Владимир выбрался на улицу.

Тысячеголосый шум не стихал. С окраин к центру неостановимой волной шли, бежали, спешили сотни засаленных блуз — в угольной пыли, в масле или с белыми от соли волосами. Бежали растрепанные женщины, подпрыгивали, весело крича, дети. А из центра назад стройными рядами и просто толпой по мостовой, по тротуарам шагали с громовыми криками, с пением вразнобой рабочие ряды, мрачные и решительные… Где-то играл оркестр…

Едва пробившись сквозь густую толпу, Владимир прибавил скорость. Мотоцикл рванул и понесся вперед. Визг ветра смешался с гулом толпы в дикую вдохновенную симфонию…

Когда Владимир в последний раз взглянул назад, город уплывал вдаль, толпа слилась в серую массу, лишь кое-где виднелись флаги и красные женские платки.

Ревели бешеные гудки шахт и заводов…

Владимир ехал на север…

V
ПОРУЧЕНИЕ

Вскоре Владимир уже оказался в Молодой столице[3].

Его поразил спокойный, будничный вид здания Цека. Работа шла споро, но так спокойно, буднично, как будто ничего не случилось и весть о начале войны была просто выдумкой.

В первую минуту Владимир даже ущипнул себя — не спит ли он? Потом подумал — может, провокация? Но вид первого же товарища развеял его сомнения: на груди у того висел сложенный противогаз.

Секретарь принял его вне очереди.

Разговор их был краток.

— Ты знаешь европейские языки, — не спросил, а констатировал секретарь.

— Да, я два года жил в Америке. Меня отправили туда изучать радиодело.

— Ты работал в тамошней Компартии, — снова констатировал секретарь.

---

[3] Примечания: 3

Т. е. в Харькове, столице УССР в 1919–1934 гг.

— Да.

— Ты также поддерживал связи с внепартийными рабочими организациями Америки.

— Да.

Секретарь протянул Владимиру пакет.

— Тебя отправляют в Америку. В этом пакете инструкции. С тобой поедут еще двое товарищей: английский они знают, но в Америке никогда не бывали. Будешь за старшего. «Юнкерс» уже подготовлен. Товарищи тебя ждут. В пути не останавливайтесь. Сядете где-нибудь около Нью-Йорка. Не мне тебя учить. Вылететь вы должны немедленно. Желаю успеха. До свидания… после войны.

От усталости и водоворота впечатлений у Владимира слегка затуманилась голова. Он был вынужден выпить стакан воды. Затем побежал к радиопередатчику и вызвал донецкий окружком — Гайю.

«Гайя, — волнуясь, передал он, — я сейчас вылетаю в Нью-Йорк. Будь жива и здорова. До скорого свидания… после войны».

Аппарат выстукал короткий ответ:

«Дорогой Влад, до свидания… Удачи… Ах, почему я не знаю иностранных языков? Компривет американским товарищам…»

Аппарат еще что-то выстукивал, но Владимир уже бежал к выходу. Там его ненадолго задержали. Часовой подал ему противогаз.

— Что такое? — удивился Владимир.

— Пока ничего, — улыбнулся часовой, — но всякое может случиться…

Владимир выбежал.

На улице он заметил нескольких человек, — они были в противогазах. Машинально он натянул неуклюжую маску.

По улице, тяжело ступая, прошел отряд красноармейцев. Они были одеты в цельные резиновые костюмы, с натянутыми на головы масками. За плечами у всех были самые обычные винтовки.

«Совсем как водолазы, — подумал Владимир. — Но винтовки? Что они станут делать с винтовками? Как-то они не подходят к такому наряду…»

«Юнкерс» уже ждал Владимира. Стальное туловище дрожало от напряжения. Как только показался Владимир, механик запустил пропеллер. Трое товарищей давно сидели в кабинке.

— А мы тут заждались, — приветливо улыбнулся ему механик, на минуту подняв маску. — Думали, вы прибудете на двадцать минут раньше. Садитесь… Удачи нам!

И он снова натянул маску.

Владимир быстро вскочил в кабинку. В тот же миг самолет покатился и, чуть подрагивая, оторвался от земли.

Владимир глянул в большой застекленный люк в полу.

Под ними плыли квадраты кварталов, линии улиц. Вот промелькнул какой-то завод. После закучерявился лес и потянулось зеленое поле. На горизонте засинел шумящий порогами Днепр. Очертания и контуры расплывались, становились неразличимы. Все внизу мельчало. Аэроплан поднимался все выше и выше…

«Милая советская родина, увижу ли тебя снова? Вернусь ли в ряды пионеров мировой революции, — пролетариев-победителей? Быть может, возвратившись, найду лишь пепел, развалины и отравленную бесплодную землю?..»

VI
АМЕРИКА

Нью-Йорк гудел.

Мостовые и тротуары, от края до края, были плотно заполнены народом. Даже для вечно бурлящей столицы Америки такой подъем был необычаен. Казалось, все местные жители оставили свои дома и вышли на улицы. Сотни авто застряли на перекрестках и рассекали воздух и гул толпы резким визгом сирен.

Но запыхавшиеся полицейские тщетно надсаживали свои легкие, размахивали жезлами и кидались во все стороны. Сегодня они были не в силах навести порядок. Самых рьяных из них толпа просто сметала с дороги и увлекала за собой.

Полисмен сопротивлялся, боролся. Но, уставший и обессиленный, в конце концов махал рукой и шел за толпой к другому, третьему перекрестку. Невольно он шагал в ногу с демонстрантами и, отплевываясь, распевал вместе с ними революционные песни.

Владимир был совершенно ошарашен. За три года он отвык от американского темпа, от шум-

ных нью-йоркских улиц. И теперь, попав в центр человеческого водоворота, бессильно оглядывался вокруг, словно в поисках помощи.

Его товарищи, уроженцы привольных степей Украины, впервые угодили прямиком в гущу американской жизни. Теперь они, вконец растерявшись, шли за толпой наугад, ничего не видя и не слыша. Глаза их были широко раскрыты, губы онемели. Только самый младший, чернявый Сим, лишь недавно покинувший захолустье глухого украинского села, бессмысленно хлопал глазами и бормотал себе под нос:

— Смотри-ка… Ишь…

На площади Сознательности перед Домом профоюзов товарищи наконец почувствовали, что больше никуда не двигаются, а стоят на месте. Они вздохнули с облегчением.

Шум то и дело набирал силу и превращался в сплошной рев. На площади было несколько сотен тысяч людей, и каждый во весь голос кричал что-то свое, не слушая других и стараясь перекричать всех.

Толпа двинулась к зданию. Двое полицейских, стоявших у подъезда, с большим трудом сдерживали натиск.

Владимир наконец опомнился. Он вытер рука-

вом вспотевший лоб и выругался:

— Ну, братцы мои, и переплет! Как тебе, Сим, после твоей Задрипанки, — немного непривычно?

Владимир насмешливо улыбнулся. Но Сим еще не сориентировался и не понял его шутки.

Да и Владимир больше не шутил. Надо было делать дело. Он встряхнул товарищей и помог им прийти в себя:

— Ну, товарищи, хватит ворон ловить. Мы должны протиснуться вперед.

— Да куда ж?.. — взмолился Сим. — Гляди, народу сколько прет — разве тут пройдешь?

— Будем как американцы! — подбодрил его Владимир и, напрягая все мышцы, мужественно нырнул в толпу.

Его умению работать локтями мог бы позавидовать настоящий американец. Об этом свидетельствовали проклятия и ругань, летевшие ему вдогонку. Вслед за ним неуклюже двинулись остальные. На загривки их сыпались тычки, предназначенные Владимиру: многим гражданам он наступил на мозоли!

Через полчаса товарищи были уже на другом конце площади, рядом с Домом профсоюзов.

Кто-то схватил Владимира за руку.

— Эге! Наконец-то мы вас нашли! — заревел

долговязый Боб, хватая Владимира в охапку. — Мы уж думали, что толпа оттерла вас куда-то в соседние улицы. Вижу, из вас выйдут отличные американцы. Вы передвигаетесь так же быстро, как и мы, прирожденные нью-йоркцы.

Второй американец прервал разговорчивого Боба.

— Нужно собрать своих, — напомнил он. — Держись, Боб!

Сказав это, он ловко вскочил Бобу на плечи и, приложив ладони к губам, крикнул зычным голосом, перекрывая шум толпы:

— Алло! Красные, давайте сюда!

Неуклюжий Сим побледнел и потянул его за ногу:

— Что вы делаете, товарищ? Нас же могут узнать. Нам следует соблюдать конспирацию. Разве так можно?

— Вы в Америке, — коротко ответил тот, дернув ногой. — Пустите, товарищ, мою ногу, вам нечего бояться, — и он снова повторил свой призыв.

Вокруг товарищей начала собираться группа рабочих. Среди них Владимир узнал много знакомых, которых видел вчера на заседании. Было и несколько членов ЦК. Поведение американца его не удивило. Но осторожный Сим хорошо изу-

чил правила конспирации в Харьковской школе подпольщиков и поэтому робко оглядывался и смотрел исподлобья на фараона, стоявшего неподалеку и равнодушно поглядывавшего на толпу.

На другом конце площади раздались звуки патриотического гимна. Звуки доносились с крыши многоэтажного дома, где под сенью национальных флагов устроился военный оркестр. Из толпы послышались протестующие и возмущенные возгласы. Долговязый Боб затянул «Интернационал». Через минуту на площади мощно зазвучал старый рабочий гимн. Отсюда он покатился в соседние улицы, с улиц в переулки. Казалось, весь Нью-Йорк пел величественный гимн. Оркестра давно не было слышно. И только по красным от натуги лицам и надутым щекам музыкантов можно было догадаться, что они продолжают играть и силятся заглушить мелодию, рвущуюся из миллиона сердец.

Непобедимая пролетарская симфония еще долго раскатывалась по дальним улицам города — даже тогда, когда перед Домом профсоюзов отгремели песни и площадь замолчала.

— Если Совет профсоюзов не скажет сегодня своего последнего слова, мы сотрем Совет с лица земли вместе с его дворцом! — откашливаясь,

прокричал Боб.

Глаза его блестели, грудь вздымалась. Широким взором он окидывал рабочие ряды.

— Алло! Красные, давайте сюда!

— Вы слышали эту песню? — обратился он к украинским товарищам. — Это пела рабочая Америка. Своей песней она уже проголосовала против войны. Война войне! — закончил он громким призывом к толпе.

— Война войне! — подхватили вокруг.

— Война войне! — заревела площадь.

— Война войне! — покатилось по соседним улицам.

На углу уже собрался митинг. Какой-то бритый мастеровой в рабочей одежде говорил с плеч своих товарищей.

— Будем доверять нашему Совету! — кричал он. — Мы его назначили, чтобы наши интересы соблюдались. Совет за этим следит. Что бы он ни сделал, это нам на пользу. Совету виднее.

Долговязый Боб швырнул в него камнем и попал прямо в грудь.

— Чтоб ты сдох, проклятый прихлебала! — прохрипел он.

Оратор свалился вниз. Поднялся страшный крик, послышались возмущенные крики, смех и свист.

— Ату его, ату! — кричали откуда-то.

— Бей предателей, долой большевиков! — реве-

ла другая кучка, протискиваясь к Бобу.

Полицейские с трудом наводили порядок.

Но в другом конце площади уже организовался второй митинг. Худощавая, визгливая женщина, размахивая стеком, призывала рабочих требовать у Профсовета поддержки республиканского правительства и не слушать лживых предателей-большевиков.

Владимир оглядел площадь и увидел, что на ней шумит не менее сотни мелких митингов.

— Вот чудаки, — обратился он к Бобу. — Почему все желтые говорят, что большевики не хотят войны? Мы совсем не против войны. Ведь мы понимаем, что империалистическая война ускорит в Америке и в мире социальную революцию. Только нельзя зевать, нужно постараться как можно быстрее превратить империалистическую войну в классовую, чтобы избежать лишних жертв и приблизить победу пролетариата. Мы не лезем в войну. Но когда она становится фактом, мы используем ее в своих целях.

Боб ничего не ответил Владимиру. Он уже организовал собственный митинг. Примостившись на плечах Сима, он драл горло, доказывая необходимость классовой борьбы.

— Сегодня, — кричал Боб, — решительный

день! Либо войны не будет, — мы ее сорвем, — и тогда советские республики получат возможность продолжать дело социализма, а сами мы будем в подполье готовить классовую войну, либо при поддержке нашего Совета начется война. Тогда мы должны сейчас же, не мешкая, превратить ее в классовую и, сбросив наших мироедов, объединиться с русскими товарищами. Помните, товарищи, вы в первую очередь не американцы, а рабочие!

— Ну и Америка, — вздыхал Сим, придерживая на плечах ноги Боба. — Ну и идиотская страна. Белые и красные выступают рядом, а фараон стоит и глазами хлопает… Удивляюсь, почему они до сих пор цацкаются со своими богатеями…

Его размышления прервал страшный свист, рев и визг. Одни кричали «ура», другие свистели и шикали.

В конце площади закашляла автомобильная сирена. Полицейские бросились расчищать дорогу.

— Мистер Джойс, мистер Джойс!

— Товарищ Джойс, товарищ Джойс!

— Авто Джойса! — выкрикивала толпа.

Из-за угла появилось блестящее большое авто. Оно медленно ехало среди толпы, разрезая воздух визгом сирены. За ним следовала шеренга других

автомобилей.

— Совет профсоюзов! Ура! Наш совет! — кричали одни.

— Профсоюзные суки, буржуазные прихвостни! — надсаживались другие.

Мистер Джойс, председатель Совета индустриальных профсоюзов Америки, спрятался в глубине своего автомобиля. Он не хотел показываться толпе. Он не был уверен в ее настроении. Но толпа узнала его роскошное авто.

Толпа мгновенно смыкалась за машиной. Рабочие бежали сзади, выкрикивая вслед:

— Профсоюзы должны сказать сегодня свое авторитетное слово! Рабочие — против войны! Совет должен заявить это парламенту!

— Ура, мистер Джойс! Стойте на страже интересов Америки! — кричали другие.

Опять где-то запели «Интернационал», а где-то еще — патриотический гимн.

Так прошло с полчаса. Мистер Джойс уже, вероятно, открыл заседание в Доме профсоюзов, но возгласы и пение все не умолкали.

В толпе появились флаги — красные и национальные. Количество митингов увеличилось. Но толпа немного поредела. Охрипшие граждане расползлись по барам и кафе промочить пере-

сохшее горло.

На площади восстанавливалось автодвижение.

— Они будут заседать до вечера, — со знанием дела рассудил Боб. — Мы спокойно можем пойти и выпить кружечку-другую пива.

Товарищи отправились в ближайшую пивную.

VII
СОВЕТ ПРОФСОЮЗОВ ГОВОРИТ СВОЕ СЛОВО

Боб не ошибся.

Солнце давно скрылось за кровли зданий, и серые мостовые улиц загорелись в лучах голубого электрического света. В пивных давно были выпиты все запасы пива. А Дом профоюзов загадочно подмигивал освещенными пятнами окон и не хотел открывать тайны своих покоев.

— Они решили вынуть нам душу, — ругался Боб, — или заключили сделку с местными пивоварами и получат процент от всего проданного сегодня пива.

Джим, второй американский товарищ, уже раз десять ходил на разведку в Дом профсоюзов в надежде узнать если не результат совещания, то хотя бы подробности дискуссии. Но Дом профсоюзов упрямо хранил свои тайны, и никакие известия не просачивались за его серые стены.

В пивной царил разлад и кавардак. Демонстранты, не то от нервного подъема, не то от скуки ожидания, уничтожали огромное количе-

ство питья. Столы и стойки пестрели пустыми бутылками и кружками. Алкоголь улучшал настроение, и со столиков произносились речи не в пример зажигательнее, чем на площади. Десятки ораторов, похожих в табачном дыму на сказочных фурий, сменяли друг друга и, надрываясь, взывали к общественности. Одни стояли за протест и сопротивление, другие призывали к поддержке правительства. Последних было больше и их пылкие выступления звучали более складно.

— Белый дом не поскупился, — саркастически заметил Джим. — Ходят слухи, что на патриотическую агитацию выделено сегодня больше пяти миллионов…

— Разве все эти агитаторы подкуплены? — удивился Сим.

— А вы думали, нет? О, в белой Америке дело воспитания агитаторов поставлено не хуже, чем у вас, в советской стране, — засмеялся Боб. — Думаете, демонстранты собрались в этих кабаках по своей воле? Ха-ха! Посмотрите-ка на это объявление, — Боб указал на плакат над прилавком и вслух прочитал: — «Сегодня кружка пива — всего цент». Видите? А было три цента, и завтра будет тоже три. Два цента за каждую кружку сегодня

доплачивает правительство. Так оно заманивает сюда рабочих и агитирует их. Заметьте, антипатриотических ораторов очень мало и их встречают свистом вон те — впереди. Это тоже агенты правительства. Они получают по доллару в день.

— Но это рабочие, настоящие рабочие? — Сим был удивлен и возмущен.

Боб вздохнул, а потом крепко выругался.

— О, дорогой товарищ, вы, очевидно, плохо знакомы с условиями американской жизни. Правительственная сволочь так умеет обставить дело, что иногда самый ярый участник протестов, сознательный рабочий и искренний социалист, поневоле становится штрейкбрехером и агентом охранки. Думаете, эта стая желтых — это наши классовые враги? Нет, это такие же рабочие, как и мы с вами, и еще в прошлом году они активно выступали против капиталистов. Но видите: сегодня они за доллар продают своих товарищей. О, желтый дьявол умеет бороться! И пока мы его не раздавим, будем оставаться в его лапах, — злобно закончил он.

— Мы его непременно раздавим, — добавил Джим. — А когда раздавим, все спровоцированные и обманутые рабочие освободятся от его

влияния и на другой день с радостью пойдут с нами на баррикады, чтобы сражаться с недобитыми прислужниками желтого дьявола.

За два года, прожитые в Америке, Владимир хорошо изучил американскую жизнь, но и его охватил ужас при мысли о том, к каким иезуитским методам прибегает американская буржуазия для борьбы с пролетариатом. Она провоцирует тысячи рабочих и бьет врага его же собственными руками.

— Любопытно, — обратился он к американским товарищам, — что представляет собой мистер Джойс? Ведь когда-то он был выдающимся борцом против капиталистов, особенно их прихвостней? Если не ошибаюсь, он был избран в Совет именно как сторонник коммунистов?

Боб мрачно и нехотя ответил:

— Он даже состоял в партии и до прошлого года активно работал в нашей боевой организации. О, он был хорошим товарищем, и по происхождению он рабочий, а не интеллигент.

— И что же?

— А теперь он самый яркий пример разложившегося революционера. Сначала он поддался на провокации, а потом стал искренним изменником и перевертышем. Деньги делают свое.

Впрочем, сам черт не разберет, кто он по-настоящему такой.

— И вы не можете сказать, как он будет голосовать?

Боб раздраженно взъерошил волосы:

— Видите ли, тут такое дело… Конечно, он отдаст свой голос за войну. Но ему, понимаете, нужно отдать свой голос так, чтобы угодить и нам, и банкирам.

— Как это? — не поняли украинские товарищи.

Боб засмеялся:

— Голосовать против войны он не может, потому что тогда его съедят банкиры. Вот он и будет голосовать за войну. И никто его ни в чем не сможет упрекнуть. Банкиры будут думать, что он их поддерживает. А рабочим он скажет, что голосовал за войну, считая ее полезной для дела революции — чтобы, мол, превратить бойню, развязанную интервентами-империалистами, в классовую войну.

— Но должен же он во что-то верить! — воскликнул Сим. — Или в нашу, или в банкирскую победу.

— О, не сомневайтесь, в чью-то победу он верит и выйдет сухим из воды. А верит он, пожалуй, в

победу банкиров, — поэтому и будет голосовать за войну. Если бы он верил в нашу победу, то голосовал бы, скорее всего, против войны. Значительная часть пролетариата сознательного и весь несознательный войны не хотят.

Украинские товарищи с трудом понимали американскую ситуацию. Только теперь они осознали всю сложность борьбы в условиях американской жизни, где благодаря принятым капиталистами мерам рабочий класс был раздроблен на десятки и сотни различных политических групп, оболваненных всевозможными пособниками буржуазии и спровоцированных даже в своем классовом чувстве.

— Ах, Америка, Америка! — простонал Сим, сжимая голову руками. — Как же тяжело в этом пролетарском центре Вселенной вести пролетарскую борьбу!

Владимир сочувственно поморщился.

— Да, брат, это тебе не школа агитации в советском Харькове.

Разговор товарищей прервали возгласы снаружи.

Они поспешили на улицу.

Очевидно, заседание Совета закончилось. От подъезда одно за другим отъезжали делегатские

авто.

Площадь мгновенно наполнилась народом. Со всех сторон с криками и шумом бежали демонстранты, расспрашивая друг друга о решении Совета.

Подъезд охранял двойной кордон фараонов. Проезжали конные полицейские. На углу товарищи заметили отряд вооруженной конницы.

— Это не предвещает ничего хорошего, — бросил Джим. — Совет, прежде чем сообщить о своем решении, позаботился вызвать по телефону войска.

Подобраться ближе к подъезду не было никакой возможности. Толпа шумела и волновалась, как море, и перед глазами товарищей только пестрели, словно деревья в роще, чужие затылки и спины.

Но проталкиваться дальше было ни к чему. Судя по настроению толпы, решение Совета ей уже было известно. Сотни рук вздымались вверх. Тысячи глоток сыпали на головы своих «вождей» ужасные проклятия. Уже несколько камней со звоном полетели в широкие окна Дома профсоюзов, и осколки разбитых стекол жалобно звенели, рассыпаясь по асфальту.

— Изменники, предатели, профсоюзные при-

хвостни, палачи! — ревела толпа. — На ваших руках наша кровь и кровь советских республик!

— Мы не пойдем воевать против наших русских товарищей! Сперва мы здесь не оставим камня на камне! Бей!

В едином, гигантском водовороте ненависти таяли и терялись немногочисленные патриотические возгласы, пока не затихли совсем. Зато все чаще и громче звучали истерические вопли женщин. Истерика охватывала и мужчин. Рыдая, с закушенными до крови губами, с безумными глазами, они теснились у подъезда. Полицейские вынуждены были отступить. Нескольких уже стащили с лошадей и с визгом и проклятиями били головами о камни мостовой. Авто спешили поскорее уехать.

И вот от подъезда рванулось блестящее авто-сигара.

— Мистер Джойс! Джойс, собака! Будь ты проклят!

Сбивая и подминая под себя и полицейских, и лошадей, и передние ряды своих товарищей, толпа ринулась к машине. Шофер дал полный ход. Но авто врезалось в толпу и среди шума и криков боли остановилось, бешено пыхтя — круша ноги и руки, раздавливая животы тем, кто

попал под колеса.

— Смерть Джойсу! Смерть! — гудела толпа.

— Пусть не доживет, поганец, до войны, пусть не увидит дела рук своих!..

Через секунду тент с машины был сорван. Два десятка крепких ребят сгрудились вокруг и вытащили из небольшого купе машины съежившуюся фигуру, избивая ее кто и как мог.

Боб уже был среди них. Он давно засучил рукава и весь дрожал от нетерпения, также пытаясь сунуть кулаком в бесформенную массу из мяса и костей — все, что осталось от пассажира авто.

Он поднял было руку и собирался опустить ее прямо на череп мистера Джойса, но вдруг остановился.

— Стойте! — закричал он. — Опомнитесь, сукины дети, убили человека! Убили! Да стойте, матери вашей черт!

Прошло целых пять минут, прежде чем Боб сумел разбросать нападавших в стороны и защитить жертву от ударов.

— Отдай! — кричала толпа. — Отдай, предатель! Бить и его!

Но сильный голос Боба покрыл все голоса:

— Остановитесь, ироды! Смотрите, что вы наделали!

И он поднял высоко над толпой мертвое тело, поворачивая его головой во все стороны.

Толпа окаменела.

На руках у Боба было окровавленное и уже безжизненное тело секретаря комфракции, которого еще вчера громко приветствовал рабочий Нью-Йорк, посылая в Совет на защиту интересов пролетариата.

Боб озверел:

— Сволочи! Своего убили! Вы убили Тиля, нашего руководителя, члена Коминтерна, того, кому мы поручили борьбу с Джойсом!

Мучительный стон был ему ответом:

— Ошибка! Ужасная ошибка! Но это авто Джойса! Тиля специально посадили в джойсовскую машину. А где же Джойс? Он сбежал?

Боб плакал, как ребенок. Он метался у тела мертвого товарища, своего друга Тиля…

На руках у Боба было окровавленное и уже безжизненное тело секретаря комфракции.

Но его хлопоты были напрасны. Оживить Тиля после тысячи пинков гневных рабочих рук было уже невозможно.

Вокруг Боба и Тиля собрались рабочие, орошая слезами память своего предводителя — жертвы еще одной провокации капиталистической сволочи…

А Джойс спокойно катил по Американ-стрит в машине товарища Тиля. Он расположился глубоко в углу диванчика и слегка покачивался на рессорах, прищурив глаза и пыхтя сигарой. Мистер Джойс отдыхал после тяжелого дня и прикидывал в уме план завтрашних выступлений — в 12 часов в парламенте и в восемь на собрании Союза индустриальных рабочих Америки, где ему предстояло дать отчет о сегодняшних событиях. Речи должны быть почти одинаковыми, только с разными объяснениями мотивов голосования в пользу войны. Нужно было хорошенько обдумать, как получше изложить эти мотивы. Он взглянул на часы. Было ровно девять. Мистер Джойс с жалостью к себе понял, что останется без обеда, и велел шоферу ехать в клуб «Добродетельных женщин».

В половине десятого там должно было состояться заседание бюро (членом которого являлся и мистер Джойс) «Альтруистического общества спасения человечества». На повестке дня стояли очень важные вопросы. Например, проект изготовления ядовитых газов — одни не убивали, а только усыпляли, другие же убивали, но действовали исключительно на коммунистов. Если газы, в результате испытаний, окажутся устойчивыми, мистер Джойс от имени «добродетельного общества» должен был предложить их властям для использования в войне, чтобы таким образом избежать лишних жертв.

VIII
В ПОДПОЛЬЕ

Через полчаса после того, как Совет профсоюзов принял решение, в северной части города, на одной из самых грязных улиц, далекой от рабочих районов, собрался Центральный комитет компартии Америки.

До сих пор его заседания проходили в более удобных помещениях, в центральной части города или в рабочих кварталах. Однако события последних дней заставляли ЦК все глубже уходить в подполье и искать убежище, соответствующее всем правилам конспирации. Со дня объявления войны все полулегальные помещения партии разгромила полиция, а этим вечером, после выступления товарища Тиля на Совете индустриальных союзов с вотумом недоверия правительству, Центральный комитет ожидал начала массовых репрессий и потому окончательно превратился в нелегальную организацию.

Секретарь Центрального комитета, чернокожий Том, без ведома ЦК уже велел напечатать

в количестве пяти миллионов экземпляров листовку, где извещал пролетариат Северной Америки и всех стран Нового Света, что с этого дня Компартия Америки окончательно перестала существовать в качестве американской политической партии и перешла в подполье до времени создания А.С.С.Р. Всем партийцам запрещалось выступать открыто от имени партии. Листовка заканчивалась призывом ко всем объединяться в рядах Компартии и под ее незримым руководством вести борьбу за свержение господствующего капиталистического строя.

«В наши дни, последние дни капиталистического мира, не должно быть беспартийных рабочих, — писал Том. — Кто не с нами, тот — против нас! Помните, товарищи, это наш последний бой!»

Несмотря на дальнее расстояние и поспешность созыва заседания, ни один из членов ЦК не опоздал ни на минуту. Не хватало одного только Тиля. Председательствующий, товарищ Уптон, предложил почтить вставанием память незабвенного борца — жертвы провокации проклятого желтого молоха.

— Рабочая Америка не оставит смерть Тиля без ответа. Буржуазия убила Тиля руками рабочих.

Мы смоем кровь с наших рук, только свергнув капиталистическое правительство! Это будет лучшей местью за его смерть. Но, товарищи, когда в нашей стране настанет время красного террора, в гроссбухе нашей ЧК в статье невыплаченных долгов всегда будет стоять имя Тиля! — закончил свою короткую речь Уптон, и его черные мулатские глаза засветились страшным огнем.

Сим дернул Владимира за рукав и шепнул ему:

— Уверен, что главой американской ЧК будет не кто иной, как сам Уптон.

Собрание сразу перешло к деловой работе.

Чернокожий Том выступил первым.

— Прежде всего, — начал он, — позвольте мне, товарищи, поздравить вас с великим днем. Сегодня американский пролетариат во главе со своей Компартией наконец вступил в настоящую активную борьбу против капиталистического строя, следуя заветам нашего вождя товарища Ленина и опыту русской революции.

Несмотря на необходимость соблюдать конспирацию, товарищи не выдержали, и тридцать пять пар рабочих ладоней устроили овацию.

— Прошу внимания, — остановил всех Том. — Вы позволите, товарищи, отныне считать наш ЦК центральным боевым отрядом революции? А

все наши местные комитеты — боевыми организациями? Постановление принято, — закончил он. — Завтра весь мир должен узнать о новой фазе нашей борьбы. Итак, от имени нашего ЦК я предлагаю объявить, что вся рабочая Америка переходит на осадное положение. Это положение укажет нашим местным комитетам формы и тактику борьбы.

Владимир, Сим и другие товарищи из СССР сидели, как на иголках. Перед их глазами всплывали картины из истории русской революции, картины борьбы их родителей и старших братьев. И хотя сами они не принимали участия в этой борьбе, им казалось, что слова Тома они уже слышали дома, на советской родине.

Том продолжал:

— Война объявлена. Наши профсюозные «вожди», позорные предатели и изменники, уже сказали свое слово, которым плотно затянули петлю на шее советских республик. Исходя из этого факта, мы должны использовать войну для нашей победы. Лучшим наставником для нас будет опыт русской революции. Мы знаем, что последняя ступень к социальной революции, последняя капля в переполненной до краев чаше противоречий капиталистического строя

— это империалистическая война. Теперь наша задача — как можно скорее превратить империалистическую войну в классовую, то есть — гражданскую. А в гражданской войне, особенно в Америке, пролетариат непобедим. Надо только, чтобы все рабочие осознали потребность в гражданской войне, неизбежность ее для перехода к совершенным формам социалистического уклада. Поэтому наша первая практическая задача такова: мы должны сделать так, чтобы в Америке не было ни одного рабочего, который поддался бы лжи желтых профсоюзных «вождей». Мы должны открыть рабочим глаза. Весь пролетариат до последнего человека должен быть организован и принимать активное участие в борьбе. Желтые профсоюзы должны стать красными. Мы обопремся на них. Тогда победа коммунистической революции будет обеспечена. А Совет профсоюзов мы объявим врагом пролетариата. Красные профсоюзы выберут новый совет, пока же мы, ЦК Компартии, объявляем себя Красным Советом Профсоюзов — и будем управлять из подполья профсоюзной жизнью. Итак, агитация среди отсталых, инертных и спровоцированных рабочих элементов рабочих с целью выявления истинного лица профсоюзных прихвостней —

наша ударная задача. Далее. Завтра же по всей Америке надо организовать подпольные ревкомы, которые будут руководить революционной борьбой и следить за единством нашей линии. Само собой понятно, что этими ревкомами станут местные комитеты партии, опирающиеся на профессионально-производственные советы. Я закончил, товарищи!

Слово было дано профессору Дюмбригу, бывшему социал-демократу.

Профессор волновался. Говоря дрожащим, поначалу нерешительным, а затем истерическим голосом, профессор Дюмбриг попытался выступить против Тома. Он предостерегал ЦК от неосторожности и горячности, ссылаясь на то, что широкие круги американских рабочих (пусть и в результате провокаций капиталистов, если так угодно товарищу Тому) не хотят войны как таковой — будь то война империалистическая или классовая. Рабочий класс стремится жить в покое. Партия должна еще раз попробовать добиться своего мирными средствами. Следует немедленно начать агиткампанию среди рабочих: все они должны потребовать от правительства прекращения войны с СССР.

Профессор говорил долго и путано, обраща-

ясь к каждому из членов ЦК и будто ища у них поддержки, но всякий раз встречал холодное молчание или насмешливую улыбку. Наконец, усталый и разбитый, он сел на место.

Тогда, вне очереди, снова выступил Том.

— Вы не понимаете момента, дорогой профессор, — холодно сказал он. — Сегодня мы уже просили правительство не начинать войны, но наши же «представители» в Совете профсоюзов подали голос за войну, сами не понимая, что этим поставили на себе крест и подписались под вооруженным восстанием. Теперь вам понятна наша общественная ситуация?

Том помедлил и остро глянул профессору в глаза. Продолжая, он уже не отводил взгляда от испуганных глаз Дюмбрига, обращаясь только к нему.

— Пролетариат загнивает, гибнет в тине демократизма. Правительственные провокации заставляют его изменять самому себе. Болото провокации все глубже затягивает пролетариев, а парламентаристская болтовня разлагает и организованную часть пролетариата.

Том выделил голосом последнюю фразу, и бедный профессор покраснел под его взглядом. Том продолжал:

— Мы, кучка, организованная часть, не в силах извлечь всех поддавшихся на провокации рабочих из этого болота. Глаза им может открыть только мировая катастрофа. И эта катастрофа — империалистическая война. Она подвигнет разложившуюся часть пролетариата на открытое восстание. Мы берем на себя большую ответственность, как бы поддерживая войну. Мы сознательно идем на жертвы. Но, дорогой профессор, вы забыли, что пролетарии имеют право на жертвы… Поймите же свою ошибку… Ибо вы в корне ошибаетесь, как ошибаются и те товарищи, которые перед началом заседания обсуждали между собой тактику восстания.

Здесь Том обратился ко всем собравшимся:

— Я слышал, как некоторые предлагали агитировать за отказ от мобилизации. Это ошибка, товарищи. Мы обязаны мобилизоваться, и именно мы — прежде всего. Мобилизоваться для того, чтобы разложить войска. Все наши действия должны быть направлены на то, чтобы овладеть военными средствами. А это мы можем сделать, лишь будучи мобилизованы. Потому что мало заполучить оружие, надо овладеть и техникой: тогда мы сможем не только угрожать буржуазии оружием, но и полностью парализовать ее. Об

этом мы должны будем подробно поговорить.

Том сел.

Слово взял старый инвалид-коммунар, шофер Рудольф.

Комитет с уважением слушал его. Дед Рудольф участвовал еще в русской революции и первым из американских товарищей активно, с оружием в руках защищал интересы рабочих. Возраст и раны, полученные в боях на территории России, мешали Рудольфу говорить, и речь его не была такой зажигательной и динамичной, как выступление Тома. Он долго, но без лишних слов — этому научила его русская революция — говорил о сложности обрисованных Томом задач. Он привел примеры из истории русской революции, рассказав, как тяжело было привлечь пролетариат к активному выступлению против существующего строя и как, наоборот, все рабочие в один день стали красными и взялись за оружие, стоило только авангарду начать вооруженное восстание.

Сравнивая российскую ситуацию с американской, Рудольф доказывал, что в Америке придется еще труднее: хотя американский пролетариат и крепче прежнего российского, специфические условия американской жизни разделили его на

различные течения и политические группы.

— Мы должны помнить об этом, — заключил Рудольф, — приступая к выполнению задач, которые выдвинул товарищ Том. Но сейчас перед нами стоит еще один вопрос первостепенной важности. Война объявлена. Не далее, как через несколько дней, начнутся бои. Сразу разложить армию, побудить ее оставить фронт и повернуть оружие против командиров нам не удастся. Это требует некоторого времени. Революционизировать наши профсоюзы и начать гражданскую войну мы также сможем только через некоторое и, не исключено — достаточно долгое время. Однако наши капиталисты ждать не станут. Они все силы бросят на войну. Нам известно, что вооруженные силы уже готовы к бою. Советские страны не располагают достаточно совершенной военной техникой, чтобы бороться против оружия капиталистов. Империалистическая армия за неделю их раздавит и задушит ядовитыми газами. И если для подготовки нашей революции потребуется какое-то время, которое займет война, то эту революцию мы совершим лишь ценой гибели советских республик. Да, товарищи, — воскликнул Рудольф, и голос его задрожал на звонких нотах. — Я подчеркиваю: пока мы будем

готовить революцию в Америке, капиталисты успеют уничтожить советские республики, и штаб мировой революции — СССР — перестанет существовать!..

Мертвая тишина была ответом на речь Рудольфа. Выскаказанная им мысль во всей жуткой ясности представилась каждому члену ЦК, и все безвольно повесили головы.

Том опомнился первым.

— Так что же делать? — воскликнул он. — Неужели отказаться от мобилизации и сегодня же выступить с оружием в руках, точнее говоря — с голыми руками? Ведь это с самого начала обрекает нашу революцию на гибель!

Поднялся шум. Председательствующий тщетно призывал к порядку тридцать пять обычно дисциплинированных членов ЦК. Тридцать пять единомышленников, каждый по-своему, толковали слова Рудольфа, — настолько слова эти были ужасны.

Владимир, Сим и другие товарищи из Украины понимали и разделяли мысль Рудольфа, пожалуй, глубже других: не приходилось сомневаться, что он был прав. И хотя в последние месяцы они сотни раз обсуждали невозможность воевать с капиталистами в таких условиях, когда технике

врага можно было противопоставить только живую силу, они только сейчас до конца осознали всю слабость военной подготовки советских республик и очевидную неизбежность гибели красной крепости революции — СССР.

«Неужели это может произойти? Неужели чудовищная мысль Рудольфа соответствует истине? — и Владимир дословно вспомнил речь главного инженера СТО. Вспомнил и, замирая, вынужден был с ужасом признать: — Может статься, так и будет…»

Наконец Том сумел утихомирить товарищей. Коммунары сели на свои места, но еще долго не могли как следует успокоиться и нервно переговаривались.

Слово вновь взял старый Рудольф. На этот раз его речь была короче.

— Мы не в силах изменить ход исторических событий, — сурово резюмировал он. — Ускорить нашу революцию настолько, чтобы предотвратить войну, мы не в состоянии. Единственное, что мы можем и обязаны сейчас делать для спасения СССР, это — препятствовать империалистической армии разрушать и уничтожать советские республики.

Среди присутствующих раздался нервный

смех.

— Вы несете вздор, Рудольф! Даже если мы немедленно организуем бунты в армии и станем при посредстве наших мобилизованных товарищей портить военное имущество, мы все равно не предотвратим несчастье! — выкрикивали самые экспансивные.

— И все же мы должны и можем предотвратить беду! — уже истерически закричал товарищ Рудольф.

Собрание притихло. Всех поразила решительность Рудольфа.

— У меня есть план, — договорил он. — Возможно, он покажется вам авантюрным. Но подумав, вы увидите, что план вполне реальный, хотя осуществить его будет трудно.

— Излагайте ваш план, — недоверчиво предложил Боб.

— Он очень простой. Советским республикам не страшна дегенеративная империалистическая армия, и к тому же за два-три месяца мы ее деморализуем. Советским республикам страшна военная техника, которой обладают наши капиталисты. Им страшна *химия*. Империалистическая ставка считает, что в химической войне советские республики будут парализованы за три

недели. У советских бойцов нет даже нужного количества противогазов. Но даже если бы советские республики были обеспечены двойным количеством противогазов, это не уменьшило бы опасности. Мы знаем, какие газы за это время изобрели Америка и Европа — против них не могут устоять никакие противогазы. Поэтому единственное спасение в том, чтобы создать противоядие, то есть газ, который разлагал бы ядовитые газы и лишал их ядовитой силы.

— Но для этого необходимо знать формулы ядовитых газов! — раздались нервные возгласы.

— Да, надо знать, — спокойно согласился Рудольф. — И мы их не знаем. Как не знает их никто ни в Европе, ни в Америке, включая самых верных сторонников наших врагов. Буржуазия умеет скрывать свои тайны. Возможно, формулы знают только один-два человека во всем мире — изобретатели этих газов. Но, опять же, никому не известны имена изобретателей… Так вот, мы должны любой ценой выяснить, кто знает эти формулы, найти этих людей и заставить их выдать нам тайну.

Рудольфу едва дали закончить. Со всех сторон послышались саркастические замечания, ругань и насмешки. Но Рудольф спокойно пропустил

мимо ушей «старого дурака», «сумасшедшего» и даже «провокатора». А когда волнение немного успокоилось, он произнес тихо, но так твердо, что все посерьезнели:

— Я сам возьмусь за это дело, если даже ЦК не примет мое предложение.

Неожиданно у Рудольфа нашлись союзники.

Владимир уже давно порывался что-то сказать. Теперь же, воспользовавшись внезапным молчанием, он взял слово.

— Я с вами, товарищ, — и он стиснул руку Рудольфа. — Я еще не знаю, как мы это осуществим и не вижу шансов на успех, но мы должны постараться! Может, это даже фантазия, — обратился он к слушателям, — но ситуация заставляет нас ничем не пренебрегать. У русских есть остроумная пословица: «Попытка не пытка». Допустим даже, что мы ничего не достигнем и наша попытка не увенчается успехом. Но мы рискуем, в конце концов, только своей жизнью. Бывают такие случаи, когда приходится полагаться не на схему, а на удачу, на «авось»!

Выслушав его, Том внес предложение: позволить Владимиру и Рудольфу работать по предложенному плану, предоставить им право самой широкой инициативы и в случае нужды

помогать им всем, чем можно.

Сразу несколько товарищей вызвались участвовать. Но Рудольф отобрал для начала одного Боба, взяв с других обещание прийти на помощь по первому же зову и оговорив, что ЦК разрешит ему при необходимости использовать рядовых членов партии.

Троица не стала ждать конца заседания и, не мешкая, приступила к выполнению замысла товарища Рудольфа, в то время как другие товарищи остались обсуждать вопросы организации вооруженного восстания.

IX
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

Прежде всего надо было в подробностях выслушать и обсудить план Рудольфа.

— Зайдем в кафе, — предложил Рудольф. — Во-первых, это удобнее с точки зрения конспирации, а во-вторых, немного подкрепимся: неизвестно, когда в следующий раз придется поесть.

Товарищи зашли в первый попавшийся бар. По дороге Рудольф купил вечерний выпуск правительственных «Известий».

Несмотря на поздний час, в баре было людно и шумно. В одном конце, на эстраде, под звуки разбитых клавикордов, тромбона, скрипки и барабана, обнаженная пара — мужчина и женщина — отплясывала модный и наипохабнейший чарльстон, обливаясь потом. Танцоры то и дело на миг останавливались — этого требовали «па» танца — и наспех растирали по лицу и голой груди капли грязного пота.

В другом конце бара шел митинг. На столе среди опрокинутых бутылок и стаканов стоял растрепанный человек в разорванной и засаленной

рабочей одежде. Он бил себя кулаками в грудь, ерошил волосы и, очевидно, что-то говорил. Но оглушительные завывания квартета, возгласы танцоров и общий шум не позволяли разобрать ни слова. Время от времени оратор бросал в сторону эстрады яростные и угрожающие взгляды.

— О чем он говорит? — спросил Владимир у официанта.

Лицо официанта распылось в широкую улыбку:

— Сам черт не разберет, товарищ. Да и не услышит ничего. Одно ясно — он агитатор белых. Это стало понятно с первых же слов, когда он начал призывать к войне с большевиками. А танцоры и музыканты — красные. Чтобы отвлечь внимание публики и не дать ей слушать этого шута, они начали играть и танцевать. Агитатор раз десять начинал свою речь, — и артисты каждый раз его обрывали. Тогда он решил взять их измором, считая, что рано или поздно они выбьются из сил. И вот уже полчаса он пытается их перекричать, а они, не переставая, играют и танцуют… Только вот боюсь, товарищ, что артисты не выдержат. Видите, как они вспотели? А у бедной Эммы уже ноги трясутся — она сейчас упадет в обморок.

Рудольф невольно улыбнулся. Боб взорвался

могучим хохотом, заглушая и оркестр, и оратора.

— Браво, наши! — заорал он танцорам, размахивая шляпой. — Валяй!

Но Владимира, непривычного к подобным сценам, этот случай глубоко тронул.

«Чем не пример достойной революционной борьбы? — подумал он. — Немощные музыканты и люмпены-артисты, неспособные к активной борьбе, помогают своим товарищам, чем могут — малым, мелочью. И эта мелочь — большой вклад».

Бедная Эмма завершила танец; она сделала последнее па, бессильно согнулась, попыталась выпрямиться, но рухнула без сознания. Партнер даже не взглянул на нее и продолжал танцевать. Владимир бросился к Эмме, чтобы помочь ей, но Рудольф остановил его:

— Оставьте, товарищ, у нас есть более важные и срочные дела. Наши о ней позаботятся.

Товарищи пересели за столик подальше от оратора.

Рудольф велел подать ужин.

В это время оркестр взял аккорд, оборвал — и мелодия утихла. Громко лопнула струна на скрипке, замолчали клавикорды… Звучали только гулкие удары барабана, но вскоре и он замолк…

Агитатор победно оглядел зал и рассек внезапную тишину хотя и хриплым, но еще сильным голосом. Он призывал рабочих поддержать правительство и начатую им войну. Он опровергал обвинения в измене и продажности, брошенные Совету профсоюзов. Наконец он перешел к буржуазии, обругал ее, но констатировал, что при всем том, в тяжелый для всего народа момент войны, пролетариат должен выступить вместе с буржуазией против общего врага, посягающего на его благосостояние.

Слова агитатора утонули в презрительных выкриках. Аудитория заволновалась.

— Это ложь! Такое слышали еще наши родители от лакеев Второго Интернационала во время последней мировой войны. Но российский пролетариат не стал слушать этих лжецов, и теперь у него пролетарская власть! — неслось со всех сторон.

— Прихвостень! Наемник! Провокатор! Бей его!

Слушатели, опрокидывая стулья и столики, надвинулись на оратора. Но несколько господ, которые сидели в стороне и, казалось, не участвовали в митинге, вдруг бросились его защищать.

— Это переодетые полицейские, — пояснил

Боб Владимиру. — Они охраняют агитаторов. Смотрите, они не стесняются употреблять атрибуты своей власти! — рассмеялся он, указывая на добровольных защитников. Те вытащили из-под пиджаков резиновые полицейские дубинки и лупили ими по головам и спинам возмущенных слушателей.

С помощью дубинок и еще нескольких полицейских в форме «прения по докладу были закрыты», как выразился Боб.

Товарищи могли теперь обсудить свои дела.

— Мой план или, лучше сказать, первая часть моего плана, которую мы сейчас рассмотрим — очень проста, — начал Рудольф. — И вот этот сегодняшний вечерний выпуск правительственных «Известий» окажется для нас очень полезным. Я уже успел просмотреть газету и нашел то, что мне было нужно.

Товарищи теснее придвинулись к нему. Рудольф оглядел зал и сменил тон:

— Здесь, очевидно, полно шпиков. Мы попали, должно быть, в пивную, где собирается местный актив. Но уходить сейчас нельзя. Я закажу побольше выпивки, и вы, Боб, как самый крепкий из нас, будете пить, а мы понемногу вам поможем. Кроме того, надо строить из себя пьяненьких

и, соответственно, притворяться, что мы ведем веселый разговор. Улыбайтесь же… Вон там одна рожа слишком внимательно к нам присматривается и что-то говорит другой, показывая на нас глазами.

Товарищи учли это и стали бурно размахивать руками, пить пиво, напевать песенки, весело улыбаться и гримасничать, так что по их виду никак нельзя было догадаться о содержании беседы.

Первая часть плана Рудольфа действительно была очень проста. Нужно было выяснить, кто знает формулы газов. А выяснить это, по мнению Рудольфа, можно было следующим образом:

— Все граждане Штатов, если не весь мир, знают, что существует Совет военной химии. Имена его членов не известны никому. Буржуазия понимает, что имя хоть одного члена Совета позволило бы узнать и формулы, и бдительно охраняет свои интересы, прибегая к строжайшей конспирации. Где заседает Совет — тоже неизвестно. Да это и не так важно. Заседания, конечно, проводятся в секрете и тщательно охраняются, так что пробраться туда все равно невозможно. Но членов совета нужно как-то вызывать на заседания. Вызывают же их обычно через правительственные «Известия», приводя в оповещении только время

заседания и не указывая ни места, ни имен членов. В вечернем выпуске — вот он — говорится, что внеочередное заседание должно состояться как раз сегодня в полночь.

Рудольф взглянул на часы:

— Сейчас ровно десять. Значит, в нашем распоряжении еще два часа.

— Но как узнать, где они заседают? И вообще, я ничего не понимаю, — нетерпеливо заговорил Боб. — Мне кажется, того, что мы знаем, слишком мало… Пожалуй, товарищи были правы, обвиняя вас в беспочвенных фантазиях.

Рудольф спокойно остановил его:

— Узнать, где проходит заседание и пробраться на него мы никак не можем. Но пока что нам это и не нужно. Нам лишь необходимо выяснить имя хотя бы одного из членов Совета или раздобыть какие-то сведения об этом Совете.

— Ну?

Боб начинал сердиться.

— Так вот, мы этим и займемся.

И Рудольф коротко поделился с товарищами своими мыслями. Они были настолько же смелыми, насколько фантастическими. Боб сейчас же выразил свои сомнения и добавил, что, по его мнению, все это — пустая выдумка, авантюра

и трата дорогого времени. Лучше вернуться на заседание ЦК, чтобы принять участие в обсуждении плана вооруженного восстания.

Рудольф пожал плечами:

— Это ваше дело, товарищ. Вы можете поступать, как пожелаете. Мы справимся и вдвоем. А если и товарищ Владимир не верит в успех, я попробую сам.

Боб смутился.

— Я, собственно, ничего… — покраснел он. — И раз уж я взялся за дело, то доведу его до конца… Мне только не верится, что в Совете химии сидят дураки, которые не отключат телефон на время заседания.

Но Рудольфа было трудно переубедить, и он непоколебимо стоял на своем.

— Я и не надеюсь на их глупость. Более того — я уверен, что телефон обязательно отключат. Однако у нас есть крошечный шансик: им может прежде кто-то позвонить, и они ответят либо сами кому-то позвонят. Возможно, в это время нам удастся хоть что-нибудь подслушать. Не забывайте, с нами Владимир — а он радиослухач и стенографист.

— Эх! — воскликнул Боб, громыхнув по столу кулаком. — Я молчу. Пусть это даже фантазия, но

вы, Рудольф, человек смелый и жесткий, — такие и делают революции. И я с вами. Как вы недавно сказали? — обратился он к Владимиру. — «Попытка не пытка»? Ну, выпьем на счастье!..

Это «на счастье» он выкрикнул так громко, что все посетители повернули головы. Два официанта бросились к столику и остановились с немым вопросом.

— Вот деньги, — Боб сунул им засаленный доллар и, заметив на себе взгляды нескольких шпиков, зацепился ногой за стул и с проклятием грохнулся на пол, изображая пьяного.

Бар взорвался хохотом. По губам шпиков тоже пробежала легкая улыбка. Но Бобу этого было мало. С помощью товарищей он с трудом поднялся на ноги, во весь голос затянул патриотическую песню и по-военному замаршировал к выходу, увлекая за собой спутников.

Шпики успокоенно отвернулись.

— Ну, удачи нам! — сказал Рудольф, когда они зашли за угол. — Револьверы при вас?

— Здесь, — одновременно ответили Владимир и Боб.

— Без двадцати минут двенадцать. Пойдем.

Товарищи вскочили в первое попавшееся такси.

— На Центральную телефонную станцию, — приказал Рудольф шоферу.

X
ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Однако автомобиль не проехал и половины квартала. Неожиданно Рудольф велел шоферу остановиться. Затем озабоченно отвел удивленных товарищей на тротуар — подальше от водителя.

— Мы забыли за одну... мелочь, — растерянно объяснил он.

— А именно?

— У нас нет микрофона...

— Микрофона?

— Да. Бессмысленно надеяться что-то подслушать через обычную телефонную трубку. Ведь нам надо услышать не то, что говорится в телефон, а слова, которые произносятся в это время в помещении, то есть, возможно, очень далеко от телефонного аппарата. Итак, нужен мощный усилитель звуков.

Соображение было очень уместным, но тем не менее неприятным. Дело осложнялось.

— Где же его, к черту, взять, этот микрофон? — разочарованно почесал в затылке Боб. — Мага-

зины уже все закрыто, и ни один лысый бес не продаст нам сейчас этой штуки.

Он беспомощно посмотрел на товарищей:

— Если бы я знал заранее, можно было бы организовать экспроприацию на нашем заводе. Вот незадача! У меня их каждый день сотни проходят через руки.

— Вы разве работаете на электрическом заводе? — поинтересовался Владимир.

— Малых токов. У нас там на складах миллионы этих телефонов, микрофонов, громкоговорителей…

Владимир быстро обратился к Рудольфу:

— Может, отложить дело до завтра? Утром мы все организуем — или купим, или экспроприируем — а вечером…

Рудольф категорически замотал головой:

— Нет, нужно действовать сегодня, раз уж нам так повезло, что Совет военной химии проводит заседание. Кто знает, когда они снова соберутся.

Все растерянно переглядывались…

— Эспроприировать… — бормотал Рудольф, — экспроприировать… Хм… где бы его сейчас экспроприировать?

— Влезть в какой-нибудь магазин? — робко предложил Боб. Он и сам понимал, что мысль

явно была неудачной: конечно, нельзя было и надеяться влезть в магазин, когда улицы были полны света и людей, а на каждом углу расхаживал полицейский.

— Это не годится, — подтвердил Рудольф. — Что же делать?

И вдруг Владимиру пришла в голову действительно блестящая идея. Он схватил товарищей за руки и ближе притянул их к себе.

— А громкоговоритель не годится? — зашептал он, кивая на электрический рупор на противоположной стороне улицы. — Его нельзя использовать?

Рудольф вопросительно посмотрел на Боба: тот был самым компетентным в подобных делах.

— А что? Если бы только имелся трансформатор, чтобы уменьшить напряжение… хотя бы реостат и катушка, и можно было скомбинировать… — согласился Боб. — Но опять-таки, как его незаметно снять со столба?

— Идея! — воскликнул Рудольф.

— Ну?

— В Нью-Йорке до черта трансляторных радиостанций….

— Да вот тут недалеко, за углом, студия, — отозвался Боб. — Я там в прошлом году устанавливал

оборудование.

— Прекрасно! Там наверняка есть запасные громкоговорители.

— Конечно. В кладовой всегда штук пять найдется.

— Мы украдем один.

— Украдем?

— Экспроприируем. Устроим налет на студию. Технику револьвер ко лбу и…

— Понял, — Боб сразу взялся за дело. — Шоферу скажем ждать, а сами прямиком в студию. Там и трансформатором разживемся, а не окажется запасного, со стенки снимем.

Условиться с водителем, приготовить оружие и превратить бумажники в импровизированные маски было делом трех минут. А через пять минут Рудольф, Боб и Владимир уже стояли в приемной «Музыкальной радиостудии полинезийских мотивов»…

Клерк принял их по одежке, и его общее впечатление касательно общественного положения наших товарищей было, по правде сказать, не очень благоприятным: служащего шокировало, разумеется, что в столь позднее время эти неизвестные джентльмены позволили себе явиться запросто, не в вечерних туалетах.

— Что вам нужно? — процедил он сквозь зубы, не проявляя особого любопытства.

— Мы хотим видеть господина директора студии, — вполне вежливо ответил Рудольф, отдав почтительный поклон.

Такой ответ очень удивил и даже возмутил достойного лакея своего хозяина. Он обиженно надул губы.

— Разве уважаемые джентльмены не знают, что господин директор принимает только днем и никак не позже шести часов?

— Мы не знали… — стал оправдываться Рудольф и хотел было пуститься в объяснения, но клерк не дал ему договорить.

— Для этого с той стороны дверей висит табличка, — сообщил он. — Если вам надо поговорить с господином директором или с господином личным секретарем господина директора, я могу записать вас в очередь на послезавтра, — и, милостиво кивнув головой, клерк придвинул к себе блокнот. — Зайдите послезавтра в одиннадцать часов…

— Но нам надо видеть господина директора непременно сегодня, сейчас… — настаивал Рудольф.

— Вы сами должны понимать, что это невоз-

можно.

— Тогда техника станции, — вмешался в разговор Боб. — Нам все равно.

— То есть как это «все равно»? — снова возмутился клерк.

— Разве господин директор и техник — одно и то же? По какому вы, собственно, вопросу?

Бобу успел надоесть этот вежливый диалог. По правде сказать, он давно уже примерялся заехать в рожу господину клерку. Он мигнул Владимиру, ставшему у дверей во внутренние помещения, а сам навис над столом, за которым сидел господин клерк.

— Вопрос наш состоит вот в чем, хайло, — тихо сказал он, отбросив уважительный тон. — Ты сейчас приведешь сюда техника… — при этом он вытащил из кармана здоровенный браунинг и дунул в ствол, словно расчищая дорогу для пули.

Поставленный таким образом вопрос, очевидно, удивил клерка, поскольку он даже спустил на пол ноги, лежавшие на спинке соседнего кресла. Сам внешний вид огнестрельного оружия оказался прекрасным воспитательным средством и сразу отразился на его поведении. Он почтительно поклонился посетителям, хоть они были и не в вечерних костюмах, и льстиво осведомился:

— Джентльмены имеют какое-то личное дело к технику?

— Не столько к технику, сколько к ключам от его кладовой, — уточнил Боб.

Это вполне удовлетворило любопытство клерка. Он счел своим долгом проинформировать уважаемых посетителей, что господин техник на смене и позвать его в приемную означает прервать работу станции. Не угодно ли джентльменам самим пройти к нему: это третья комната по коридору, слева, с надписью «Посторонним вход воспрещен».

Бобу окончательно надоели долгие разговоры. Он взял господина клерка за грудки и немного встряхнул.

— Не будете ли вы так добры дать нам ключи от кладовой? — объяснил он свой поступок. — Мы не располагаем временем для поисков комнаты техника. Надеюсь, все ключи хранятся здесь, в конторе?

На сей раз клерк мгновенно понял Боба, и, не мешкая, достал ключи из сейфа.

— От кладовой вот этот, большой, — заискивающе сказал он. — Но сделайте одолжение, напишите расписку, что я оказал вам сопротивление и отдал ключи только под угрозой оружия…

Это просто справка для полиции. Я думаю, вы не станете причинять вред лично мне?

Рудольф охотно удовлетворил его просьбу и написал требуемую расписку. После этого клерк безразлично закурил сигарету и терпеливо ждал, пока товарищи не выбрали исправный громкоговоритель и прочее необходимое им оборудование. Клерк успел выкурить целых две сигареты, так как Боб провозился минут двадцать. Наконец импровизированный микрофон был готов. Товарищи ушли, предусмотрительно заперев клерка в кладовке, на что тот охотно согласился, косясь на браунинг Боба.

Выйдя, Боб отдал ключ от кладовой и соответствующую записку уличному посыльному, попросив передать все это через пятнадцать минуту швейцару.

Шофер уже соскучился ждать своих пассажиров и погнал машину на полной скорости, разрешенной правилами городского движения. Не прошло и пяти минут, как товарищи очутились у Центральной телефонной станции.

Здесь необходимы были решительные меры. До аппаратных залов товарищи добрались без помех, но без пропуска комендатуры охранник не пропускал их в кабинет дежурного инспектора.

Пришлось заткнуть ему рот платком и, связав, тихонько отнести охранника в уборную.

В кабинете у контрольных аппаратов сидел инспектор и две дежурных телефонистки: всего трое на весь огромный многоэтажный дворец нью-йоркской телефонной станции, обслуживаввшей миллионы абонентов. Инспектору также скрутили руки и ноги и заткнули рот углом скатерти с его собственного стола. Одну из телефонисток заставили сесть на место и под угрозой револьвера Боба продолжать работу. Вторая, насмерть перепуганная, повела Рудольфа и Владимира в аппаратные залы.

Хрустальные аппаратные телефонного дворца представляли собой впечатляющее и жуткое для непривычного человека зрелище. Правильней будет сказать — и зрелище, и «слуховище». Бесконечной анфиладой тянулись один за другим длинные прозрачные отсеки со стеклянными перегородками вместо стен. Они простирались не только вдоль и поперек, но и вверх и вниз, на много этажей; и потолок, и пол тоже были сделаны из стекла. Страшно было ступать по прозрачному полу, видя под собой глубокий колодец, весь полный яркого, как днем, света... И нигде ни одного человека! Электрический ток

заменял несколько тысяч работников. Телефоны включались автоматически, и миллионы неслышных разговоров бежали, куда захотят, — из аппарата в аппарат, из провода в провод, из кабеля в кабель, из одного города в другой, с одного конца континента до другого… В огромном дворце, где были сосредоточены телефонные разговоры крупнейшего в мире города, царила полная, глубокая тишина. Станция оставалась немой, молчаливой и тихой… Только шелест, — постоянный, непрестанный, еле слышный, но надоедливо-раздражающий шелест нарушал глухую немоту телефонного дворца. Это, как мыши, шуршали коммутаторы. Размещенные вдоль стеклянных стен в бесконечно длинных, горизонтальных, приплюснутых трубах, они таинственно хранили в себе волшебную работу тока. Операции включения и размыкания проводов оставались скрыты от глаза: лишь в момент соединения в пронумерованном квадратике — сердце телефона — отодвигался маленький, соответственно пронумерованный шпенек, чтобы снова встать на место, как только разговор будет окончен и собеседники повесят трубки. Здесь разговаривали не люди, а лишь их универсальные обозначения — номера. Это постоянное

движение, беспрерывное клацанье целлулоидных штифтов и складывалось в раздражающий шепот телефонного дворца…

Голова шла кругом при виде этого странного, необычайного зрелища и, как мы сказали, слуховища. Однако товарищам необходимо было спешить, потому что они и без того задержались с микрофоном.

— Ведите нас к центральному кабелю главного автомата, — приказал Рудольф телефонистке.

Та уже немного успокоилась и удивленно выполнила требование странных посетителей.

Все невольно закрыли лица и уши руками.

После этого ей было велено подсоединить к центральному кабелю контрольный аппарат.

— К какому номеру подсоединиться? — спросила она.

— Непосредственно к кабелю, — был ответ.

Удивленная еще больше, она выполнила и это приказание.

Через несколько минут к контрольному проводу был прилажен импровизированный микрофон. Телефонистка, крайне озадаченная, наблюдала за странными и непонятными действиями оригинальных налетчиков.

Но ее удивление сменилось непритворным испугом, когда Владимиру наконец удалось установить и включить громкоговоритель. На мгновение бесчисленные залы дворца взорвались непредставимым, громоподобным воплем тысяч обрывков телефонных разговоров — тысяч оборванных и и слитых воедино звуков. Казалось, закачались мощные хрустальные стены и прозрачный потолок готов был обрушиться…

Все невольно закрыли лица и уши руками, ожидая продолжения этого неслыханного крика. Но он длился лишь какой-то миг. После стало совсем тихо — пораженный слух отказывался

реагировать на обычные раздражители… и затем снова неугомонно и раздражающе зашелестела на своем странном языке равнодушная армия автоматов…

Рудольф, Владимир и телефонистка бросились к громкоговорителю. От него поднимался легкий дымок. От мембраны не осталось и следа: она сгорела. У контрольного аппарата болтался остаток оборванного, растерзанного провода…

Пришлось звать Боба. Он добыл новую мембрану, приладил снова, поменял конденсатор и обмотку — но, когда все уже было готово, с сомнением отодвинул устройство в сторону.

— Я не думаю, что из этого что-нибудь выйдет, — чистосердечно признался он. — Мне кажется, десятку умелых изобретателей всей жизни не хватит, чтобы построить нужный нам аппарат… Ведь нам мало сконцентрировать звук: нужно усилить его, а затем разложить, и результат ослабить, не то снова произойдет этот речевой взрыв, не менее сильный, чем взрыв динамита. Подобный звук может поднять на воздух и это здание, и нас вместе с ним. Легко сказать — несколько тысяч человек разом закричат в эту несчастную трубку… Такое, пожалуй, не под силу современной технике.

— Что же делать? — Рудольф впервые заговорил беспомощно, очевидно, наконец осознав всю фантастичность своего замысла.

Боб не ответил и только пробормотал, что, по его мнению, эксперимент пора заканчивать: члены химического совета уже, наверное, отправились по домам спать.

Но на последнем слове он осекся.

Рудольф с налитыми кровью глазами подскочил к нему и ткнул браунингом в лицо.

— Собака! — прохрипел он. — Ты загубишь все дело! Она услышала, что мы интересуемся Советом военной химии.

Боб готов был провалиться сквозь землю. Однако телефонистка пришла ему на помощь.

— Не беспокойтесь, товарищи, — улыбнулась она, отрываясь от трубки. — Если вы хотите, чтобы я забыла о Совете химии, то я забуду. Зря вы мне сразу не сказали, — вам не пришлось бы слушать всех абонентов. Мне известен номер телефона Совета. Вот он. Я только сегодня включала его для ремонта.

Рудольф и Боб бросились к коммутатору и уставились на указанный телефонисткой номерок, словно ожидая, что он вот-вот заговорит.

— Вы уверены, что это он? — резко спросил

Рудольф.

— О да. Пожалуйста, я могу проверить.

И, не дожидаясь ответа, она подсоединилась к номеру:

— Алло? Центральная. 2-33-47? Совет военной химии? Нет, мне не нужен Совет. Извините, я ошиблась, — и, лукаво улыбаясь, она взглянула на остолбеневших товарищей.

В это время контрольный штифт ячейки 2-33-47 мягко щелкнул. Номер 2-33-47 соединился с другим абонентом.

— Они соединились с 1-07, это — военное министерство… Держите, слушайте… — быстро бросила телефонистка, передавая трубку Рудольфу.

Рудольф буквально прилип к трубке.

Разговор представителей химического совета с военным министерством продолжался довольно долго — целых пять минут. Лицо Рудольфа все время то краснело, то бледнело. Очевидно, ему удалось что-то услышать. Наконец, он отложил трубку.

— Пойдем, скорей. Нельзя терять ни минуты.

Но телефонистка его остановила:

— Вы уже уходите, милостивый государь? А как же я? Мне ведь нужно сейчас же вызвать

полицию.

— А вы скажете полицейским, для чего мы сюда приходили и кого подслушивали?

— Нет. Но лучше свяжите меня.

Боб быстро опутал ее веревкой, пытаясь сделать это как можно осторожнее.

— Прощайте, товарищ, — улыбнулся он телефонистке. — Мы не забудем вашей помощи.

— Вы — красные? О, успеха вам! Я никому не скажу ни слова.

Боб не выдержал и поцеловал ее в зарумянившуюся щеку:

— Будьте здоровы!

На улице Рудольф заторопился:

— Скорее, надо спешить.

— Что вы услышали?

Пробираясь по темным закоулкам спящего Нью-Йорка, Рудольф наскоро изложил товарищам добытые сведения:

— Заседание Совета только что закончилось. Его секретарь назвал военному министру место — Поалей-стрит 140, военный городок. Сегодня на рассвете там должно что-то произойти. Приглашен весь Совет, будет военный министр. Что именно планируется? Неизвестно. Но что-то очень важное… В любом случае, там можно будет

увидеть всех членов Совета… Прощаясь, секретарь Совета сказал министру: «Vae victis»[4]. Это, очевидно, пароль. Я не смог, конечно, ясно расслышать разговоры в комнате — к сожалению, не было времени включить громкоговоритель, тут он нам, безусловно, пригодился бы. Но я отчетливо слышал, как недалеко от аппарата кто-то несколько раз повторил дату — 1 мая. Боюсь, что первого мая начнется наступление на СССР.

Сегодня 24 апреля. Итак, у нас в запасе еще шесть дней, — с облегчением вздохнул Рудольф. — Возможно, мы и успеем что-то сделать за это время. Скорее на Поалей-стрит 140. Я уверен, что там мы хотя бы узнаем кое-что новое. Не забывайте — «Vae victis».

---

[4] Примечания: 4
«Горе побежденным!» (лат.).

XI
В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ

Солнце едва поднялось над горизонтом, когда авто товарищей въехало на Поалей-стрит.

Шофер удивленно смотрел на трех ранних пассажиров в серых военных шинелях. Шинели были выдумкой Рудольфа. В последнюю минуту он вспомнил об одежде, — было ясно, что их рабочие блузы могли показаться странными в военном городке. Товарищи долго раздумывали, что бы им надеть, и, в конце концов, согласились с Рудольфом: военные шинели с капюшонами и каски будут самым обычным и подходящим для военного городка нарядом.

Автомобиль быстро катил по ровной гудроновой мостовой, казавшейся странной здесь, среди запустения и мусора. Поалей-стрит не походила на улицу. Вдоль дороги лежали кучи мусора, земля была разрыта, очевидно, под какие-то здания. Домов тоже не было, только кое-где попадались хибары, лачуги и разрушенные сараи. Столбы с номерами, видимо, отделяли друг от друга участки земли, предназначенные для строительства.

Когда машина поравнялась с одним из стобов, Боб удивленно заметил:

— Я знаю это место, — когда-то я здесь бывал. Эти участки подготовлены под спиртовые заводы. Вон там, в конце дороги, за теми валами, стоит старая винокурня. Но я никогда не слышал, чтобы где-то здесь был военный городок.

Товарищи посмотрели в ту сторону, куда указывал Боб, и увидели за высокими земляными валами одинокий почерневший дымоход. Впереди в том же направлении ехали и другие автомобили. Владимир оглянулся и увидел позади еще одно или два авто.

— Бьюсь об заклад, что эти ранние пташки направляются туда же, куда и мы…

Он не договорил и чуть не прикусил язык от сильного толчка. Передний автомобиль только что свернул и затормозил за углом, и шофер такси с трудом избежал столкновения.

Передняя машина остановилась у кучи мусора. Из-за кучи появились несколько солдат с ружьями наперевес.

— Стража, часовые, — прошептал Рудольф. — Интересно, для чего их поставили здесь, на помойке? Сдается мне, твоя винокурня — не что иное, как военный городок.

И Рудольф тайком сжал руки товарищей:

— Либо мы проедем дальше, либо сейчас нас арестуют. Тогда все погибло!

К машине подошел офицер, вежливо приложил руку к фуражке и выжительно посмотрел на пассажиров.

Рудольф, стараясь держаться спокойно, наклонился к нему и небрежно, но отчетливо бросил:

— «Vae victis».

Офицер вытянулся в струнку и, повернув голову к солдатам, что-то коротко крикнул.

Авто двинулось дальше…

У ворот винокурни сцена повторилась.

Товарищи свободно вошли во двор, но за стеной их сразу же окружили солдаты. Рудольф произнес пароль. Один из офицеров, вежливо поклонившись, пошел впереди, указывая им путь.

У входа в здание их еще раз остановили. Часовой молча протянул им три противогазовые маски.

— Во те на! — прошептал Боб. — Не собираются ли они травить нас газами?

Товарищи в недоумении переглянулись, но молча взяли противогазы. Боб поспешил напялить свой на голову.

— Так безопаснее, — пояснил он. — А то я все

боюсь, что меня по роже узнают, — я совсем не похож ни на министра, ни на генерала.

Несколько человек в помещении были либо в противогазах, либо надевали их. Один из присутствующих, без маски, подошел к товарищам и молча пожал им руки.

— Доброе утро, — пробормотал Боб под маской. — Рад вас видеть, мистер.

Приглашенные между тем прибывали. На дворе то и дело слышались сирены и гудки автомобилей. В комнате было уже человек 20–25. Тот, кто здоровался с товарищами, все время поглядывал на часы и, очевидно, нервничал.

— Гражданские всегда опаздывают, — раздраженно заметил он и, глянув в сторону товарищей, приветливо улыбнулся. В комнате было еще несколько человек в военных шинелях.

— Думаю, — продолжал он, — что мы не станем больше ждать. Опоздавшие затем присоединятся к нам. Времени у нас мало.

Его слова тут же переводились на французский и немецким языки.

— Мы попали в теплую интернациональную компанию, — улыбнулся Боб. — Но готов поспорить, что с коммунистическим Интернационалом эти люди, вероятно, не имеют ничего

общего.

— Попрошу за мной, уважаемые господа, — сказал военный и нажал какую-то кнопку.

В полу растворился люк. Гости спустились вниз по широкой и гулкой металлической лестнице. Внизу проходил обширный коридор. Оба его конца терялись в темноте, однако у лестницы ярко светили большие электрические лампы.

Боб не унимался, то и дело дергая за рукава Владимира и Рудольфа.

— Вы правы, товарищ Рудольф. Сомневаюсь, что нас собрались угощать водкой. Возможно, в этих погребах когда-то и хранили бутыли с водкой, но боюсь, что сейчас за этой стальной дверью скрыто кое-что ядовитей алкоголя.

Словно подтверждая его слова, военный снова обратился к гостям:

— Сейчас я попрошу всех надеть и тщательно проверить противогазы и не снимать их, пока я не позволю.

— Воздух насыщен газами? — робко спросил какой-то господин, хватаясь за маску. — Есть опасность взрыва?

— Нет, — успокоил его военный. — Нет никакой опасности. Лаборатория прекрасно оборудована. Газы хранятся в герметических сосудах, и когда

их выпустят, мы будем защищены броней. Но общие правила нашей работы требуют большой осторожности. За эту дверь никому не разрешено проходить без маски.

Все послушно надели маски и двинулись дальше за военным, с невольной опаской поглядывая на черепа с костями, изображенные на всех окованных сталью дверях.

Товарищи смешались с толпой и, прислушиваясь к глухим, точно загробным, голосам, доносящимся из-под резиновых масок, старались понять цель странного сборища.

Тайна прояснилась сама собой.

С другого конца подземного коридора медленно приближалась группа людей. Когда они подошли так близко, что можно было рассмотреть их лица, товарищи невольно попятились назад.

Между двумя рядами вооруженных солдат в противогазах, четко печатавших шаг, вяло тащилась толпа полуголых, истощенных до посинения узников с разбитыми головами. Их руки и ноги были в кандалах, тела испещрены многочисленными синяками и ранами, головы мрачно опущены, глаза устремлены в пол. Каждый их шаг сопровождался звоном цепей. Противогазов на них не было…

Так вот в чем дело!

Черные вороны всех стран собрались здесь накануне войны, чтобы испытать свое непобедимое оружие — ядовитые газы — и окончательно убедиться в силе их воздействия на человека!

Между двумя рядами вооруженных солдат в противогазах вяло тащилась толпа полуголых, истощенных до посинения узников.

Владимир поспешно схватил за руку пылкого Боба. И вовремя: тот как раз собирался броситься с голыми руками на шеренги вооруженных солдат, чтобы помочь осужденным на ужасную смерть.

— Пусти! — заскрипел Боб зубами. — Пусти, их же сейчас отравят!

Но Рудольф уже схватил его за другую руку.

— Молчи, или мы все погибнем!

— Это люди, живые люди! Я узнаю среди них Рут и Неджа, наших коммунаров. Месяц назад они были арестованы и якобы умерли в тюрьме.

Крепко держа Боба и не давая ему двинуться, Рудольф яростно прошептал:

— Опомнись, Боб! Как мы можем справиться с вооруженными солдатами? Если мы бросимся на помощь, нас тут же скрутят, а узников все равно отравят. Оставь сентиментальность. Разве ты забыл, что начинается упорная борьба, в которой нет места для сентиментов? Мы близки к цели, сейчас мы можем узнать формулы газов, и этим спасти не десяток несчастных, а все дело революции. Ты все испортишь! Эти несчастные должны погибнуть во имя революции!

Слова Рудольфа убедили Боба. Он затих и, тяжело дыша, смотрел вслед осужденным.

— О, будьте вы прокляты, палачи! — прошептал он.

Все это произошло так быстро, что остальные, к счасстью, ничего не заметили. Рудольф с облегчением вздохнул, когда гости, пропустив пленников, двинулись дальше.

Перед испытанием газов сопровождающий повел гостей осмотреть подземелья. Военный городок, скрытый под винокурней, представлял собой огромную лабораторию. Одно за другим тянулись помещения, то обставленные с роскошью дворцовых залов, то битком набитые самыми совершенными приборами. Здесь анализировались, проверялись и испытывались созданные учеными ядовитые газы. Наши товарищи внимательно озирались вокруг, но нигде, разумеется, не могли найти ни формул, ни лабораторных журналов, которые дали бы ключ к формулам газов.

Рудольф задерживался в каждом помещении и выходил последним. Владимир заметил, что его карманы начали оттопыриваться.

В уютном уголке роскошной комнаты отдыха гостям было разрешено снять противогазы, выпить по бокалу вина и выкурить сигару. Вос-

пользовавшись этим, Рудольф тайком показал товарищам содержимое своих карманов. Оказалось, что в них было полно небольших, длиной сантиметров в пять, металлических пробирок с широкой крышкой на одном конце и пузырьком из толстого стекла на другом.

— Эти небольшие флаконы предназначены для газов, — пояснил он. — В них, очевидно, присылаются газы на пробу. Сейчас они пусты. Если нам удастся наполнить их газами и унести отсюда, формулы нам не понадобятся. Мы сами узнаем состав в любой лаборатории.

Глаза Рудольфа светились радостью и задором. В нем было сейчас не узнать немощного старика, инвалида и ветерана российской революции.

— Теперь нам осталось одно — украсть газы.

Боб, конечно, сейчас же выразил сомнения в возможности осуществить план Рудольфа.

— Как же их, к чертовой матери, украсть? — выругался он. — Да мы их и близко не увидим. Или же ты хочешь, чтобы мы их нанюхались?

Гости двинулись дальше.

Перед последней дверью все натянули на головы противогазы…

За дверью находился длинный зал. В потолке непрерывно гудели электрические вентиляторы.

Сопровождающий приподнял свою маску и, взяв рупор, начал объяснять процесс испытаний.

Вдоль одной из стен шел ряд больших камер, обшитых металлической броней. В каждой камере на уровне глаз имелось узкое окно с толстым стеклом; через него гости, оставаясь в безопасности, могли наблюдать за происходящим в камере. Под окном каждой камеры лежал небольшой баллон, соединенный с камерой змеевиком.

Военный коротко рассказал:

— Мы сажаем в камеру человека. Затем открываем баллон с газом и выпускаем через кран с той стороны определенную дозу, которой достаточно, чтобы насытить воздух в камере газом на 25 %. Это наибольший процент насыщения, возможный на открытом воздухе. В окно мы можем наблюдать действие газов. Первые шесть камер — разные ядовитые газы, действующие моментально. Смерть или увечье последуют на ваших глазах в течение нескольких минут. Остальные четыре — газы, влияющие на человека через некоторое время — день, неделю и месяц. По окончании этого срока мы снова придем посмотреть на подопытных. Наконец, последняя камера отведена под самый быстродействующий газ:

он убивает не за несколько минут, как первые шесть, а мгновенно.

Для начала мы испытаем газы на незащищенных людях. Затем на других — с противогазами. Это испытание подтвердит надежность наших противогазов. Но боюсь, что против последнего газа не устоит даже наш противогаз. Этот газ моментально разъедает резину.

Все камеры соединены между собой небольшими потайными дверями (через окна их не видно), чтобы иметь возможность переводить подопытных из камеры в камеру. Но воспользоваться ими для побега заключенные не могут, так как двери тщательно замаскированы. Вводить же их мы будем через вон ту заднюю дверь. В потолке камер — воздухофильтры, которые после испытаний моментально фильтруют воздух, что позволяет войти в камеру.

Рудольф коснулся рук товарищей. Владимир почувствовал, что его руки были холодны, как лед. Рудольф нервно скрипел зубами.

— Тсс! — предупредил он. — Я уже знаю, что делать. Не мешайте мне. Когда испытания закончатся и начнут открывать последнюю камеру, постарайтесь первыми оказаться у двери и заслонить ее, чтобы я мог…

— Ты хочешь?... — вполголоса воскликнул Боб.

— Тише! — злобно зашипел Рудольф. — Да, я хочу проникнуть внутрь и попытаться взять образцы газов. Пробирки у меня с собой. Мы получим образцы!.. Не бойся, я в маске, — успокоил он Боба. — Пожелайте мне удачи!

И, пожав товарищам руки, он отошел.

Гости собрались вокруг сопровождающего, который рассказывал о действии газов. Владимир и Боб видели, как Рудольф за их спинами осторожно проскользнул к потайной двери и исчез...

Между тем, узников уже ввели в камеры.

— Начнем? — спросил военный у собравшихся. Не дожидаясь ответа, он подошел к первой камере и с легким скрипом открыл вентиль баллона.

Все присутствующие жадно припали к узкому окну...

Камера наполнилась газом. Газ был не бесцветный, и все имели возможность следить за лицом осужденного, видевшего, как воздух в камере зеленел, насыщаясь ядом...

— Почему он смотрит вниз, как будто нам под ноги? Там что-то лежит?.. К сожалению, через окно не разглядеть, — спросил один из зрителей. — Смотрите, он словно к кому-то обращается и что-то кричит.

— Он, наверное, смотрит на кран, это вполне логично, — ответил второй. — К тому же он, возможно, уже сошел с ума и ему что-то мерещится. Может, его невеста, — с садистским смехом закончил он.

— Однако, это действительно странно, — и здесь то же самое… — добавил он около третьей камеры, убедившись, что и другие «объекты» ведут себя точно так же.

— Вы заметили? Они все бросаются сюда, к стене? Жаль, не видно, что они делают. Думаю, они пытаются заткнуть пальцами кран, откуда поступает газ, — захохотал третий.

Владимир и Боб тоже смотрели в окна и дрожали от ужаса, прислушиваясь к этим разговорам и зная причину такого поведения заключенных…

Перед их глазами прошли неописуемые муки людей, которые умирали в судорогах, вдруг ослепнув, онемев в предсмертном вопле… Они видели, как живая плоть на глазах покрывалась волдырями и распадалась на куски…

В зале царил страшный шум. Некоторые гости дико выражали свою радость, другие, пьяные от созерцания смерти, безумно хохотали. Но тонкие нервы большинства не выдержали подобного напряжения, и несколько зрителей уже бились

в истерике. Лакеи в противогазах бегали взад и вперед, вынося потерявших сознание великих мужей и окатывая их водой.

Сопровождающий — очевидно, директор или главный инженер этого подземного ада — тоже был обеспокоен. Но не зрелищем смерти и не истерикой своих хрупких патронов. Он бегал от камеры к камере, от баллона к баллону и удивленно пожимал плечами. Все его вычисления оказались неверными. В каждую камеру пришлось впустить двойную дозу, чтобы достичь желаемого воздействия.

— Неужели я ошибся? Что за черт? — ворчал он, перебегая от первой ко второй и от второй к третьей камере. — Везде так! Двойная доза!

Владимир и Боб следили за ним с ненавистью и в то же время с надеждой. Они даже испытывали какое-то приятное чувство. Всякий раз, когда военный чертыхался, придя к выводу о необходимости использовать двойную дозу, они с облегчением вздыхали, понимая, куда подевался излишек газа.

Наконец директор успокоился, заметив, что двойная доза требовалась для каждой камеры. Значит, это явление не было случайным: вероятно, газ впитывался в стенки камер или уходил

сквозь неплотно закрытые фильтры…

Перед последней камерой Владимир и Боб застыли. Здесь также потребовалась двойная доза, — следовательно, Рудольф был внутри. Но как незаметно выпустить его оттуда? Они стали у двери, собираясь после фильтрации воздуха войти в камеры первыми…

Испытания завершились…

С гудением заработали воздухофильтры.

— Камеры чисты! — крикнул директор. — Можно входить.

Но желающих нашлось немного. Владимир и Боб по очереди обходили все камеры и терпеливо осматривали мертвые или искалеченные тела.

Настал черед последней камеры.

Директор открыл дверцу. Владимир и Боб протиснулись вперед…

— Простите, — отстранил их директор.

В тот же миг он выскочил из камеры, крича:

— Сюда, скорее, на помощь!

Владимир и Боб вбежали в камеру.

На полу, рядом с трупом узника, раскинувшись, лежал Рудольф…

— Как же это случилось? — рвал на себе волосы директор. — Я сам закрывал двери… в камерах посторонних не было…

— Вы хоть знаете, кого убили? — угрожающе тряс его кто-то. — Кто это такой?..

Все бросились к камере, чтобы вынести оттуда неизвестную жертву. Владимир и Боб находились впереди. Стоило им коснуться окоченевшего тела, как они поняли, что Рудольф был мертв.

Владимир чувствовал, что больше не выдержит. Столько замученных людей и… смерть Рудольфа! Это было невыносимо.

Под грудь ему что-то подкатило, горло сжалось. Голова кружилась. Он ощущал, что вот-вот начнет хохотать и биться головой о стены.

Но Боб быстро овладел собой. Он так стиснул руку Владимира, что чуть ее не сломал. Это привело Владимира в чувство.

— Сейчас все погибнет! — прохрипел ему на ухо Боб. — Увидят, что Рудольф не один из них, а тогда и нам каюк! Надо спасать добытые газы.

Растолкав всех, он подхватил тело Рудольфа на руки и с криком «Врача! Врача!» бросился к двери. Повернувшись спиной к толпе и делая вид, что дует в лицо отравленного, Боб заслонил собой Владимира, который тем временем извлек из карманов Рудольфа пробирки с газами. Продолжая звать врача, они побежали к выходу. За ними бежали другие, что-то крича и требуя оста-

новить беглецов. Но они уже были на свободе. Разбросав в стороны растерянных часовых, они быстро вскочили в свое авто. Удивленный шофер дал полный ход…

На перекрестке Боб спокойно вышвырнул водителя из машины, а сам пересел на его место…

Товарищи оглянулись назад.

По дороге, догоняя их, неслись несколько автомобилей.

— Скорее бы запутать следы, — простонал Боб, — и в лабораторию — проанализировать газы.

Машина ревела, покрывая на полной скорости версту за верстой. Испуганные пешеходы разбегались врассыпную.

Товарищи направлялись в другой конец города, где располагалась конспиративная лаборатория.

XII
УРОК ПОЛИТГРАМОТЫ

Хотя вчерашнее заседание альтруистического комитета закончилось далеко за полночь, мистер Джойс проснулся очень рано. Уже в одиннадцать часов он должен был явиться на прием к секретарю «неофициального бюро» при Лиге Наций с докладом о вчерашнем заседании Совета профсоюзов.

Собрание комитета «Общества спасения человечества» закончилось, собственно говоря, ничем. Пусть члены комитета и не отличались особым умом, после долгих дебатов и последнему дураку стало ясно, что идея изобрести газ, который действовал бы исключительно на коммунистов, не вредя беспартийным — мысль по меньшей мере странная.

Мистер Джойс был по происхождению пролетарием, обладал практическим умом и с самого начала не верил в эту фантазию, но все же поставил вопрос на обсуждение, прислушавшись к голосам добросердечных патронесс-филантропок. Он даже жалел, что комитет так быстро

осознал несбыточность идеи и отверг его план, не дав патронессам, таким образом, возможности проявить свои лучшие человеческие качества — гуманность к врагу.

Мистер Юбераллес, секретарь «неофициального бюро» Лиги Наций, с нетерпением ждал Джойса и, будучи человеком аккуратным и пунктуальным, даже сделал ему выговор за опоздание на двадцать минут.

— Я злейший враг Эсэсерии, — так закончил он этот краткий джентльменский выговор, — но я уважаю эсэсер-ских коммунистов за их американизм, каким бы парадоксальным это ни показалось. Они все — члены «Лиги времени» и живут по НОТу[5]. Опоздание на двадцать минут для них вещь просто немыслимая.

Истратив еще десять минут своего времени на выговор, мистер Юбераллес предложил Джойсу приступить к докладу и, закурив десятидолларовую сигару, приготовился слушать.

Мистер Джойс коротко рассказал о событиях вчерашнего дня, с которыми мистер Юбераллес уже немного ознакомился благодаря отчетам в

---

[5] Примечания: 5

«Лига времени» — возникшее в 1920-х гг. в СССР движение, выступавшее за рациональное использование времени; НОТ — научная организация труда.

утренних газетах.

— Вы молодец, Джойс! Даже не ожидал от вас такой прыти. Заставить это быдло голосовать за войну — дело нелегкое!

Джойс несколько обиделся.

— Вы оскорбляете меня, мистер Юбераллес. Вам надо бы знать безжалостную логику войны: побеждает тот, кто энергичнее, не знает жалости и тому же — владеет техникой. Для нас с вами не секрет, что пролетариат сильнее нас. Но у него нет того, что есть у нас, а именно — техники. Если бы Коммунистическая партия Америки не была так глупа и позаботилась захватить технику в свои руки, наше дело было бы проиграно…

Мистер Юбераллес не дал Джойсу договорить, с испуганным жестом оборвал его и боязливо огляделся вокруг:

— Не произносите этого вслух! Нет гарантии, что нас кто-либо не подслушивает.

Джойс скрыл улыбку и про себя решил, что большего дурака он еще не видывал.

Немного успокоившись, Юбераллес начал разговор о делах.

— Вы уладили вопрос с эйджевудскими рабочими? — обратился он к Джойсу.

— О да! На производство газов поставлены

вполне надежные и преданные люди. С вашего одобрения в число их мы включили многих потомков русских эмигрантов. В этих мы можем быть уверены — Коминтерн их не привлекает. Вы можете даже гордиться тем, что среди ваших рабочих, занятых производством газов, немало именитых руссских графов, даже князей. Количество обычных рабочих, не княжеского происхождения, сведено к минимуму. За них мы также можем быть спокойны. Их рабочий день уменьшен до шести часов, якобы в связи с тяжестью работы, оклад же увеличен вдвое. Теперь рабочему быдлу ничего добиваться. Их уже можно с полным основанием отнести к привилегированному классу.

— Вы замечательный провокатор, мистер Джойс! — и мистер Юбераллес хлопнул Джойса по колену. — Я уверен, что эти болваны считают вас гениальным защитником интересов рабочих.

— О, вы мне льстите, — скромно ответил Джойс. — Однако должен признаться, что пользуюсь среди них некоторым авторитетом.

Мистер Юбераллес совсем развеселился. Он велел подать вина и перешел на более личные темы.

— Меня удивляет, Джойс, — фамильярно сказал он, — как вы умудряетесь играть на два фронта? Неужели эти идиоты не видят вашего настоящего лица?

Джойс проникся шутливым тоном Юбералеса.

— События вчерашнего дня вряд ли полностью подтверждают ваше мнение. Вы забываете, что вчера меня хотели убить, — ответил он. — Однако, репутация у меня блестящая. Когда Коминтерн начал болтать о единстве профессионального движения, я первым в Америке стал горячо отстаивать эту идею и нападать на желтых профсоюзников. Это обеспечило мне популярность среди рабочих и авторитет в Компартии. Не стоит и говорить, что после этого было уже очень легко попасть в Совет профсоюзов… Тем не менее, — закончил он, — работать приходится в достаточно тяжелых условиях, и неудивительно, что сейчас не все одинаково мне доверяют.

Мирный разговор Джойса и Юбераллеса был внезапно прерван. Сотрудник секретного отдела принес материалы. Юбераллес и Джойс начали просматривать бумаги. Их внимание привлекло воззвание Тома и тайная инструкция колониальным партийным комитетам за подписью

ЦК. Добыть последнюю было весьма нелегко. Служебная записка при документе сообщала, что ради этой бумаги погибли три секретных агента; пришлось также замучить более 40 коммунистов. Разумеется, ни Юбераллес, ни Джойс не придали значения подобной мелочи. На лицо Джойса, правда, набежала тень, но мгновение спустя исчезла. Очевидно, ему стало жаль трех верных долгу секретных агентов.

Секретная инструкция заметно взволновала мистера Юбераллеса. Он запустил руки в свои редкие волосы и нервно забегал по кабинету.

— Это как раз то, чего мы так боялись, — побледнел он. — Они предписывают своим колониальным комитетам развернуть широкую агитацию среди черных, красных, желтых и других, черт бы их побрал, дикарей. Вы представляете себе, какая опасность грозит нам, если эти проклятые дикари восстанут во время войны? Мы погибнем!.. Мы^ — и, оборвав фразу, он побежал к телефону.

— Что вы собираетесь делать? — остановил его Джойс.

— Вы еще спрашиваете? Я звоню в Министерство колониальных дел. Нужно немедленно выпустить циркуляр. Пусть этим цветным собакам предоставят самые существенные льготы.

Любая их просьба должна быть удовлетворена. Иначе они восстанут, и мы погибнем.

— Оставьте, — спокойно возразил Джойс. — Это вовсе ни к чему. Все их требования вы все равно не выполните. Они слишком велики. И главное из них — навсегда избавиться от вашего попечительства. Если вы не удовлетворите этого их желания, они все равно восстанут. А я сомневаюсь, что вы на такое согласитесь.

И Джойс довольно-таки саркастически ухмыльнулся.

— Что же мне делать? — глупо спросил Юбераллес, обессиленно упав в кресло и притворившись, что не заметил сарказма собеседника.

— Начните с бокала вина — это вас успокоит, — с менторским видом улыбнулся Джойс. — А во-вторых, попробуйте понять ход мысли Ленина: он хоть и ваш враг, но великий провидец. До сих пор никто еще не сумел предложить лучший анализ нашего общества. Вы согласны с тем, что Ленин был самым сильным и точным из марксистских философов?

— Черт возьми! — вскипел Юбераллес. — Какое мне до этого дело? Не собираетесь ли вы агитировать меня? Предупреждаю, марксиста вы из меня никогда не сделаете.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Джойс. — Так вот, в своих философских рассуждениях Ленин привел чрезвычайно меткую аналогию. Цивилизованный мир — это город, дикарские страны — село. Между ними существуют те же взаимотношения, что и между городом и деревней. Русская революция не стоила бы и ломаного гроша, если бы вожди российского пролетариата во главе с Лениным не поняли этого и не повели за собой крестьянство. Без крестьянства им никогда не удалось бы свергнуть капиталистический строй. Крестьянское восстание, по сути своей, вовсе не коммунистическое, но вожди коммунистов использовали его в интересах коммунистической революции. Уничтожив капиталистический строй, они начали строить собственный, привлекая к делу и анархическое, мелкобуржуазное крестьянство, а параллельно его пропагандируя и организуя на новый лад. Думаю, вы ясно видите, что наша Компартия не станет игнорировать опыт русской революции и будет следовать заветам Ленина. Без колоний она не свергнет наш строй. И, стремясь к этому, она прежде всего постарается организовать восстание среди цветных дикарей.

Мистер Юбераллес молча выслушал длинную

речь Джойса, однако настроение его от этого не изменилось.

Мистер Юбераллес молча выслушал длинную речь Джойса.

— Я очень благодарен вам за урок политграмоты, — холодно сказал он, — но все же не понимаю, к чему вы клоните. Понятно, вы хотите доказать, что восстание среди проклятых дикарей неизбежно. Это, как выражаются ваши (мистер Юбераллес крайне саркастически подчеркнул слово «ваши») марксисты, ленинисты и другие коммунисты, — закон истории. Но удивляюсь, как вы можете так спокойно говорить об этом? Значит, нам суждено погибнуть?

Вся фигура мистера Юбераллеса выражала в эту минуту довольно комический испуг. Джойс не выдержал и расхохотался ему в лицо. От неожиданности мистер Юбераллес даже не догадался обидеться.

На сей раз пришла очередь Джойса фамильярно похлопать мистера Юбераллеса по колену.

— А газы, мистер Юбераллес! Вы забываете о нашем непобедимом оружии, которому не страшны никакие восстания, хотя бы во всем мире. Пусть в лагере красных будут миллионы, а нас останется кучка, мы все равно одолеем их и заставим работать на нас под угрозой уничтожения. У нас есть газы, которых нет у этих

жалких повстанцев. О, будьте уверены, если бы во время русской революции у правительства имелись газы, никаких Эсэсерий сегодня бы не было. Газ — вещь настолько мощная, что в силах изменить ход истории, как бы ни распинались об исторических закономерностях все марксисты, вместе взятые.

— Вы меня успокоили, — оживился мистер Юбераллес. — Я сейчас же прикажу удвоить продукцию ядовитых газов.

— Это излишне, — сказал Джойс. — У Америки вполне достаточное количество газов, чтобы отравить весь мир. К тому же, не забывайте, что производство газов должно оставаться масимально секретным. Население обязано поверить в наши пацифистские намерения. Кстати, когда вы будете организовывать пацифистские выступления, позаботьтесь о как можно более широком участии представителей состоятельных классов. Это убедит население в наших пацифистских стремлениях и лучше скроет наши империалистические мероприятия. Коммерсанты не хотят войны, видя в ней для себя экономический кризис. Рабочие также отшатываются от войны. Нелишне будет их объединить.

Словно подтверждая слова Джойса, с улицы

послышался ежеминутно нарастающий шум. Очевидно, там шла какая-то демонстрация. Мистер Юбераллес и Джойс поспешили к окну.

Улица была запружена народом. Из конца в конец ее волновалась толпа. Демонстрация была рабочей. Об этом свидетельствовали сотни красных флагов и пение революционных песен.

Мистер Юбераллес осторожно попятился назад, не желая рисковать своей персоной. Но удивлению его не было предела, когда вслед за революционными песнями раздался громкий, дружный клич:

— Да здравствует война! Рабочие за войну!

— Что это?.. Это они искренне или... шутят? — испуганно прошептал Юбераллес, с недоумением моргая.

Но возгласы звучали все громче, и их подхватывала вся толпа.

— Это настоящие рабочие, или... или наши переодетые агенты? — остолбенел Юбераллес.

Джойс невольно захохотал:

— О, мистер Юбераллес, вы устали от тяжелой работы. Вам нужно отдохнуть. Неужели вы уже не можете отличить своих от врагов? Нет, дорогой мистер Юбераллес, это настоящие рабочие, убежденные революционеры. Возможно, поло-

вина из них — члены Компартии. И однако, они действительно кричат «Да здравствует война».

— В таком случае, я в самом деле ничего не понимаю! — признался мистер Юбераллес.

— Мне придется прочитать вам еще одну небольшую лекцию по политграмоте, — улыбнулся Джойс. — Так вот, слушайте: коммунисты уверены, что империалистическая война превратится в классовую, — гражданскую войну, и справедливо убеждены, что из классовой войны победителями выйдут они, а не мы. Поэтому, следуя законам логики, они и приветствуют империалистическую войну, которая должна ускорить революцию. Но не сомневайтесь, они не намерены жертвовать своей шкурой ради вас и погибать от руки своих собратьев, а потому постараются как можно быстрее превратить империалистическую войну в классовую.

Джойс с огромным удовольствием наблюдал, как лицо мистера Юбераллеса все больше бледнело, пока не сравнялось цветом с его манишкой.

Мистер Юбераллес несколько раз глотнул воздух, пытаясь что-то сказать, но от испуга потерял дар речи. Наконец, овладев собой, он смог выдавить несколько слов.

— Тогда… тогда… — прохрипел он, и на ресни-

цах его задрожали слезы, — тогда… зачем же вы… голосовали за войну?.. Тогда… мы должны были бы… быть против войны… а не… воевать…

Джойс собрался было снова засмеяться ему в лицо, но в это время зазвонил телефон. Уши мистера Юбераллеса, в отличие от языка, парализованы не были, и он прекрасно разобрал то, что ему передали по телефону. Трубка выпала у него из рук и он, как подкошенный, рухнул в кресло. Он совершенно онемел и лишь бессмысленно вращал глазами и размахивал руками. Джойс бросился к телефону.

— Среди рабочих Эйджевудского арсенала начался мятеж! — услышал Джойс.

Весть была настолько неожиданной, что шутливое настроение Джойса моментально испарилось, и на некоторое время и он лишился языка. Подавив панику, он бросился к Юбераллесу.

— Возьмите себя в руки! — резко приказал он. — Дело слишком серьезное, некогда валять дурака! Если в Эйджевуде что-то случится, мы погибли. Опомнитесь! — уже зло крикнул он, встряхивая омертвевшего Юбераллеса.

— Что же мне делать? — еле выговорил тот.

— Эх вы, вояка! — не удержался Джойс. — Вам бы соску в рот, а не странами управлять. Вы мо-

жете меня выслушать? Эй, вы!

— Говорите, я слушаю…

— Я еду сейчас в Эйджевуд. Возможно, мой авторитет еще спасет дело. Но вы должны дать мне карт-бланш. Понимаете? Я должен получить разрешение поступать, как хочу и как найду нужным для спасения дела. И чтобы ни один песьеголовец из вашей Лиги мне не мешал! Слышите?.. Даже если я взорву весь Эйджевуд или расстреляю всех забастовавших рабочих.

Мистер Юбераллес понемногу приходил в себя и мог уже говорить.

— Но что же вы с ними сделаете, если они восстанут? — жалобно произнес он.

— Расстреляю всех и наберу новых!

— А вдруг новые тоже восстанут?

— Почему?..

— Потому что не захотят войны, несмотря на все ваши надбавки и укороченный рабочий день.

Джойс нервно рассмеялся:

— Тогда я поставлю там коммунистов, которые кричат под вашими окнами «Да здравствует война», и заставлю их изготавливать газы для войны.

— Вы странный, вы страшный человек, Джойс! — с мистическим ужасом посмотрел на

него мистер Юбераллес. — Но я все же даю вам карт-бланш.

— Я — пролетарий по происхождению, и натура у меня пролетарская, — отрезал Джойс и так глянул на мистера Юбераллеса, что тот съежился.

Джойс улыбнулся и на прощание бросил почти весело:

— Будьте здоровы, мистер Юбераллес…

XIII
РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЖОЙСА И СТРАХ ЮБЕРАЛЛЕСА

Но стоило Джойсу выйти за дверь кабинета мистера Юбераллеса, как веселая улыбка моментально исчезла с его лица. Известие о мятеже в Эйджевуде его чрезвычайно обеспокоило. Если сейчас на газовой фабрике начнется восстание, все планы рухнут. Хотя Джойс и не очень верил в возможность восстания эйджевудских рабочих, ничего невероятного в этом не было. Влияние Компартии росло со дня на день.

Джойс, честно говоря, кое-что скрыл, когда хвастался перед Юбераллесом, что поставил на работу в арсенал русских эмигрантов. Это сделала сама администрация Эйджевуда, хорошо разбиравшаяся в положении вещей и без помощи Джойса.

Эмигранты, конечно, не станут бунтовать. Но в Эйджевуде, пусть и в незначительном количестве, все же имелись и настоящие рабочие. Правда, большинство из них давно разложилось благодаря политическим провокациям желтых

профсоюзных деятелей и экономическому влиянию администрации, не скупившейся платить им министерское жалованье. Однако определенный, хотя и небольшой, процент сознательных рабочих в арсенале еще оставался, и не было ничего сверхъестественного в том, что они подняли мятеж и даже сагитировали желтых.

Джойс, занятый этими беспокойными размышлениями, совсем позабыл о Юбераллесе, которого бросил в полубессознательном состоянии после неожиданного известия. Но если бы Джойс так не торопился, он увидел бы, как Юбераллес окончательно обезумел.

Едва только Джойс вышел и Юбераллес, выпив бокал вина, начал успокаиваться, снова настойчиво зазвонил телефон. За последние несколько минут Юбераллес успел привыкнуть к неприятным неожиданностям и был уверен, что ничего хуже мятежа в Эйджевуде случиться не может, а потому вполне спокойно и небрежно снял трубку. Но с первого же слова ему пришлось убедиться, что беда никогда не приходит одна.

Звонили из подземной лаборатории. Еле живой от страха директор лаборатории сообщал об утреннем происшествии во время испытания газов.

— Украли по дозе каждого из газов! Величайшая в мире тайна — формулы газов — станет известна нашим врагам! Все расчеты, все изготовленные газы полетели к черту! СССР, зная формулы, сможет обороняться! — отчаянно кричал он в телефон.

Директор еще минут десять продолжал кричать в трубку, излагая подробности кражи, но Юбераллес давно не слушал. Бледный, выпучив глаза и разинув рот, он смотрел в одну точку и, размахивая руками и словно пытаясь полететь вслед за похитителями, все пытался расстегнуть воротник рубашки, который вдруг стал узким и душил, как петля на виселице.

Придя немного в себя, он поднял на ноги всех подчиненных, разослал гонцов во все концы города, и, насилуя телефон, стал по очереди названивать во все министерства, военные учреждения и органы полиции и контрразведки. Но везде в ответ на его бешеные крики, ругань и мольбы слышались лишь какие-то хрипы и рев, если не мертвая тишина. Очевидно, известие о похищении газов действовало на всех одинаково, парализуя язык, разум и чувства.

Тогда Юбераллес вспомнил о Джойсе и принялся изо всех сил дозваниваться до Эйджевуда.

Именно в это время Джойс прибыл в арсенал.

Весть о событиях в лаборатории поразила его, возможно, не меньше, чем Юбераллеса. Он даже побледнел, зашатался и вынужден был ухватиться за стул, чтобы не упасть.

Но Джойс вскоре овладел собой. Он не потерял сознание. Напротив, все в нем говорило теперь об огромном приливе энергии. Он выпрямился, мышцы его напряглись, глаза засветились дико и решительно.

— Что же вы сделали? Какие приняли меры? — спросил он.

— Я обратился ко всем, но ни от кого ничего не смог добиться — все словно с ума посходили. Однако я поставил на ноги всю полицию, похитителей ищут везде, — бессильно, чуть слышно простонал мистер Юбераллес. — Но я не верю, что из этого что-нибудь выйдет. Похитители, очевидно, позаботились скрыть свои следы. Я уверен, что газы уже проанализированы и формулы переданы по радио в СССР. Боже, Боже! — застонал он. — Все огромное количество газов не стоит и цента! Все пропало! Мы не можем воевать! Даже если бы нам удалось внести в формулы изменения, на производство новых газов понадобилось бы несколько лет. О Боже! Мы пропали!

— Дурак! — с презрением бросил в трубку Джойс.

— Что?!

— Я хотел сказать, что вы очень наивны, — поправился Джойс. — Куда подевался ваш разум? Вы сами говорите, что на производство новых газов уйдет несколько лет. Но не меньше времени понадобится большевикам, чтобы выработать противоядие. А за это время мы успеем их уничтожить. В крайнем случае, успеем передавить цветных дикарей в наших колониях.

Если бы Джойс мог в эту минуту видеть Юбераллеса, он не удержался бы от смеха: такого глупого выражения лица у секретаря «неофициального бюро» никогда не было.

— Неужели?.. — во весь голос заорал Юбераллес, так что из соседних комнат выскочили несколько секретарей и дежурных полицейских. — Господи!.. — хлопнул он себя по лбу. — Как я раньше до этого не додумался? Ясно, что так и есть! — И, хотя мистер Юбераллес никогда не был ревностным католиком, он несколько раз благоговейно перекрестился, воздев глаза и кланяясь в сторону телефонной трубки. — Джойс, вы гений и ангел-хранитель, да благословит вас Бог! Вы — светлый дух! Вы — самый умный человек в Соединенных

Штатах! Вы… вы… вы будете президентом! — с пафосом закончил он.

— Спасибо, — саркастически улыбнулся Джойс, — но будем считать наш разговор оконченным. Не забывайте, что я приехал сюда ликвидировать мятеж, а он гораздо страшнее вашей наивной кражи.

— Да, да!.. — заволновался мистер Юбераллес. — Ликвидируйте, ликвидируйте. На вас вся надежда. Я вам верю больше, чем Богу… Даю вам карт-бланш… дважды карт-бланш… черта, беса, дьявола, — все, что хотите, хоть половину земного шара. Вы можете действовать от моего имени и делать все, что хотите…

— Хорошо, — помрачнев, бросил Джойс. — Прощайте!..

Настроение Джойса резко изменилось. Видно было, что известие о похищении газов все же стоило ему большого нервного напряжения… Он пригладил рукой волосы и задумался. В глазах его засветились какие-то тайные искорки, отблески не то страха, не то радости.

— Даа, — пробормотал он. — Легко вы успокаиваетесь, мистер Юбераллес. Тем не менее, когда формулы попадут в СССР, ваши шансы на победу значительно уменьшатся. Найти противоядие и

изготовить его или, зная формулу газа, по крайней мере разработать способы защиты, гораздо проще, чем изобрести новую формулу и создать газ… Ничтожество! — произнес он уже по адресу мистера Юбераллеса и твердым шагом вышел из заводской проходной, направляясь на забастовочное собрание рабочих арсенала.

XIV
В ЭЙДЖЕВУДЕ

Чтобы попасть из проходной — «официального» входа в Эйджевуд — в сам арсенал, нужно было проделать немалый путь.

Официальный вход вел во двор завода, изготавливавшего невинные ящики для консервов. А в задней стене виднелись широкие, цинично оставленные на виду ворота метрополитена, охраняемые сложной системой автоматических устройств контроля и надзора. В эти ворота входили рабочие и с завязанными глазами садились в поезд-лифт, темный, без окон, с глухими дверями, который с молниеносной быстротой, проглатывая в минуту несколько верст, доставлял их по запутанным, искривленным подземным туннелям в настоящий Ейджевуд, находящийся глубоко под землей. Никто не знал, где именно, под каким углом к поверхности расположено самое страшное место земного шара.

Джойс спокойно дал завязать себе глаза — он уже привык к этому. Буржуазия весьма радушно позволяла предводителям рабочих, в том

числе и Джойсу, посещать свой подземный ад и любоваться его мощью. Немало выдающихся лидеров коммунистического движения также воспользовались гостеприимством капиталистов и получили возможность воочию увидеть вооруженные силы врага. Капиталистические хищники всегда были готовы продемонстрировать им свою силу, надеясь устрашить этим своих противников. Гостей даже не обыскивали при входе — в арсенале были уверены, что им не удастся причинить какой-либо вред производству — и только завязывали им глаза.

Глаза завязали и мистеру Юбераллесу, когда тому как-то вздумалось посетить арсенал. Он был страшно возмущен и даже жаловался президенту…

Через несколько минут мистер Джойс был в штабе подземного арсенала.

Контрольная лампочка, отмечавшая выход рабочих на смену, не горела.

— Не горит? — вместо приветствия указал на нее Джойс начальнику штаба.

— Уже два часа, — выразительно ответил тот. — Но у каждого станка, у каждого винтика стоит вооруженный до зубов охранник, — довольно добавил он и посмотрел на браунинг, лежавший

перед ним на столе.

— Я — генеральный председатель Совета профсоюзов, — представился Джойс, — и должен переговорить с бастующими. Нужно собрать всех рабочих в одном помещении. Я получил от мистера Юбераллеса карт-бланш на все свои действия.

Начальник штаба набрал номер.

— Алло! — сказал он в трубку. — Мистер Юбераллес?.. — И, проверив слова Джойса, он с приветливой улыбкой извинился: — Такие времена, сами знаете, — никому нельзя доверять…

Собирать рабочих не пришлось. Они сами сгрудились в пустующем цехе арсенала. Тихо переговариваясь между собой, они мрачно ждали…

Подходя к трибуне, Джойс, несмотря на всю свою твердость и выдержку, почувствовал, что руки его дрожат. Кровь ударила ему в виски. Но он сжал зубы и приготовился предстать перед толпой.

Из-под трибуны до него донесся еле слышный шепот. Джойс не ожидал, что и там может оказаться шпик — и вздрогнул от неожиданности.

Голос быстро сказал:

— Мистер Джойс, держитесь твердо. Мы приняли меры. Русские эмигранты и наши тайные агенты среди рабочих тоже принимают участие

в мятеже и делают вид, что именно они организовали забастовку. Вы можете опереться на них. Если оппозиционеры встретят вас враждебно, наши ребята, будьте уверены, их перекричат — и примут все ваши предложения.

Лицо Джойса сразу прояснилось. Но он сейчас же до крови закусил губу, и радостная гримаса сменилась выражением боли и решимости. Когда аудитория увидела Джойса, на его холодном неподвижном лице еще отражалась минутная боль…

Появление Джойса вызвало взрыв криков.

— Вон! — заревел цех. — Долой пособника буржуазии!.. Долой предателя Джойса!

Затем поднялся свист, вопли, и сотни мелких предметов полетели в лицо Джойса…

Но Джойс стойко выдержал взрыв массовой ярости и не пошатнулся под градом перочинных ножиков, карандашей и пачек сигарет, обрушившихся на его голову. Он выжидал. И вот послышались другие возгласы:

— Да здравствует Джойс! Слушаем Джойса! Джойс — защитник трудящихся!

Это кричали потомки русских князей, шпики и наиболее разложившаяся часть рабочих. Их было больше. Они кричали громче. Редкие крики

оппозиционеров растворились и исчезли в реве провокаторов.

Минут через десять-пятнадцать установилась тишина, и Джойс смог говорить.

— Я пришел по поручению вашего Совета профсоюзов, — начал он. — Совет профсоюзов заботится об интересах рабочих. Совет профсоюзов ведет пролетариат к победе. Но ситуация сложилась такая, что Совету приходится быть не вооруженным вождем своего класса, а его дипломатом. Дипломатия — сложная штука. Иногда правда бывает похожа на ложь, а ложь на правду. Обычный человек, простой рабочий из низов, не может разобраться, где же истина. Но Совету виднее, Совет знает, в чем правда. Однако бывает и так, что эта правда кажется простому рабочему ложью. И только потом он убеждается в своей ошибке и начинает сожалеть о ней… Товарищи, поймите это и доверяйте своему Совету.

— Долой прихлебалу! — закричали оппозиционеры.

— Ш-ш!.. — зашикали провокаторы. — Слушаем Джойса! Верим Совету!..

Джойс довольно улыбнулся.

Из-под трибуны послышалось легкое потрескивание — спрятавшийся шпик передавал своим

сообщения по радио.

Шум утих.

Джойс продолжал:

— Совет профсоюзов начал и ведет жестокую борьбу с капиталистическим миром. Борьба эта должна идти организованным путем. Не может быть никаких отклонений от намеченного плана, иначе рухнет вся система борьбы. Еще не пришло время для вооруженного восстания. Ваш бунт только сорвет наши планы и сыграет на руку нашим врагам. Мы должны выжидать. Мы должны действовать под твердым руководством Совета…

Договорить Джойсу не дали. Подземные цеха Эйджевуда, где беспрестанно, днем и ночью гудели и скрежетали тысячи станков, еще не слышали такого шума, какой поднялся вслед за последними словами Джойса.

Осатаневшие рабочие рвались на железную решетку, отделявшую оратора от аудитории, и, до крови давя голой грудью острые грани прутьев, — надсаженными, истерическими от ненависти голосами выкрикивали слова протеста и проклятия по адресу генерального председателя Совета профсоюзов.

Джойс побледнел. Такого воодушевления он не ожидал. Он видел, как потускнели лица шпиков,

окружавших трибуну. Прислушиваясь к реву толпы, он вынужден был констатировать, что на этот раз голоса эмигрантов и шпиков потонули в единодушных протестующих криках оппозиционеров. Последних все больше поддерживали другие рабочие, ранее остававшиеся пассивными или поддавшиеся на провокации.

Когда первый взрыв гнева прошел и воцарился относительный порядок, бледный, дрожащий Джойс решил воспользоваться своими полномочиями и выложил последний аргумент — наивный и одновременно действенный даже сейчас.

— Вы не хотите верить мне, товарищи? — крикнул он. — Вы осуждаете свой Совет! Но должен известить вас, что за два часа вашей стачки Совет многое сделал для вас. Буржуазия нас боится! Буржуазия уже идет на уступки. И близок час, когда мы окончательно ее одолеем. Полчаса назад мне удалось одержать большую победу. С завтрашнего дня ваш рабочий день уменьшается до четырех часов, а оклад увеличивается вдвое.

— Ура! — гаркнула эмиграция.

— Провокация! — взревели оппозиционеры. — Ты хочешь экономическими подачками отвлечь нас от политической борьбы? Не верьте ему, това-

рищи! Это очередная провокация нашего Совета!

Но их голоса звучали все реже и слабее. Спровоцированные рабочие видели теперь меньше причин поддерживать их и в конце концов замолчали. Зато возгласы эмигрантов и шпиков раздавались чаще и уверенней.

Джойс приободрился. Его щеки зарделись.

— К тому же, Лига Наций созывает третейский суд, чтобы предотвратить войну, — экспромтом солгал он. — Возможно, войны еще и не будет. Нам надо ждать. На улицах городов проходят пацифистские демонстрации. Даже буржуазия настроена против войны.

Это окончательно укрепило позиции Джойса. Разложившаяся и вдобавок пацифистски настроенная часть рабочих тоже закричала «ура» и присоединилась к дружным возгласам провокаторов. Их радостный рев заглушил последние возмущенные протесты меньшинства, старавшегося доказать ложь Джойса и развенчать буржуазный пацифизм.

Раздалось пение…

Мятеж был ликвидирован…

Из Эйджевуда нервный, еле живой от напряжения и переживаний Джойс, даже не отдохнув, поехал к мистеру Юбераллесу. Надо было обсу-

дить дальнейшие шаги.

Мистер Юбераллес нетерпеливо ждал Джойса. О ходе событий он уже был хорошо проинформирован. Он никак не ожидал, что справиться с бунтом удастся так просто и легко.

В его кабинете собрался весь капиталистический бомонд. Сам президент прилетел на аэроплане, чтобы первым пожать руку Джойса.

Гости расселись в позолоченных креслах, удобно расставленных в роскошном кабинете мистера Юбераллеса, и похвалялись друг перед другом своей силой и непобедимостью.

Все сошлись на том, что история классовой борьбы в Америке еще не знала такой важной и вместе с тем такой легкой победы, как эта. Затем успокоенные гости перешли к личным темам.

Когда Джойс появился в дверях уютного кабинета, его встретил гром аплодисментов и возгласов «Виват!». Правда, они не могли сравниться с той бурей возмущения, которая только что обрушилась на Джойса.

Джойсу аплодировала вся Америка.

Его приветствовала вся «соль» американской земли.

Ибо в кабинете мистера Юбераллеса собрались сейчас выдающиеся столпы Североамерикан-

ской «демократической», капиталистической республики.

Джойсу пришлось, стоя на пороге, кланяться во все стороны, как опереточному актеру после удачного порнографического номера.

Президент первым поздравил Джойса. Никто, разумеется, не оспаривал этиу честь у главы республики, и президент с достоинством сыграл свою роль.

— Так значит, Эйджевуд все же наш? — закончил он свою пафосную речь.

— Да, именно — наш, — подчеркнул и Джойс.

— Надеюсь, вы не хотите этим сказать, что он ваш, то есть принадлежит рабочим, поскольку вы — представитель рабочих? — остроумно ввернул президент.

Слова президента и ответ Джойса утонули в дружном смехе собравшихся.

— И похищенные формулы им не помогут?.. — мистер Юбераллес кивнул в ту сторону, где за океаном и Европой угрожающе ощетинилась красными штыками большевистская земля.

Джойс имел по этому поводу свое мнение и отнюдь не был уверен, что украденные формулы не помогут СССР. Однако отвечать ему не пришлось. Вслед за въедливым вопросом Юбераллеса в

кабинете прозвучал взрыв гомерического, торжествующего хохота.

Джойс вежливо улыбнулся.

XV
НАЗАД — В СССР

Известия о похищении формул и ликвидации мятежа в Эйджевуде за полчаса облетели весь Нью-Йорк. Имена Рудольфа и Джойса были у всех на устах. Рабочие произносили первое с восхищением и торжеством, буржуазия с яростью и ненавистью; со вторым дело обстояло ровно наоборот.

На заборах и стенах бок о бок запестрели прокламации правительства и листовки Компартии. Правительство успокаивало население, доказывая, что СССР не сможет воспользоваться украденными формулами. Компартия сообщала обратное.

Тело Рудольфа, накрытое красной китайкой, возили на огромной платформе по улицам, и на каждом углу вокруг него собирался бурный митинг.

Полицейские и шпики зеленели от бессильной злости: с мертвым они ничего не могли поделать. Они сновали в толпе, пытаясь опознать двух других похитителей, оставшихся в живых. В первые

же часы были арестованы более тысячи рабочих, напоминавших ростом великана Боба. Но шеф полиции, посоветовавшись с президентом, велел всех отпустить и прекратить аресты из опасений массовых эксцессов и возможного мятежа.

Однако похищение формул бледнело перед событиями в Эйджевуде. На митингах у тела Рудольфа на все лады обсуждался поступок Джойса. Проклятия смешивались с похвалами, возмущение с восторгом. Самые горячие головы требовали немедленного роспуска Совета и смерти Джойса, умеренные — протестовали и колебались, контрреволюционеры — восхваляли и прославляли.

Выступления коммунистов удивили всех. Ругая Совет и понося провокационную роль Джойса, коммунисты вместе с тем критиковали и эйджевудских рабочих за несвоевременный, сепаратный мятеж, который подорвал позиции Компартии и дезорганизовал все освободительное рабочее движение. По их мнению, бунт в Эйджевуде являлся очередной провокацией: капиталисты и желтые, доказывали коммунисты, стремились всеми силами расколоть единство рабочих рядов и сами устраивали локальные забастовки, чтобы помешать организованной и сплоченной борьбе пролетариата.

В ЦК царил общий подъем. Факт похищения формул там не переоценивали, но были уверены, что теперь боеспособность империалистической армии уменьшилась как минимум вдвое, а шансы СССР на победу в столько же раз выросли.

Возникло, однако, затруднение в связи с невозможностью передать формулы в СССР по радио, поскольку полиция только что перехватила шифры Компартии. Каждая минута была теперь на счету, и было решено, что Владимир повезет формулы в СССР на аэроплане.

Прощаясь, товарищ Том сказал гордому собой и воодушевленному Владимиру:

— Вы проявили исключительный героизм. Формулы, добытые вами, имеют большое значение для нашего дела. Но не переоценивайте отдельные факторы и средства борьбы. Ваш детективный подвиг — только капля в море. Сила же наша — прежде всего в единстве пролетариев всего мира, к чему мы и стремимся. И империалистическая война станет последним стимулом к их объединению. Она приведет к организованному восстанию пролетариата всех стран. В этом залог нашей победы… Передайте от меня привет Коминтерну.

Затем он добавил:

— Пока что мы воюем не оружием, а словами. Эйджевуд рано начал восстание. Сейчас все силы Компартии брошены в массы. Не исключено, что через несколько дней массы восстанут. Поезжайте, помогите русским товарищам защититься от яда. Пусть держатся стойко и как можно дольше. Мы уже идем к ним на помощь. Привет ВКП!

Боб помог Владимиру собраться. Он так подружился с Владимиром за эти два дня, что не хотел верить в расставание. Даже попросил Тома отправить и его в СССР. Но Том коротко и сухо ответил:

— Вы поедете завтра… Только не в СССР, а в Индию. Там нужны партийцы…

Большой участок пути на аэродром товарищам пришлось проделать пешком. Центральные улицы были запружены народом, и всякое движение транспорта прекратилось.

Вдобавок, на каждом углу шли громадные митинги, люди стояли стеной от края до края улиц, что также задерживало товарищей.

Боб ругался и проклинал лентяев, которые в такие минуты, по его мнению, зря разводили разговоры.

За время этого краткого путешествия по городу Владимир имел возможность еще больше убе-

диться в разброде, царившем в американской политической жизни.

На широких улицах объединились и слились воедино две демонстрации — рабочая и буржуазная, и все это только потому, что обе шли с пацифистскими лозунгами.

— О, страна сознательной и подсознательной провокации! — воскликнул Владимир, не в силах сдержать свои чувства. — И в самом деле, только теперь я вижу, насколько трудно вести здесь классовую борьбу. Но как же ваша Компартия? Неужели она такая слабосильная, что не может классово организовать весь пролетариат?

— Чудак ты, — ответил на это Боб. — Компартия вовсе не малосильная. Не знаю, сравнится ли ваша Компартия по силе с нашей. Но беда в том, что и буржуазия у нас очень сильная. Сильная экономически. И это — главное. Буржуазия создает экономически сложные ситуации, провоцирует несознательных рабочих. Возьми хотя бы эти две пацифистские демонстрации. Рабочие не хотят войны, потому что настроены дружественно по отношению к СССР, а буржуазия — потому, что СССР ненавидит. Но они объединяются в протесте. Вот такая сложная система провокации…

Владимир молчал, сконфуженный своей на-

ивностью.

Боб продолжал:

— Мы должны признать, что половина наших рабочих еще остается классово неорганизованной. Потому-то мы и терпим власть капитала. И потому у нас до сих пор не было Октября. Эх ты, простак! Да будь все рабочие организованы, у нас давно произошла бы революция. И наша задача как раз и заключается в организации рабочего класса. Для этого я завтра и уезжаю в Индию…

Товарищам снова преградил дорогу митинг. Гроб с телом Рудольфа оказался посреди двух объединившихся демонстраций. И здесь Владимир с радостью отметил, что даже неорганизованная, поддавшаяся на провокации часть рабочих сохранила классовую сознательность. При виде гроба Рудольфа толпа сразу разделилась надвое. Беспартийные и неорганизованные рабочие встретили тело коммунара мощными приветственными криками и пением «Интернационала». Буржуазные пацифисты тем временем очерняли память Рудольфа такими потоками брани и проклятий, что настоящая подоплека их пацифизма становилась ясна даже последнему глупцу.

Коммунистические агитаторы сразу воспользовались моментом и со всех сторон заторопились

на площадь.

Они, надрываясь, поясняли толпе суть событий, пытаясь втолковать рабочим правильный взгляд на политическую ситуацию.

— Мы не хотим войны! — упрямо стояли на своем разложившиеся пацифисты. — Мы откажемся мобилизоваться. А если нас захотят заставить силой, мы восстанем.

— Мы должны мобилизоваться, — настаивали агитаторы. — Мы все пойдем в империалистическую армию. Но воевать мы не станем. Получив оружие, мы всадим штыки в брюхо капитала. А ваше сепаратное восстание против мобилизации буржуазия раздавит за два дня. Вас перестреляют, как куропаток. Война войне! Долой войну наций! Да здравствует война классов!

Доводы агитаторов начинали влиять на демонстрантов. Пробираясь сквозь толпу, Владимир и Боб видели, как отдельные кучки рабочих-пацифистов ломали свои транспаранты и флаги.

Агитатор, стоявший на платформе, сорвал с гроба Рудольфа красную материю и мелом написал на ней: «Мы хотим воевать».

Толпа встретила это сплошным ревом.

Буржуазные пацифисты попрятали свои флаги и исчезли.

Щеки Владимира пылали. Он весь нервно дрожал.

— Америка накануне Октября! — крикнул он Бобу.

— О, да! — сказал Боб. — Но никак не накануне империалистической войны. Мировой Октябрь грядет! — закричал он во весь голос и так громко запел «Интернационал», что постовые полицейские с ужасом попрятались в своих будках…

На аэродроме Владимира ждал легкий гоночный аэроплан. Анонсировано было, что он собирается совершить рекордный, на скорость, перелет из Нью-Йорка в Вашингтон. Но полные баки бензина могли подсказать, что авиатор задумал куда более долгое путешествие.

Владимира окружили фотографы и репортеры, интересуясь подробностями биографии летчика-изобретателя и рекордсмена мистера Грильпарцера.

Боб в последний раз пожал ему руку.

Тот в это время, со связанными руками и кляпом во рту, дико вращал глазами на кровати в уютной квартирке на Американ-стрит под дулами двух браунингов в руках бравых ребят из боевой дружины.

Биографию мистера Грильпарцера Владимир вычитал в утренней газете. Теперь он по возможности добросовестней изложил ее и поспешил надеть кожанку.

Механик — в нем он сразу узнал одного из коммунаров — весело подмигнул и запустил пропеллер.

Владимир пощупал боковой карман — пакет с выкладками и формулами был на месте. Боб еще раз, чуть не сломав, пожал Владимиру руку и, наклонившись к его уху, сказал так тихо, что услышать его могли только Владимир и механик:

— Компривет Эсэсерии.

Аэроплан поднялся в воздух.

Владимир глянул вниз. С аэродрома ему — собственно, не ему, а Грильпарцеру — махали тысячами платочков. Среди них он еще раз увидел серую кепку Боба. Сотни репортеров наперегонки дописывали свои заметки, торопясь

дать в вечерние выпуски газет новые факты из биографии мистера Грильпарцера…

Нью-йоркские небоскребы замелькали далеко внизу, как жалкие курятники. Впереди широкой полосой блеснули волны океана.

Аэроплан с рекордной быстротой полетел в сторону, совершенно противоположную Вашингтону.

XVI
НА УЛИЦАХ КРАСНЫХ СТОЛИЦ

(Буржуй, записывайся в Авиахим!)

Уже третий день с утра до вечера над столицами СССР в недосягаемых глубинах неба роились стаи черных точек.

Когда одна из них немного снижалась и увеличивалась в размерах до комара, сотни зенитных орудий нацеливали на нее свои жерла и взрывались грохотом выстрелов, сотрясая землю.

Но в черные точки невозможно было попасть. Снаряды не достигали многоверстной высоты и не причиняли вреда грозной железной мошкаре.

Пушки грохотали, и с каждым выстрелом распространялись и расползались сотни выдумок и провокаций:

— Аэроэскадрильи Антанты бомбят СССР!

— Повреждены железнодорожные узлы!

— Взорваны мосты!

— Разрушены электростанции и военные заводы!

— Днепрогэс! Волховская ГЭС! Днестровская!

— Вообще все…

— Работает только радио… Оттуда мы и узнаём новости…

Однако вражеские эскадрильи еще не сбросили ни одной бомбы и ничем не проявили свои намерения. Правда, количество самолетов ежедневно росло, и в полете они спускались все ниже.

С помощью морских подзорных труб и астрономической оптики уже можно было распознать модели воздушных врагов, оценить их размеры и даже разглядеть огромные черные фашистские кресты на прозрачных крыльях.

Утром третьего дня один аэровраг был сбит метким выстрелом. Остальные тут же поднялись выше и попрятались за облака, а подбитая машина дважды перевернулась в воздухе и рухнула вниз.

К счастью, она упала в озеро, и это спасло ее от полного сгорания.

Водолазы извлекли на поверхность останки железной птицы. Главной находкой оказались два огромных баллона, наполненные до краев ядовитой жидкостью.

Было очевидно, что жидкость не израсходована. Однако находка породила слухи о том, что вражеские эскадрильи, оставаясь на заоблачной линии фронта, обильно поливают землю ядови-

тым веществом.

«Роса, которая покрывает утром листья растений, — не что иное, как капли мощнейшего яда. Он действует медленно и через некоторое время превратит все вокруг в черную мертвую пустыню…»

ГПУ схватилось за голову.

Выловить злостных шептунов и жалких трусов не было возможности.

Паника росла.

Образцовый порядок эвакуации был нарушен.

На вокзалы индустриальных и административных центров, откуда эвакуационные поезда вывозили нетрудящееся, свободное от оборонных задач население в дальние сельские районы, потянулись — побежали и поехали — тысячи перепуганных людей.

План Реввоенсовета предусматривал, что всех мирных и не занятых в обороне жителей можно будет эвакуировать в безопасные места за три дня. Но план этот мог вот-вот сорваться.

Каждый хотел уехать первым — и немедленно.

Заверения, доводы, просьбы правительства не помогали…

Пришлось выставить пулеметы.

Это немного успокоило население.

***

Буржуазия одной из советских столиц, поначалу только с завистью поглядывавшая на противогазовые маски трудящихся, от страха набралась наглости.

Огромными толпами двинулась она к Советской площади и зданию исполкома. Скоро исполком оказался в плотном кольце маклеров рулетки, хозяев казино и других недобитков из «бывших».

Проклиная власть, угрожая немощными кулаками, скаля зубы, они все теснее смыкали свои ряды, все ближе подбирались к ненавистным красным стенам.

— Это зверство! — кричали они. — Вы обрекаете нас на гибель! Дайте противогазы!

Машинистки исполкома испугались.

— «Буржуазная чернь» восстает, — иронически улыбались занятые работой члены исполкома, невольно поглядывая в окна.

— Позвольте полить их из рукава? — предложил дежурный пожарник.

Председатель исполкома вышел к демонстрантам.

Его встретили ревом и мольбами.

— Граждане! — воскликнул он, перекрикивая тысячеголосый шум. — Ведите себя организованно и сознательно! Вы же знаете, что противогазов на всех не хватает. Только активные защитники родины получают их. Не только у вас, но и в рабочих семьях не всегда есть маски. И места в укрытиях на всех не хватит… Но за три дня мы всех вас эвакуируем в безопасные места.

— За это время нас всех успеют перетравить! — брызгала слюной в ответ толпа. — Будьте вы прокляты!..

— Я плачу налоги! — сорвался чей-то визгливый голос. — Вы должны меня защитить!

Лицо председателя исполкома потемнело.

— Хорошо!.. — ответил он. — Мы дадим вам противогазы.

Крик радости заглушил его слова. Лица нэпманов прояснились.

Председатель исполкома обратился к секретарю:

— Прикажите немедленно выдать противогазы всем членам Авиахима.

— Члены Авиахима, становитесь в очередь! — звонко крикнул секретарь.

Площадь замерла. Членов Авиахима не нашлось.

— Маски получат те, кто заботился о благосостоянии и защите своей страны, — бросил председатель, возвращаясь к своим делам…

Его уход сопровождался шумом, плачем и причитаниями.

— Быдло несчастное, — смеялись дежурные. — Почему в Авиахим не записывались?

— А сколько надо платить?

— Три рубля…

— Ой-ой-ой! Если бы мы знали…

Толпа двинулась к зданию Авиахима.

Но и там их ждало разочарование: с объявлением войны запись в члены прекратилась…

Обессиленные, разъяренные нэпманы, проклиная себя за неосмотрительность и клянясь, что непременно запишутся во все общественные организации, если переживут эту войну, вынуждены были ждать эвакуации в организованном порядке.

Но неудача не уменьшила их запала. Бросив жилье на произвол судьбы и погрузив на телеги и извозчиков узлы со своим скарбом, они поспешили на вокзалы, чтобы заранее («авось получится!») занять места и уехать хотя бы на час раньше.

Уличный шум стих.

Все извозчики были заняты.

Варьете, казино и церкви опустели…

***

На безлюдных улицах, меж рядами высоких осиротевших домов, звонко и громко раздались звуки оркестра… Одного, второго, третьего — множества…

Город вздрогнул и бодро напрягся.

— Эй, Антанта, сбросим в море! — вынырнул откуда-то зажигательный комсомольский напев.

Опустевшие улицы расцвели красным.

Стройными рядами, с пением и музыкой, шли сотни комсомольских коллективов.

Высоко вздымались натруженные руки; молодые, охрипшие голоса дерзко выкрикивали маршевый лозунг:

— Берегись, капитал, комсомол идет!

И рассыпались в задних рядах шутливой, веселой частушкой:

ВеКаПе — ты наш папаша!

СеСеРеРия — мамаша:

Заварил Антанта кашу!

Бита ваша!

Сверху наша!

И конца-края не видно было рядам бодрых и упорных юных коммунаров.

Они шли на вокзалы, чтобы проводить сегодня свою смену, юных пионеров, которых эвакуировали в безопасные районы, а завтра, натянув противогазы, отправиться на фронт.

На флагах сверкали на солнце золотыми буквами боевые надписи:

«Перекуем плуг и молот в Авиахим и пулемет!»

«Классовая война — залог коммуны!»

Растроганные толпы старых ветеранов, немощных героев первого Октября, ковыляли вслед за могучим строем своей смены и горько плакали, не в силах сдержаться: они и восхищались потомками, и завидовали их молодой силе.

— Будь готов! — неслось из радиорупора на крыше здания ВУЦИК[6].

— Мы готовы! — отзывались бесконечные ряды защитников коммуны, и миллионоголосое эхо перекатывалось по городу от края до края.

Казалось, разверзлась земля, и из глубин ее доносился этот непобедимый гул…

---

[6] Примечания: 6
Всеукраинский центральный исполнительный комитет.

Старый ветеран с иссеченным еще деникинскими нагайками лицом, седой и слабый, вскарабкался на трибуну и крикнул неожиданно громким старческим голосом:

— Пусть все газы достанутся нам! А наша молодая смена будет строить Коммуну и продолжать наше дело!..

Шли по земле рабочие ряды. А там, наверху, за облаками, угрожающе роились полчища железных насекомых. Им не были слышны восторженные лозунги и песни Красной Земли. Зато их слышали эскадрильи летчиков Авиахима, которые, отправляясь на фронт, низко проносились над улицами красных столиц и гулом пропеллеров аккомпанировали песне земли:

Мы только первые из храбрых,
Миллионы следуют за нами![7]

***

Ускоренными темпами обустраивалось «подполье» — укрытия от газов, под которые использовались все погреба.

Рабочие переселялись в подвалы.

---

[7] Примечания: 7
Из В. Эллана (Прим. авт.).

В бывших погребах и хранилищах заурчали электрические воздухофильтры.

Вместо галстука на шее носили противогаз.

Жизнь переместилась под землю и постепенно входила в будничные рамки. Казалось, изменились только жилища — место высоких домов и светлых квартир заняли темные подземелья с низкими потолками.

Государственная машина, переселившись этажом ниже, вновь застучала своими колесиками.

XVII
ТАЙНЫЙ ШИФР

Товарищ Ким глубоко задумался.

На столе перед ним, поверх груды непросмотренных бумаг, лежал небольшой серый лист — радиограмма.

Это была страница из вчерашнего утреннего радиодоклада оперативной разведки в Америке. После информации о заседании Совета профсоюзов и его решении поддержать правительство, действиях Джойса и дебатов в ЦК, коротко сообщалось и о Владимире:

«Тов. Владимир, действуя по собственной инициативе и с пассивного одобрения ЦК, нашел определенные возможности похитить формулы ядовитых газов и затем исчез из виду с очевидной целью осуществить свои намерения».

Товарищ Ким в третий и в четвертый раз перечитал эти несколько строк.

При отъезде Владимиру не поручалось добыть формулы. Видимо, такая возможность действительно появилась, раз он самостоятельно взялся за это дело.

Иприт и горчичный газ, некогда гордость империалистического мира… Другие газы, полученные уже после мировой войны — ими так хвалились вояки из Западной Европы, сея тревогу и страх в общественном сознании советских республик… Все они давно перестали быть опасны для СССР. Еще несколько лет назад оперативной разведке удалось получить их формулы, и сейчас в подземных хранилищах химического сектора Реввоенсовета лежали десятки тысяч баллонов с противоядиями, способными мгновенно свести на нет ядовитую силу этих газов.

Но после этого случая империалистические химики в корне изменили свои формулы и изготовили гораздо более ядовитые и страшные газы. Буржуазные правительства на сей раз держали их производство в таком строгом секрете, что все усилия советской разведки достать формулы новых газов пропадали впустую.

Требовалось заполучить их формулы любой ценой, что стало первостепенной задачей в деле обороны страны. Товарищ Ким, стоя во главе советских республик, хорошо это знал и сознавал все значение усилий Владимира.

— Удачи ему, герою, — вздохнул он. — Не верится, конечно, но будем надеяться, что кое-чего

он достигнет. К тому же, анализ жидкости из баллонов с подбитого аэроплана также немало нам поможет. Если нашим химикам удастся разложить ее на составляющие и вывести формулу, хваленая «роса смерти» будет нам не страшна.

В это время глубокую задумчивость товарища Кима нарушил звонок телефона.

Ким поспешно снял трубку.

Звонили с исследовательской станции военной химии.

— Ну? — коротко бросил Ким. — Есть формула?

Через мгновение лицо его побелело, и он чуть не выронил телефонную трубку…

Взволнованный, испуганный голос начальника станции прокричал страшную весть:

— Несчастье! Ядовитая жидкость огромной силы! Трое аналитиков, попытавшихся разложить ее, моментально погибли в ужасных мучениях! Несколько капель, пролитых в лаборатории, испепелили все живое! Металлы окислились! Вещество забирает из воздуха кислород! Резина горит!..

Овладев собой и не слушая продолжение доклада, товарищ Ким распорядился:

— Немедленно прекратите опыт!.. Баллоны спрячьте.

Впервые со времени объявления войны сердце Кима забилось неровно и тревожно. Он все-таки не ожидал, что врагам удалось изобрести такой сильнодействующий и разрушительный яд.

— Неужели все погибнет из-за такой глупости? Вся надежда на Владимира. Если… Войдите, — отозвался он, услышав громкий стук в дверь.

— Радио. Вечерняя американская оперсводка, — не переступая порога, доложила секретарша, товарищ Ульяна.

Ким заволновался:

— Давайте, давайте скорей. О Владимире есть?

— Есть, — как-то неуверенно ответила секретарша.

Ким схватил бумаги.

Воззвание ЦК американской Компартии, события в Эйджевуде, провокация Джойса — это потом. Где же о Владимире? А! Вот…

— *…удалось похитить формулы всех газов…*

В глазах Кима потемнело. В груди разлилась радость. Он с трудом разобрал следующие строки:

— *…но смельчак с добытыми образцами в кармане погиб от воздействия газов, не сумев покинуть помещение…*

— Что?.. — воскликнул Ким и перевернул бумагу на другую сторону, ища продолжение

радиограммы. — А дальше?

— На этом сводка прерывается, — пояснила Ульяна. — Американская разведка разгадала наш шифр. Тайное сообщение с нашим оперштабом прекратилось… Вот выдержка из американских газет, переданная уже без шифровки, — подала она Киму другую бумагу.

Еле сдерживая волнение, Ким пробежал глазами коротенькую заметку:

— *«Неудачная попытка большевиков похитить формулы газов вызвала возмущение и взрыв энтузиазма всего цивилизованного мира. Улицы Нью-Йорка заполнены патриотическими демонстрантами. С ними объединяются и пацифистски настроенные рабочие… Труп наглого вора возят по улицам. Установить его личность пока не удалось. Известно только, что это агент большевистской сволочи, прибывший из СССР, возможно, русский… Большевистские агитаторы пытаются использовать общественное возмущение в анархических целях…»*

Ким почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

— Это все, что у вас есть? — спросил он Ульяну обессиленным, разбитым голосом.

— Все.

— И незашифрованных нет?

— Нет.

Ким поднял телефонную трубку:

— Дайте секретно-шифровальный отдел… Начальника… Это ты, Свиком?.. Тебе известно, что наш шифр разгадан?.. Да… Немедленно отправить новый и установить связь… Это уж твое дело… Найди способ…

Он уже хотел положить трубку, но товарищ Свиком остановил его. Он хотел посоветоваться с Кимом. Информационный отдел переслал ему странную радиограмму. В ней использовался незнакомый и непонятный шифр, ключа к которому в шифровальном бюро не имелось. Радиограмма была адресована в Донецкий окружком — Гайе.

— Ну и что? — поморщился Ким, жалея, что даром потерял несколько минут на бесполезный разговор. — Отправь ее в Донецкий окружком. Удивительно только, как это окружком пользуется каким-то специальным шифром, вдобавок не зарегистрированным у тебя…

— Но радиограмма из Америки, — отметил Свиком.

— Что? — насторожился Ким.

— Подпись шифрованная. Очевидно, какая-то

условная. Имя…

— Какое имя?

Киму пришлось подождать: видимо, Свиком забыл имя и искал сейчас радиограмму. Ким слышал, как он ругался.

— Ну?

— Есть, еле нашел, черт бы ее побрал!.. Имя как имя. Ничего не говорит. Какой-то Владимир.

Ким подскочил.

— Время?

— Полчаса назад…

— Странно! — Кима бросило в пот. — Сейчас же перешли мне…

Через десять минут радиограмма была у Кима.

Но сколько он ни вглядывался в нее, сколько ни вертел в руках, разгадать шифр не смог. Адрес — Донецкий окружком, Гайе, и подпись «Владимир» не раскрывали тайного содержания. Однако время отправки — полчаса назад — и сама подпись Владимира, о смерти которого сообщали американские вечерние газеты, свидетельствовали, что шифровка, возможно, скрывала нечто очень важное.

— Сейчас же вызовите Донецкий окружком, — приказал Ким и поспешил к аппарату, чтобы лично переговорить с секретарем.

Связаться с Донбассом оказалось нелегко. Все волны были заняты срочными телеграммами коммуникационного управления.

Наконец удалось перехватить радиоволну из Донбасса и вмешаться в разговор окружкома с ЦК. Но разгадать шифр это не помогло. Окружком категорически отрицал наличие у него какого-либо специального, неизвестного и незарегистрированного в секретном отделе шифра. С момента отъезда Владимира никаких известий от него Шруб не получал, и подпись Владимира под радиограммой ничего ему не говорила.

Товарищ Шруб, секретарь окружкома, еще раз глянул на непонятный текст и предположил, что шифр может быть известен Гайе, так как радиограмма адресована ей.

— Кто она такая? — спросил Ким.

— Наша коммунарка, кажется, жена Владимира.

— Вызовите ее к аппарату.

— К сожалению, это невозможно, — ответил Шруб. — Вчера утром она выехала в дальний сельский район с местными эвакуированными пионерами и осталась там на партработе.

— Немедленно свяжитесь с районом и вызовите ее к прямому проводу. Я буду ждать у аппарата, —

приказал Ким.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут пришел ответ:

— На радиовызовы район не отвечает: в селе, где остановилась Гайя, постоянной радиостанции нет. А телеграфный провод поврежден грозой. Связи с районом не будет как минимум сутки.

Ким заскрипел зубами:

— Немедленно выслать монтеров и починить провод!

— Все монтеры отправлены на починку других повреждений, вызванных грозой. Раньше вечера не вернутся, — ответил Шруб.

Кима начало трясти.

— Неужели никак нельзя связаться с товарищем Гайей? Вы понимаете, что шифр может скрывать в себе формулы газов? Дорога каждая минута!

— Остается одно, — сказал Шруб. — Я сейчас же вышлю за ней самый быстрый аэроплан.

— Вышлите сию минуту, — обрадовался Ким. — Отправьте за ней умелого летчика. К вечеру она должна быть здесь.

Шруб не стал терять времени и схватил за руку первого же проходившего мимо товарища.

— Владарад, ты немедленно вылетишь в район

к нашим пионерам.

И пока удивленный Владарад приходил в себя, Шруб торопливо объяснил ему, в чем дело. Одновременно он телефонировал в авиапарк и приказал немедленно подготовить к вылету самый быстрый аэромотор.

Через десять минут Владарад уже несся со скоростью пули над трубами заводов Донбасса, пытаясь держаться как можно ближе к земле и с опаской поглядывая на черные точки вражеской авиаэскадрильи, круживших высоко в небе…

XVIII
ГАЙЯ ГОТОВИТСЯ К АВИАВОЙНЕ

Сельские районы напоминали сказочные страны лилипутов.

Эвакуированные пионеры рассыпались между домами и во ржи. Воздух звенел россыпью их молодых голосов. Среди сельской природы они чувствовали себя прекрасно. Их головки реяли во ржи, как красные маки, белые городские личики покрывались смуглотой загара под непривычными горячими лучами деревенского солнца.

Но шелушащиеся спины и облезлые от солнца носы их мало беспокоили. У пионеров уже закипела будничная работа. Собрав деревенских детей, они стали разъяснять им причины и характер войны…

Попав после городской суеты в уютное село, Гайя в первую минуту вздохнула свободно. Однако она быстро увидела, что внешне спокойное и ленивое село на самом деле было даже суетливей города. Энергия кипела в каждом атоме жизни.

Комсомол спешно вооружался и готовился выехать на фронт.

Землеробы отправляли зерно в герметичные районные элеваторы.

Женщины мыли и кормили тысячеротую ораву красноголовых пионеров[8] и присматривали за ней.

Ячейки Авиахима при коммунах, со всех сторон плотным кольцом окружавших село, готовились к пассивной обороне на случай, если дерзкий враг вздумает и на села сбрасывать газы. Рыли укрытия, распределяли маски, изучали правила защиты и первой медицинской помощи.

Партработники надрывались, растолковывая политическую ситуацию инертному, богатому населению.

Гайе было поручено сделать доклад о методах химической обороны.

К своему стыду, она была с ними мало знакома. Хорошо понимая задачи и ценность химии, Гайя, по правде говоря, не стала глубже знакомиться с этим вопросом.

И теперь, обложившись книгами и составляя конспект лекции, она упорно пополняла свои знания о способах защиты от отравляющих веществ. Волосы вставали у нее дыбом, глаза отказывались

---

[8] Примечания: 8

В период написания книги многие пионеры носили на головах красные косынки.

читать описания ужасов химической войны.

— «Газы бывают устойчивые и неустойчивые, — читала она. — При их применении возможны явления взвесей, облаков тумана или дыма. По своему воздействию газы подразделяются на такие, что разъедают кожу и действуют постепенно, и действующие непосредственно: ядовитые, удушающие, рвотные, ослепляющие, слезоточивые, вызывающие тошноту, немоту, сонливость; воздействие их чаще всего приводит к смерти».

Гайя невольно пощупала значок Авиахима на груди и посмотрела на узелок с противогазовой маской.

— «Химическая война не требует тяжелых неуклюжих пушек, — продолжала читать она. — Пушка химической войны — это самолет. С аэропланов враг может забросать всю вражескую территорию ядовитыми бомбами и, сам не потеряв ни одного человека, уничтожить за несколько дней население крупнейшей страны…»

Гайю охватил ужас:

— Америка — газ, Франция — аэропланы, Англия — флот. А мы? У нашего воздухофлота совсем мало аэропланов…

И вдруг сердце ее упало. Затаив дыхание и за-

стыв, она стала прислушиваться.

Ее слух уловил какое-то необычное гудение. Это не был звук двигателя авто или какой-либо сельскохозяйственной машины. Так гудит аэромотор. Сомнений не было — приближался самолет.

«Неужели началось?» — мелькнула мысль.

И, забыв о противогазе, она поспешила на улицу.

На улице, переговариваясь и задрав головы, стояли люди и следили за стальной птицей. Она снижалась, планируя. На крыльях птицы видны были красные звезды.

Гайя облегченно вздохнула и нервно засмеялась.

«Ну и трусиха же я, хоть и коммунарка», — упрекнула она себя.

Аэроплан сел.

Из-под маски выглянуло знакомое лицо.

— Владарад! — обрадовалась Гайя и бросилась к нему. — О, как ты меня напугал, — уже смеясь, она пожала ему руку.

— А я за тобой, — торопливо поздоровался он. — Скорее летим!

— Куда? Куда летим? — удивленно и растерянно спрашивала Гайя, пока Владарад надевал на нее маску и кожанку. — Что ты делаешь?

— Потом, в дороге расскажу, — наскоро бросил Владарад, усаживая ее в кабинку.

— Я не могу, я с пионерами, — запротестовала Гайя.

Но пропеллер уже загудел, и изумленная Гайя вознеслась над крышей дома, где остались ее книги по химической защите и противогаз.

Скоро белые здания запорожских коммун были уже далеко позади.

Впереди же было больше часа свободного времени, — невыносимо долгого ожидания в отгороженной от земли и неба аэрокабинке. О разговорах с Владарадом нечего было и думать — он управлял мотором, и Гайе оставалось лишь смотреть на его согнутую над рулем спину.

Ей быстро надоело любоваться оригинальным пейзажем — округлой шахматной доской возделанных нив, перемежавшихся муравейниками городов и городков. От нечего делать Гайя снова взялась за свою брошюру. Необычная обстановка воздушного путешествия, конечно, мало располагала к вдумчивому чтению: аэроплан ритмично покачивался, навевая то сон, то истому; назойливое гудение мотора в ушах пронизывало сознание и раздражающе отвлекало внимание; перед глазами постоянно и надоедливо мерцали сквозь

стеклянный пол широкие прямоугольники полей и просторные луга. Но драгоценное время терять было нельзя, и Гайя, плотно натянув на голову ушанку и откинувшись к стенке, старательно погрузилась в чтение.

Она добросовестно дочитала раздел о первых мерах медицинской помощи, защите от отравления и нейтрализации газов и перешла к главе, посвященной развитию вражеской военной техники.

И невольно ее охватил ужас… Не одни лишь газы — чудовищные, страшные, непобедимые газы — выставлял буржуазный мир против своего заклятого врага, пролетарского государства. Снаряды огромных дальнобойных пушек обращали в руины прекрасные города и несли смерть десяткам и сотням тысяч беззащитных людей. У врага были модернизированные, усовершенствованные пулеметы: из такого пулемета один человек, спрятавшись за безопасную броню, мог уничтожить тысячи солдат, пронзая самые прочные броневые покрытия своими стремительными ультра-закаленными пулями. Враг вооружился электрическими установками дальнего действия, бросавшими конденсированную энергию через радиоволны на неограниченное рассто-

яние и убивавшими каждого безрассудного, который прикасался к любому металлическому предмету. Он снабдил свои бронемашины радиопрожекторами, чьи незаметные даже ночью лучи проходили сквозь любые заслоны и жгли, уничтожали, взрывали все живое и неживое: людей, камни, птиц, саму землю…

Гайя стыла и мертвела от страха… Аэроплан равнодушно скользил над полями, ловко уклоняясь от встречных ветров, воздушных течений и ям. Далеко внизу заблестела зеленоватая полоса: это мирно катил свои воды старик Днепр. Над рекой висело облако дымки, далеко расстилая свой покров, окутывавший берегва и прибрежные просторы.

Сквозь полупрозрачную завесу дымки горели на солнце драгоценными камнями стеклянные кровли заводов и фабрик. На сотни гектаров раскинулось это стеклянное море, разграниченное мостовыми улиц, железными перегородками конструкций и серым рубероидом крыш. Густыми вершинами нового рукотворного леса вздымались, щетинились, пронизывая облачную завесу и ненасытно разинув свои пасти, тысячи бездымных вытяжных «дымоходов».

«Неужели все это может погибнуть? Неуже-

ли дерзкий враг уничтожит или захватит эти драгоценные кристаллы рабочего пота и крови? Неужели может засохнуть и умереть это живое зернышко социализма?..»

И Гайя скорей перевернула страницы второй главы и перескочила в конец — к главе о вооруженных силах и военной технике советских республик.

Они были красноречивы, эти строки. Они свидетельствовали об исключительной жизнеспособности и упорстве класса строителей. Они открывали перед удивленной Гайей огромные достижения и усовершенствования, хотя и бледневшие перед величием Днепрогэса — не хищные и жаждавшие крови и смерти, но передовые и надежные только по принуждению, неизбежной необходимости: по большей части контроружие и средства защиты от посягательств и агрессии врага.

Брошюра была дочитана. Гайя снова посмотрела вниз: под ней уже пестрели тесно сгрудившиеся здания столицы.

XIX
В УКРЫТИИ

Владарад и Гайя миновали улицу и аэродром и спустились прямо на улицу перед зданием ЦК.

Владарад рассчитал неудачно. Аэроплан задел крыльями стены, выбил несколько окон и, распугивая прохожих, пронесся по мостовой, остановившись в квартале от ЦК.

Близился вечер. Солнечные лучи уже покинули мостовые и стены и лишь ненадолго задерживались на крышах.

Не дожидаясь полной остановки аэроплана, Владарад и Гайя соскочили на землю и нырнули в толпу, сразу окружившую странный мотор. Их останавливали, сочувственно расспрашивая, что случилось с машиной и почему они совершили посадку посреди улицы.

Раздраженные излишним сочувствием и любопытством, они старались как можно быстрее выбраться из толпы.

Надо было спешить. Ким давно уже ждал их в ЦК. Гайя нащупала на ходу бумагу с ключом к шифру, лежавшую в дальнем кармане.

Перед самым зданием ЦК путь им преградил отряд красноармейцев. Солдаты маршировали, распевая веселую песню и, видимо, направляясь на фронт.

Владарад и Гайя вынуждены были с нетерпением ждать, пока ряды бойцов не освободят дорогу.

Гайя грустно смотрела на молодые, пылкие и вдохновенные лица. Она вспомнила брошюру о химической войне…

«Все идут… и идут… — замирая, думала она. — Столько молодых, крепких. Кажется, любого врага одолеют. А налетит один самолет с ядовитыми газами, — и все умрут. И никакая сила им не поможет…»

Вдруг спокойный, неподвижный вечерний воздух дрогнул. Со всех сторон раздался дикий, отчаянный вой сотен сирен. Долгий, затем прерывистый, тревожный…

— И — и—и — и—у — у—у — у—иу… иу…

— И — и—и — и—у — у—у — у—иу… иу…

Настойчиво, заполняя воздух, поглощая все остальные звуки, он вторгался в уши, распирал голову, как пар кипящий котел, холодной змеей впозал в сознание и леденил сердце… И сердце, ослабев, падало в груди…

На мгновение толпа окаменела.

Окаменели и Гайя с Владарадом.

Окаменели и шеренги солдат.

Все поняли значение этого хора сирен…

Недаром в последние дни повсюду только и говорили, что о сиренах…

Это означало, что дозорная химико-метеорологическая станция заметила в воздухе ядовитые газы…

Это означало, что химическое наступление врага, перед которым трепетали сердца самых храбрых, — началось…

И сотни сирен, размещенных во всех уголках города, получив от станции радиосигнал, передавали населению весть о начале войны и призывали его защищаться.

Невольно все посмотрели вверх.

Вечерний воздух был прозрачен… В недосягаемой небесной глубине плавали кучки черных насекомых… Ниже с шумом и карканьем неслись стаи ворон, испуганных диким концертом сирен.

И — у—и — у… И — у—иу…

Сирены еще раз напомнили об опасности.

— Прячемся! В укрытия! Надеть маски!

И перепуганная толпа с криками и плачем сорвалась с места.

Владарад и Гайя тщетно пытались выбраться из толпы и вернуться к зданию ЦК. Их сдавливали со всех сторон, подталкивали вперед. Отбиваясь и едва не плача, они все же вынуждены были бежать вместе с толпой вниз по улице.

— Пустите, куда вы нас тащите? Нам надо обратно! Слышите?

Но никто не слушал.

С соседних улиц выбегали новые толпы, присоединялись к бегущим, и все эти толпы бежали дальше, распыляясь, разбегаясь по укрытиям и снова разрастаясь. А по пятам за ними гнался непрестанный, ужасный вой сирен.

— Иу… Иу…

Запыхавшемуся, еле живому Владараду удалось ухватиться за ограду на углу улицы. Он вцепился в Гайю и выдернул ее из толпы. Но толпа снова повлекла их в соседнюю улицу.

Отчаявшись выбраться из безудержного людского потока, они безвольно и послушно бежали за всеми.

Кучка людей остановилась перед каким-то домом. Гайя и Владарад стали вместе с ними спускаться в укрытие.

Испуганные люди бегали вверх и вниз по лестнице. Женщины истерически плакали, мужчины

ругались, дети захлебывались в плаче.

Гайя неожиданно остановилась. На ступени к ее ногам упало что-то тяжелое и черное. Это была ворона.

— Птица упала! Птица упала! — раздались крики. — Ее уже убили газы! Скорее — газ оседает на землю!..

Гайя чувствовала, что теряет сознание…

Грохнули герметичные двери. И этот грохот мгновенно отрезал всех от от жизни наверху…

Гайя и Владарад очутились в подвале…

Сразу стало неестественно тихо.

Щурясь в темноте, цепляясь за чужие ноги и руки, Гайя и Владарад начали искать места, где бы сесть…

Неожиданно вспыхнуло электричество.

У всех вырвался вздох облегчения:

— Электрическая станция работает.

При свете лампы Гайя оглядела укрытие. Людей в подвале было немного. Кто-то в военной форме, пять-шесть рабочих, дрожащий и белый, как мел, учрежденец, женщина с ребенком и старый, седой ученый в черных очках.

— Профессор химии, — сразу же представился он. — Жилец этого дома. Данное укрытие рассчитано на шестерых, но я вижу людей лишних

и незнакомых. Мне кажется, кое-кому придется выйти.

Но на его предложение никто не откликнулся. Напротив, не прошло и пяти минут, как в подвал набилось еще человек десять-пятнадцать. Профессор всякий раз протестовал и уверял, что места не хватит, но пришедшие даже не отвечали.

Гайя и Владарад сидели в углу и молчали. Молчали и другие. Только женщина изредка всхлипывала, кормя ребенка. Помимо ее всхлипываний, тишину нарушало лишь однообразное гудение воздухофильтра.

Профессор химии проверил, исправен ли воздухофильтр, в порядке ли оборудование.

Гайя пыталась представить себе, что делается там, за стенами подвала. Ей нестерпимо захотелось выйти на свежий воздух, узнать, что происходит, увидеть как можно больше людей.

Вдруг все вскочили на ноги…

Крепкие бетонные стены подвала дрогнули и закачались. С потолка посыпалась штукатурка. Казалось, заколыхалась земля…

Снаружи послышались один за другим несколько страшной силы взрывов. Взрывы слились в сплошной гул.

— Они бросают бомбы с газами! — истерически

закричал профессор… и замолчал — свет моргнул раз-другой и погас.

Стало темно и черно. Гайя схватила Владарада за руку и застыла. Ей казалось, что потолок вот-вот рухнет им на голову.

Но взрывы вскоре смолкли. В погребе стало до странности тихо. Совсем тихо…

Профессор отполз в угол. Оттуда послышался его старческий, жалкий плач:

— Воздухофильтр не работает! Поврежден взрывами! Мы похоронены заживо! Мы сейчас задохнемся!

Гайя оперлась спиной о стену и замерла без движения. Ужасную весть все встретили молчанием.

В подвале воцарилась жуткая тишина. Только в дальнем углу у поврежденного воздухофильтра скулил профессор…

Владарад машинально достал сигарету и закурил.

В тот же миг к нему с бешеным шипением подскочил казавшийся полумертвым учрежденец и, злобно ругаясь, вырвал изо рта сигарету и быстро растоптал ее ногами.

— Идиот! — шипел он. — Вы хотите нас угробить! В укрытии тридцать человек. Воздуха

хватит на несколько часов. А там... — он, судя по всему, махнул рукой в пространство, — там газы, может, и неделю не рассеются.

Владарад вскочил:

— Как вы смеете?

Но его схватили за полу цепкие руки профессора:

— Граждане, ради Бога, умоляю, что вы делаете?.. Сидите тихо! Не двигайтесь. Вы потеете. А пот впитывает из воздуха кислород. Вы губите себя и нас. Вы приближаете нашу смерть.

Гайя нервно засмеялась:

— Господин профессор, вы скоро запретите нам дышать во все легкие? — И она, словно боясь, что ей этого не позволят, поспешно вздохнула полной грудью.

— А что вы думаете? И дышать нужно экономно.

Гайя откинула голову на холодную стенку.

— Эх! Чем так экономить, лучше умереть!

— Не все так думают. Умирайте, если хотите, — язвительно пробормотал профессор. — Нам больше воздуха останется.

— Но, когда я умру, мой труп начнет разлагаться и воздуха станет еще меньше, — не выдержала Гайя.

Профессор не ответил. По подвалу снова разлилась жуткая тишина.

Гайя не могла выдержать этой тишины. Грудь распирало. Хотелось говорить, смеяться, бегать — все, что угодно, было лучше этого мертвого молчания. Силясь сдержаться, она тихо притронулась к плечу Владарада.

— Владарад… — шепот ее прозвучал хрипло и тоскливо. — Владарад! Разве это борьба? Разве это тупое, идиотское сидение в погребе — борьба? — И она заломила руки, сухо захрустев пальцами. — Помнишь?.. Как боролись наши отцы и братья, первые коммунары… Помнишь?

Ее шепот нарастал и крепчал:

— Митинги… толпы людей… пламенные речи… потом — баррикады, пулеметы или подполье… один на один… Сила против силы… Кто сильнее?.. Вот это борьба!.. А теперь?..

И шепот вновь стал сдавленным, хриплым:

— А теперь? Разве это — борьба? Это медленное умирание в подвале, когда нельзя даже вздохнуть полной грудью, чтобы не ускорить свою смерть? Разве в такой борьбе побеждает тот, кто сильнее, кто прав? Нет — тот, кто хитрее, богаче!.. Кто изготовил больше газов… Мы сильнее во сто крат, но мы бессильны против них… Эх, Владарад!..

— Разве в этом наша сила, Гайя? Наша сила в… — начал Владарад.

Но Гайя с болезненным смехом перебила его:

— В диалектике, ты хочешь сказать, наша сила? Ха-ха… Разве я этого не знаю? Разве я не знаю, что даже если бы в этой войне нас победили, и во всем мире снова воцарился капитал, а в живых не осталось ни одного коммунара — все равно через некоторое время пролетариат снова начал бы борьбу? Что когда-нибудь наступит коммунизм? Я знаю это, Владарад!.. Но обидно, что из-за какой-то глупости, из-за того, что у этой шайки в руках техника, наше дело должно погибнуть…

— Все это так, — печально улыбнулся Владарад. — И все это не так. Наша эпоха…

— Не говори, не говори, — Гайя приобняла его, закрыла ему рот рукой, прижалась, — не надо, не говори!.. Я все это знаю… И все так и должно быть. Иначе быть не может… Но послушай… Допустим, все вышло, как они хотят… Предположим, они победили, а коммунары все погибли, — нас передушили этими идиотскими газами… Представь себе, что будет дальше… Ты представляешь?

Она возмущенно выпрямилась:

— Владарад, ты можешь себе представить?.. У ВУЦИК стоит городовой! Там, где трудящиеся

сами распоряжались своей жизнью, стоит городовой, краснолицый, в белых перчатках!.. Неужели хоть на минуту возможно возвращение старого? Даже у реакционнейших элементов новый строй вошел уже в быт, и вдруг — городовой! Возможно ли это?.. Тогда ведь снова восстание?..

Владарад нервно пошевелился.

— Гайя, родная, успокойся. Ты несешь чушь.

Их разговор прервала ссора в углу, где нашел себе место профессор. Старый химик сипел и хрипел, слышалась брань и плач ребенка. Поднялась суета.

Гайя придвинулась ближе. Немолодая работница держала на руках заголенного малыша. Профессор, очевидно, пытался отобрать у нее ребенка. Брызгая слюной и сопя, он что-то втолковывал матери и испуганному младенцу.

— В чем дело? — спросил Владарад.

Все неловко пожали плечами.

— Да вот, — пояснил хмурый рабочий, — ребенку на двор захотелось, мать и посадила его в уголок… А профессор не дает пареньку опорожниться. Говорит — воздух портит.

Гайя возмущенно набросилась на профессора.

Но когда, закончив спор, она вздохнула, ей пришлось отметить, что воздух действительно стал

спертым и дышать было тяжело.

Внезапно напряженную тишину подвала нарушил тоненький звон колокольчика.

— Телефон! Звонит телефон!

Никто и не догадывался, что в подвале был телефон.

Все сразу заговорили. Стало как-то легче.

Еще не до конца прервалась связь с другими людьми!

Еще есть где-то на свете живые люди!

Само сознание этого прибавило мужества узникам подвала.

Телефонной трубкой завладел профессор. Он с наслаждением вслушивался в чьи-то слова и весь дрожал, отвечая…

Все обступили его:

— Что? Кто говорит? Может, газов уже нет?

Но профессор разочарованно сообщил:

— Звонят из ЦК Компартии. Жалуются, что уже два часа обзванивают все номера, кого-то разыскивают и никак не могут найти. Очевидно, ищут какую-то важную шишку… А газовая атака еще не завершилась… Они к нам тоже из укрытия звонят, только у них фильтры в порядке… Пришлите к нам механика, — закричал он в телефон, — ради Бога, пусть наладит фильтр!

Гайя поспешила к аппарату. Сейчас она сможет поговорить с ЦК.

Искали именно ее. Через несколько минут она уже была уже в курсе дел. Из ЦК ей передали шифрованную радиограмму. Это был личный шифр, придуманный Владимиром и известный только им двоим.

Гайя зажгла свечной огарок. Она слово за словом записывала текст шифровки и слово за словом передавала назад расшифрованный текст:

— *«Окружком Гайе тчк Передай немедленно в Цека тчк Формулы всех газов у меня Живой тчк Лечу аэропланом ждите первого мая тчк Владимир».*

Первого мая. Это завтра! Завтра он будет здесь. С формулами!

Неописуемая радость всколыхнулась в сердце Гайи. Она поделилась ею с товарищами:

— Войне скоро конец! Газы скоро будут не страшны!

Все зашевелились и засуетились.

Даже профессор позволил себе роскошь — вздохнул полной грудью.

Телефонный звонок развеял тоску. Все почувствовали себя живыми и повеселели.

— Скорее бы только, — шептали они. — Дождаться бы, не задохнуться бы… уже становится трудно дышать.

Профессор окончательно завладел телефоном и беспрерывно звонил во все концы, спрашивая, когда рассеются и перестанут действовать газы.

Гайя совсем повеселела. Пришла легкость и бодрость. При мысли о Владимире на щеках выступил румянец.

— Хорошо, Владарадик, мне уже очень хорошо. Я спокойна. Вот только немного колет в легких и трудно дышать.

И, переходя на спокойный тон, она заговорила почти шутливо:

— Когда-то я читала роман о грядущей войне. Там она была изображена так грандиозно… Но в действительности все гораздо проще. И совсем нет той романтики. Романтика есть до и после, а во время войны все слишком просто… Ах, как же трудно дышать, — договорила она с мучительным вздохом.

Но Владарад не обратил внимание на слова Гайи. Он оглядывался вокруг и с ужасом наблюдал за остальными.

Люди морщились, стонали, широко раскрывали рты и старались набрать побольше воздуха. Но

испорченный воздух лишь болезненно распирал грудь, не обеспечивая людей нужным количеством кислорода.

Владарад чувствовал, как у него быстро-быстро билось сердце. К горлу что-то подступало и душило. Он хватал ртом воздух. Перед глазами плыли зеленые круги. В мозгу стучало и звенело. Невыносимо заболела голова.

Он понял, что задыхается. «Это — смерть», — блеснуло в его сознании…

И слабый, словно далекий голос Гайи подтвердил:

— Мне дурно, я… не… могу… ды… шать… аа-а…

Она со стоном вдыхала и сейчас же выдыхала отравленный, негодный для дыхания воздух.

Владарад бросился к телефону. Ему стоило больших усилий вырвать трубку из скрюченных пальцев профессора. Тот выкатил глаза и, как рыба на берегу, широко разевал рот, пытаясь дышать…

Владарад звонил всем, кому мог. Он умолял, плакал, ругал, проклинал. Из некоторых укрытий ему отвечали сочувственно и говорили, что помочь не могут, из других долетал только предсмертный хрип, — там тоже не хватало воздуха.

Слепой от удушья, с головой, казалось, готовой

лопнуть от притока крови, с налитыми кровью глазами и окровавленными сухими губами он, как безумный, метался от телефона к Гайе, от Гайи к телефону… и с ужасом видел, как другие товарищи в муках катались по полу, грызли землю и корчились в приступах рвоты…

Несчастная женщина, еле живая, хрипло дула пустым дыханием в посиневшее личико уже мертвого ребенка…

Прошло какое-то время…

Едва двигаясь, мучительно стеная и извиваясь, он дополз до Гайи и взял ее за руку. Она была еще жива. Но искривленные губы уже посинели и покрылись розовой пеной. Из уголка рта быстро стекала тонкая струйка черной крови… Она узнала Владарада и благодарно сжала его руку, — она была еще в сознании.

— …Рад… неужели… конец… смерть… всем… всем… а коммунизм?.. Владарад… а коммунизм?!

Владарад, разрывая одежду и царапая ногтями тело, катался по земле и бился головой о стены.

В погребе раздавался сумасшедший хохот, стоны…

Раздался выстрел, второй…

Это военный застрелил профессора и еще кого-то, а сам, шатаясь, пошел к двери…

XX
С «ПАКЕТОМ СПАСЕНИЯ»

Океан… Англия, Франция и Германия промелькнули далеко внизу пестрыми клочками страждущей земли…

Владимир и механик, товарищ Ридинг, с облегчением вздохнули, когда увидели под собой за кряжами гор обширную зеленую низину — польскую территорию. До СССР было уже недалеко.

Двое суток непрерывного полета окончательно истощили их силы. Голодные, больные, замерзшие, изнервничавшиеся, они лишь большим напряжением воли заставляли себя продолжать полет, не останавливаясь на отдых и не сбавляя скорости.

Военный застрелил профессора.

Ридинг, до крови закусив губы, смотрел все время прямо перед собой на регуляторы, стараясь, чтобы стрелка не падала ниже 12.000 метров высоты и держа скорость в 500 километров в час. Изредка он опасливо поглядывал на баки с бензином. Количество бензина ежеминутно уменьшалось, и теперь он плескался только на дне.

Еще час-два, — и баки опустеют.

Чем ближе они подлетали к границе, тем больше самолетов попадалось по пути. Враги стаями летели над польской территорией, направляясь в одну сторону — в СССР.

Аэропланы держались низко над землей, и товарищи могли следить за ними сверху.

Владимир внимательно разглядывал с высоты польские земли. Свист ветра и гудение пропеллера не позволяли разговаривать. Три дня путники молчали, только иногда обмениваясь возгласами. Но сейчас Владимир не вытерпел и, забыв, что половина его слов потеряется в свисте ветра, начал делиться с Ридингом своими наблюдениями:

— Все империалистические вооруженные силы собрались на территории Польши! — крикнул он ему в ухо. — Кишат, как в муравейнике. Вз-

гляните на эти облака аэропланов, посмотрите на дороги, — по ним бесконечно тянутся войска и обозы. Помимо всех прочих преимуществ, у империалистической армии имеется еще один огромный плюс. Для того, чтобы добраться до ее тыла, воздушный флот сов-республик должен пересечь всю Европу. Это не позволяет нам оперировать в тылу империалистов. Зато враги, взлетев с территории Польши, могут углубиться в наши тылы на тысячу верст и, не возвращаясь, целые сутки делать свое дело. Мы же можем атаковать только польские окраины. В лучшем случае мы уничтожим Польшу. Но они…

Ридинг перебил Владимира. Он повернулся к нему, и Владимир увидел, что глаза механика радостно заблестели.

— Эсэсерия! — крикнул он Владимиру, указывая рукой на что-то впереди.

Владимир посмотрел в этом же направлении, но ничего не смог разглядеть за далекими облаками.

Ридинг постучал пальцем по баку с бензином. Пустой бак гулко зазвенел.

— Бензин весь вышел! — крикнул он и сильным движением выключил мотор.

Самолет еще некоторое время по инерции нес-

ся вперед, потом начал планировать. Впервые за три дня стало тихо. Появилась возможность говорить.

— Эсэсерия недалеко, — пояснил Ридинг. — Думаю, мы, планируя, достигнем границы. Вон, смотрите.

Теперь и Владимир видел границу.

В предрассветной мгле чуть сверкала тоненькая паутинная нить реки. По ту сторону ее уже начинались советские земли.

— Украина! — воскликнул Владимир, и сердце его быстро забилось. — Неужели конец пути?

Он схватился за карман, где под двойной подкладкой был спрятан «пакет спасения» — пакет с формулами газов.

— Да, Украина, — подтвердил Ридинг. — Через полчаса мы будем там. Я нарочно выключил мотор. В баках осталось не более пары литров бензина. Этого хватит, чтобы у самой границы взлететь на 5.000 и укрыться от польских зенитных орудий. А оттуда камнем упасть на грудь советской державы… Не бойтесь, — добавил он, заметив, что выражение «камнем упасть» неприятно поразило Владимира. — Мы спланируем и сядем мягко, как на нью-йоркском аэродроме.

Тем временем паутинка выросла в реку.

Ридинг снова включил мотор.

Аппарат вздрогнул и вдруг, став вертикально, взлетел вверх, нырнув в облачную мглу. Это было как раз вовремя. На польском берегу сразу в нескольких местах полыхнули огнем дымки, и вскоре под аэропланом с треском разорвались несколько гранат.

— Нас заметили! — крикнул Владимир. — Берите вниз! Было бы глупостью погибнуть на самой границе. Но почему они в нас стреляют? Откуда они знают, что мы — враги?!

Ведь у нас на крыльях кресты?

— Будьте уверены, пограничникам известен маршрут каждого самолета! — ответил Ридинг. — А нашего маршрута они не знают.

Взрывы шрапнели продолжались еще некоторое время, но клубы разрывов оставались далеко позади.

Ринувшись вперед, аэроплан благополучно покинул вражескую зону.

Вдруг мотор смолк. На сей раз Ридинг его не выключал. Мотор остановился сам, выпив последнюю каплю бензина.

— Планируем! — бросил Ридинг. — Выбросьте красный флаг, не то нас подстрелят свои же.

Владимир поспешно выполнил приказ Ридин-

га. Позади самолета зареял длинный красный флаг. Описывая круг, машина начала снижаться.

Владимир не выдержал. Он схватил цейсовский бинокль и посмотрел вниз.

— Мы, очевидно, у фронтовой линии. Но сколько войск! Я вижу остроконечные буденовки. Наши! — радостно воскликнул он.

Но минуту спустя Владимир стал недоуменно рассматривать толпы солдат.

— Что они делают? — пожал он плечами. — Отряды будто топчутся на месте. То маршируют, то танцуют… Странно, непонятно…

И он свесился за борт, рассматривая удивительные воинские части. Аэроплан плавно скользил по воздуху, приближаясь к земле.

— Что за черт? Ничего не понимаю! Неужели они что-то поют? — он нашел радионаушник и поспешно приложил его к уху.

Неожиданно по его лицу расплылась веселая улыбка.

— Да у них там весело! Они смеются! — захохотал он.

Ридинг тоже надел металлические наушники. С земли отчетливо доносился смех. Веселый, искренний смех тысяч голосов. Он ширился, рос, крепчал.

Владимир взглянул в бинокль. Смеялся весь фронт. Тысячи людей топтались на месте, корчились, изгибались, махали руками, катались по земле. В радиоусилителе громыхал их хохот.

Владимир и Ридинг недоуменно и удивленно посмотрели друг на друга. Затем их губы сами собой растянулись. Они весело заулыбались, дивясь непонятной радости войска. Веселые улыбки сменил тряский смех. Он вырывался из пересохшего горла, пробегал по издерганным нервам — и все усиливался, переходя в неостановимый, сумасшедший хохот…

Руль выскользнул из рук Ридинга. Он откинулся на спинку кресла и, сжимая руками горло, пытался подавить бешеную потребность смеяться…

Но смех не утихал…

«Веселящий газ! И мы, и солдаты отравлены веселящим газом», — ужасаясь, понял Владимир.

Нечеловеческим усилием воли он сорвал с головы наушник. Взрывы хохота на земле стали не слышны. Это немного привело его в чувство. Он прекратил смеяться. Внезапную тишину нарушало только хрипение Ридинга, который в корчах хохотал в своем кресле.

Преодолевая страшное желание самому взо-

рваться смехом, Владимир потянулся к Ридингу, чтобы снять с него наушники. Но самолет вдруг накренился. Без руля, предоставленный самому себе, он перестал планировать по спирали и, распластав крылья, почти отвесно понесся к земле…

Похолодев, Владимир схватился за руль…

Но было уже поздно…

Крутясь вокруг своей оси, аэроплан дернулся в воздухе, снова закрутился, еще раз дернулся и камнем упал вниз, в самую гущу людей, круша кости и разрывая живое мясо…

«Формулы! — последней отчаянной мыслью мелькнуло в сознании Владимира, и он судорожно сжал пакет. — Формулы!..»

Треск сломанных крыльев… Это было все, что он успел услышать…

На том месте, где упал самолет, осталась куча искореженных металлических штанг…

Вокруг сомкнулась толпа людей.

Они в судорогах катались по земле, хрипели, харкали кровью и рыдали в предсмертных муках… Те, что еще могли держаться на ногах, топтались вокруг обломков аэроплана и, пританцовывая, смеялись, хватаясь за животы…

Широкие поля оглашал неумолчный отчаянный хохот…

А вверху, в облаках, роились стаи железных блестящих насекомых и тщательно поливали землю ядом смеха.

XXI
РАСЫ, НАЦИИ И КЛАССЫ

Боб немного опоздал в Индию.

Когда неказистый, но быстрый самолет доставил его вместе с другими коммунарами на индийскую территорию и они начали искать явки, конспиративные места встречи и людей, указанных в их списках — они ничего и никого не нашли. Везде было пусто… Не было ни боевых, ни подпольных организаций. Подполье перестало существовать…

Товарищам осталось только констатировать этот исторический факт и направить соответствующие донесения в ЦК и Коминтерн…

***

Чернокожий Том, перечитав радиограмму Боба в конспиративном штабе Всеамериканского Ревкома, начал было делать на ней какие-то математические выкладки, когда в комнату вбежал взволнованный товарищ Уптон.

— Империалистическая армия начала интервенцию! — воскликнул он, размахивая листком

радиограммы, и осекся, потеряв от волнения способность говорить. Некоторое время он только бешено вращал глазами и раскрывал и закрывал рот, тщетно пытаясь продолжать.

— А? — спокойно спросил Том, на минуту отрываясь от своих выкладок.

— Аэропланы интервентов начали газовую атаку на столицы СССР, — овладев собой, наконец закончил Уптон. — Вот отчет! Фронтовые части отравлены быстродействующим веселящим газом. Столицы забросали фугасными бомбами и устойчивыми газами.

Том оскалил блестящие зубы:

— Вы забыли, Уптон, что мы *ждали* начала войны. К тому же, вы немного запоздали с вашими новостями. Послушайте лучше вот это…

И, взяв радиограмму Боба, он прочитал:

«На подпольную работу опоздали. Участвуем в вооруженном восстании. Советская Индия приветствует вас. Боб».

— Да… Я немного опоздал, — с крайним удивлением сказал Уптон…

В это время курьер принес еще одну радиограмму.

Том прочитал ее, и его черная кожа на мгновение посерела. Он молча передал радиограмму

Уптону. Радиограмма сообщала о гибели Владимира.

— Очень обидно, что мы не сумели вовремя передать в СССР формулы, добытые к тому же такой дорогой ценой — ценой жизни героя. Посылать дубликаты, когда война началась, уже нет смысла. Но, по правде говоря, я никогда серьезно не верил в это дело. Героический поступок Владимира, конечно, не был лишним. Однако это не более чем авантюра. Не в этом наша сила…

Объяснить, в чем сила коммунаров, Том не успел. Курьер подал ему еще одну радиограмму. Это был отчет из Китая. В нем сообщалось, что на всей территории Китая бушуют восстания, начавшиеся отчасти стихийно, отчасти же организованно.

— Вот в чем наша сила, — договорил Том. — В единстве пролетариев и неизбежности всемирной революции.

Затем он направился к узлу радиосвязи и лично передал Бобу инструкции…

Для начала Боб и его друзья попали на уличную демонстрацию.

Собственно, это была не демонстрация. Это был неорганизованный, стихийный массовый протест. Все туземцы — богатые и бедные, старые

и малые, взрослые и дети, — разноцветными толпами высыпали на улицы и слились в огромную, грозную массу.

Злоба и вечная ненависть к поработителям соединила их в одну стихию. Угроза катастрофы — объявленная война — повлияла на чувства и поступки. Рев мужчин, плач женщин и визг детей звучали единым воплем.

— Мы не хотим воевать!

— Мы не отдадим детей! — голосили и рвали на себе волосы женщины.

— Мы не в силах нести бремя войны! Мы и без того нуждаемся и захлебываемся в собственном поту! — кричали массы.

— Мы хорошо знаем колониальную политику капиталистов, — добавляли сознательные.

— Детей погонят на убой, пищу отнимут, изнурят непосильной работой, обложат двойными налогами, — добавляли агитаторы.

— Мы не хотим воевать! — кричали все…

Европейские войска не вмешивались.

Учитывая обстановку, они боялись взрыва внезапного восстания. Они отошли за город и укрылись за стеной пушек, предоставив народному гневу свободу вариться в собственном соку.

Но уже — сначала неуверенно и робко, а после

все громче и увереннее, — в толпе зазвучали призывы:

— К оружию! Смерть европейцам!

— Индия, восставай! Время пришло!

Крепкие индусы поднимали руки вверх, словно призывая на помощь молчаливое небо. Кое-где забряцало оружие.

— В атаку на английские войска!

— Не пойдем на войну!..

Бобу и другим коммунарам было не по себе посреди массовой возмущенной стихии. Прежде всего, они столкнулись с невозможностью связаться с туземными коммунарами. Европейская внешность отличала их от толпы. Им не доверяли. Уже не одни глаза посмотрели на них с ненавистью, не одна глотка бросила им проклятие, и не одна рука потянулась к ножу, чтобы начать с них резню европейцев. Что-либо доказать в таких условиях было невозможно. Участвовать и даже оставаться среди демонстрантов было опасно.

— Так или иначе, мы должны воспользоваться моментом, — сказал Боб. — Это начало революции. Надо только организовать это стихийное возмущение.

— Но нам все же не стоит сейчас показываться в толпе. Наши партбилеты у нас на лбу не нари-

сованы, — отметили товарищи.

— Да, — согласился Боб. — Сделаем вот что. Разделимся на две группы. Одни пойдут в лагерь империалистических войск. Воспользуемся западным происхождением, выдадим себя за беженцев, останемся там и начнем разлагать войска. Нужно вызвать бунт среди солдат, — тем более, что причин для этого множество. Далее — восстание против комсостава. Другие останутся здесь, любой ценой свяжутся с местными коммунарами и станут во главе туземных повстанцев. Так нам удастся объединить их с повстанцами-солдатами.

План был одновременно и простой, и нелегкий для выполнения. Но обсуждать его не было времени. Коммунары пожали друг другу руки и, поклявшись встретиться только в Советской Индии, разошлись в разные стороны.

Одни — в военный лагерь интервентов.

Другие — на поиски туземцев-коммунаров.

Боб присоединился ко второй группе.

***

В шестом часу вечера горячее тропическое солнце на бледном небосклоне начало клониться к закату. Через час город должен был нырнуть в

темноту ночного тумана.

— Если мы до утра не свяжемся с туземцами, завтра может оказаться поздно, — высказал свои опасения Боб.

Товарищи молча согласились с ним. Все продолжали ломать головы, выискивая способ найти местных коммунаров.

— Я считаю, — продолжал Боб, — что нам будет лучше вернуться в одну из известных нам конспиративных квартир. Наступает ночь, и хижины вряд ли будут оставаться пустыми. Демонстранты наверняка вернутся ночевать домой. А с ними вернутся и коммунары.

Предложение Боба, хоть и строилось на догадке, казалось единственным выходом. Товарищам оставалось только согласиться с ним.

Огибая оживленные места, коммунары направились по боковым улицам на окраину, к лачугам, где уже побывали сразу по приезде.

Шум демонстрации здесь едва слышался. Но, чем ближе они подходили, тем громче звучали возгласы и песни. Наконец стало очевидно, что демонстранты шли на окраину.

— Нам надо бежать, — посоветовал Гарри. — Если мы столкнемся с демонстрантами, они, бьюсь об заклад, примут нас не по классовому принци-

пу, а по расовому.

Но товарищи опоздали.

На широкую площаль уже сворачивали из-за угла первые ряды протестующих. Перед толпой демонстрантов гарцевали несколько всадников.

Горстка людей на пустой площади сразу приковала к себе внимание демонстрантов. Не успели товарищи спрятаться за ближайшие лачуги, как всадники с громкими криками поскакали к ним.

— Нас трое, защищаться бессмысленно, — второпях бросил Боб. — Будем надеяться, что они не станут убивать нас сразу и позволят поговорить с их предворителями, а среди тех могут оказаться коммунары.

В тот же миг подскакавшие всадники окружили товарищей плотным кольцом. По лицам их было видно, что опасения Гарри имели под собой веские основания.

С проклятиями прижав товарищей к забору, индусы размахивали нагайками и были готовы начать их избивать. Боб не знал хинди и по отрывистым, угрожающим ругательствам индусов понял одно: их приняли за солдат армии интервентов, собак-европейцев, и собирались здесь же покончить с ними, устроив самосуд.

Хинди знал только третий из коммунаров,

Джим. Силясь перекричать десяток озверевших индусов, он начал уговаривать нападавших. Индусская речь сразу остановила туземцев. Но вскоре они обозлились еще больше. Теперь они были совершенно уверены, что перед ними европейские солдаты, которые за время пребывания в Индии выучили местный язык. В ответ на оправдания Джима двое индусов сильно огрели его нагайками. Бедный Джим упал, вскрикнув от страшной боли. Его крики только раззадорили всадников: с дикими воплями они набросились на товарищей и принялись лупить их вдоль и поперек. Напрасно Боб пытался выбраться за круг лошадиных ног и броситься к толпе демонстрантов, у которых надеялся найти защиту. Копыта топтали его, а на голову и плечи раз за разом падали удары сыромятных нагаек. Он видел, как демонстранты прошли мимо и скрылись, свернув за угол.

Заливаясь кровью, уже не крича, а только хрипя, едва держась на ногах и то и дело падая, несчастные товарищи молили разъяренных индусов пощадить их. Но те не знали жалости, и видно было, что они собрались забить пленников до смерти.

— Мы коммунары! — хрипели умирающие

товарищи. — Мы враги интервентов. Мы ваши друзья!

Но все было тщетно. Нагайки все чаще обрушивались на их плечи.

Тогда, теряя последние силы, Боб вытащил из потайного кармана красный партбилет.

— Ленин! Ленин! — еле прохрипел он, размахивая партбилетом. — Ленин! — И, теряя сознание, упал на тело уже лежавшего без чувств Гарри...

В тот же миг удары прекратились, смолкли и дикие возгласы. Краем глаза Боб успел заметить, как всадники быстро соскочили с коней и кинулись к ним, лопоча:

— Ленин... Ленин...

Боб очнулся от страшного холода. Он был весь мокрый. Высокий строгий индус размеренно лил ему на голову воду, а второй старательно обмывал окровавленную, разоздранную кожу.

Боб пошевелился. Все тело болело и горело. Он застонал сквозь зубы.

Старший индус перестал лить воду и наклонился к нему. Он осторожно взял Боба за плечи и помог ему сесть.

Затем наклонился еще ближе и заглянул Бобу глубоко в глаза.

— Ленин? — с болью спросил он, и голос его

дрогнул. — Ленин?..

— Ленин, — чуть слышно ответил Боб.

На тусклых глазах индуса блеснули слезы и потекли по старческим, сморщенным щекам. Руки его, державшие Боба за плечи, задрожали, и седая голова бессильно закачалась. Старый индус плакал.

— Ленин, — произнес он еще раз, скрестив на груди руки и опустив голову. Затем он обратился к Бобу на ломаном английском языке:

— О, почему вы не сказали сразу, что вы ленинцы? Да простит нам небо наш злой поступок!

Боб слабо улыбнулся. Он нашел руку индуса и сжал ее крепко, как мог:

— Ты ленинец, дедушка?

Затем поднес загрубелую руку деда к губам — и поцеловал. К горлу его что-то подступило…

Могучий великан Боб почувствовал, что сейчас заплачет…

Остальные индусы с виноватым видом ходили вокруг Гарри и Джима и старались чем могли угодить им. Они промывали и перевязывали их раны с умением и нежностью опытных сестер милосердия…

Через час товарищи пришли в себя и смогли расспросить индусов о последних событиях.

Оказалось, что демонстранты, вооружившись, двинулись к лагерю интервентов и расположились напротив. С восходом повстанцы собирались атаковать солдат и — либо раздавить их грудью, либо умереть за свободу страны.

— Наши предводители объявили Индию советской страной, — закончил крепкий молодой индус. — Мы сами будем властью! Как в стране Ленина!

Боб заволновался. Он настаивал, чтобы коммунаров немедленно отправили в ряды повстанцев для встречи с руководителями восстания.

— У нас к ним поручение из страны Ленина.

Но индусы отказались везти товарищей в повстанческий лагерь.

— Вы еще слишком слабы и не выдержите тряски на лошадях. Вы можете умереть, и тогда трудящиеся Индии не простят нам нашего злодеяния.

Наконец сошлись на том, что двое индусов поедут к повстанцам и привезут кого-то из руководителей. На всякий случай Боб написал на листке несколько слов и передал их с паролем.

Всадники ускакали. Коммунары остались с тремя другими индусами.

Крепкий молодой парень, очевидно, более раз-

витый и сознательный, чем остальные, завязал беседу с коммунарами. Он рассказывал о местной жизни, притеснениях интервентов, борьбе с ними и частых бунтах, жаловался на жестокую колониальную политику местных властей.

— Я тоже коммунист. Я тоже ленинец! — запальчиво восклицал он. — Я возьму оружие и буду резать всех англичан, всех европейцев, у которых нет писем от Ленина.

«Письмами от Ленина» он называл партбилеты.

— У меня нет письма от Ленина, — сетовал он. — Но когда мы разобьем европейцев, мы пойдем в страну Ленина и получим там эти письма. У многих из наших уже есть такие. Но первым делом надо вырезать всех англичан, всех европейцев.

Боб вмешался в разговор:

— Вы не совсем ясно осознаете положение вещей, товарищ, — сказал он. — Почему вы так огульно осуждаете всех европейцев? В вас много расовой и национальной ненависти, а классовой линии нет. И потом, как доказала нам сегодняшняя демонстрация, свидетелями которой мы были, вы недостаточно ясно понимаете организацию восстания и роль в нем Компартии…

— О? — удивленно поднял брови индус.

— Я говорю о роли Компартии в стихийном восстании неорганизованных масс. Компартия должна играть организационную роль, а сегодня…

Индус смущенно покашлял и с недоумением посмотрел на товарищей.

Гарри весело рассмеялся:

— Боб, ты дурак! Разве можно говорить такими газетными фразами?

Боб устыдился и начал выражать свои мысли языком, понятным для политически неграмотного туземца:

— Индусам надо своих пузанов потрясти. А потом вместе с английскими солдатами и рабочими биться с богатеями всего мира. Только тогда Индия освободится от их ига и присоединится к другим рабочим странам.

Разговоры затянулись до утра. Товарищи уже начали беспокоиться. Наконец, когда на горизонте сверкнула красная полоса — предвестница тропического дня — под окнами лачуги послышался топот лошадиных копыт.

Лачуга сразу наполнилась людьми. Приехали человек двадцать. Здесь были и английские, и русские подпольные работники, были туземцы-

коммунары, были и беспартийные — индусские народные агитаторы и вожаки.

После короткого обмена дружескими приветствиями повстанцы приступили к совещанию. Надо было обдумать план борьбы. Из окрестных городов и поселков поступали известия о том, что восстание началось везде, что вся Индия поднялась, как один человек. Но у повстанцев было мало оружия, а враг, хоть и немногочисленный, был хорошо вооружен, главное же — располагал ядовитыми газами, о которых индусы были много наслышаны и которых боялись. Никаких средств защиты от газов не было. Если англичане применят газы, восстание будет подавлено, погибнет и весь народ.

Тотчас же разгорелись споры. Старые индусские главари не желали ничего слышать, — они хотели одного: уничтожить всех неиндусов, всех иностранцев. Они хотели освобождения и священной национальной войны. Молодые индусские коммунары совместно с коммунарами-европейцами напрасно пытались их переубедить и доказать необходимость не национальной, а классовой войны. Эти доводы только разожгли их, и они даже стали с ненавистью поглядывать на коммунаров-европейцев.

— Индия для нас, для индусов! — кричали они. — Ни один иностранец не должен уйти живым!

— Подождите немного, — убеждал их Боб. — Вы увидите, что английские солдаты сами восстанут против своих командиров и придут нам на помощь.

— Нам не нужна братоубийственная война, — поддерживали его туземцы-коммунары.

Но деды были непреклонны.

— Пока мы будем ждать, они удушат нас газами, — доказывали они.

Товарищи уже начали опасаться за исход дела.

А коммунары, ушедшие в английский лагерь, не подавали о себе никаких вестей.

XXII
ДЖОЙС, ЮБЕРАЛЛЕС И ТОМ РАЗГОВАРИВАЮТ

Джойс позвонил и вызвал к телефону Тома.

— Алло, Том! Пусть вас не удивляет, что я узнал номер вашего конспиративного штаба…

— Джойс? — живо спросил Том, порываясь еще что-то сказать, но Джойс прервал его, подчеркнуто заметив:

— Я звоню из кабинета мистера Юбераллеса, и поэтому вы можете говорить со мной *вполне искренне*.

— Приветствуйте от меня дедушку и скажите ему, что я обязательно буду на его похоронах, — пошутил Том.

Мистер Юбераллес, слушавший разговор через дополнительную трубку, подскочил в кресле и злобно скривился.

— Хам! Наглец! — выругался он. — Неуместный юмор!

Джойс захохотал и весело ответил Тому:

— Мистер Юбераллес благодарит вас за учтивость… Но оставим шутки, — у меня к вам важное

дело.

— Я слушаю, — так же серьезно ответил Том.

— Дело не терпит отлагательств, — сказал Джойс. — Я обращаюсь к вам потому, что оно в равной степени затрагивает всех граждан Америки…

— Ну! — нетерпеливо перебил его Том.

Тогда Джойс многозначительно, подчеркивая каждое слово, передал Тому известия, только что полученные от секретных агентов:

— Мы имеем сведения, что на заводе, выпускающем противогазовые маски, силами Компартии готовятся мятеж и забастовка. Вы понимаете, что это означает в то время, когда война с СССР уже началась? Если противогазовый завод станет, то в случае налета эсэсеровских аэропланов с ядовитыми газами мы все, независимо от принадлежности к той или иной партии, погибнем! Вы понимаете, что в работе завода одинаково заинтересованы все граждане Америки?.. Мне кажется…

— Я понял вас, Джойс, — многозначительно остановил его Том. — Я вас прекрасно *понимаю*, и знаю, *чего* вы от меня хотите. Будьте уверены, что я поступлю так, как мне подскажет революционная совесть…

— Но… — начал Джойс.

— Простите, — извинился Том. — Я должен срочно кое о чем распорядиться.

И, отвернувшись от телефона, Том с беспокойством бросил Уптону:

— Судя по словам Джойса, эти суки через своих шпиков уже узнали о наших действиях на противогазовом. Надо поскорее принять меры.

Затем он коротко приказал секретарю:

— Сейчас же передайте комитету противогазового завода распоряжение объявить забастовку…

Мистер Юбераллес, услышавший последние слова в свою отводную трубку, побледнел, как мертвец.

— Вы слышите? — пробормотал он, судорожно цепляясь за руки Джойса. — Он приказывает бастовать!

— Да, — небрежно ответил Джойс, — я слышал это.

Озабоченный вид Джойса вконец перепугал Юбераллеса. Он умоляюще сложил руки и едва не заплакал:

— О, мистер Джойс, вы так удачно ликвидировали мятеж в Эйджевуде. Вся надежда на вас. Вы должны сейчас же поехать на противогазовый завод и исправить положение. Вся Америка, весь

мир ждут от вас этого.

— Однако и в Эйджевуде положение остается серьезным. Вы не сумели довести мою работу до конца, — криво усмехнулся Джойс.

— Да, — вздохнул мистер Юбераллес, — но что же мне было делать? Русские князья и графы не оправдали наших надежд. Как только началась война, они все оставили Эйджевуд и потянулись на фронт. Понятно, что они не хотели сидеть, как кроты, в эйджевудских подземельях, а стремились идти в первых рядах освободителей родного края. Это так красиво. И, честно говоря, хорошо для нас — они ведь лучшие бойцы. Для вас не секрет, что ни одного из наших пилотов мы не можем отправить в налет на СССР. Стоит им только сесть в машину, как они уже не возвращаются и остаются у красных… Короче говоря, сейчас чуть ли не все эмигранты на фронте, и в Эйджевуде их приходится замещать обычными рабочими. Ох-хо-хо-хо! — тяжело вздохнул Юбераллес, заканчивая свой монолог.

В кабинет без доклада вошел курьер:

— Радиосводки за сегодняшнее утро, — отрапортовал он.

Мистер Юбераллес позабыл о своих заботах и, как мальчишка, подскочил к курьеру, хватая бу-

маги. Джойс проявил не меньший интерес. Поглядывая из-под бровей на курьера, он нетерпеливо морщился, пока мистер Юбераллес дрожащими руками разрывал полотняные конверты. Отослав курьера, Юбераллес наскоро пробежал глазами рапорты:

— СССР… Наступление началось… использованы быстродействующие слабые газы… паника… Африка… чернокожее население отказывается мобилизоваться в войска… Ах, черные негодяи! — обиженно воскликнул Юбераллес. — На попытки мобилизовать их силой туземцы отвечают вооруженными восстаниями…

Руки Юбераллеса бессильно упали.

— Вы видите, вы видите? — жаловался он. — И так везде… повсюду… Эти дикари просто невозможны! Ну что нам с ними делать?

— Вы забываете, что у нас есть газы, дорогой мистер Юбераллес. Что значат их вооруженные восстания против наших газов? — улыбнулся Джойс.

— Да, да, вы правы, вы меня успокоили. У нас есть газы… Мы непобедимы!.. Цветные болваны немного понюхают и и успокоятся… Да, газы — прекрасное лекарство.

Джойс прервал эти излияния радости. Покосив-

шись на дверь, — плотно ли она закрыта, — он, понизив голос, спросил Юбераллеса:

— Я заметил у вас в приемной нового человека. Что это за парень? Его лицо мне откуда-то знакомо… Почему-то кажется…

— О, едва ли вы его знаете, — ответил Юбераллес. — Я и забыл перед вами похвастаться. Это — мой новый секретарь. Просто находка. Он иностранец. Слышали о такой стране — Украина? Так вот, он — украинец. Потомок знаменитого предводителя украинцев, которого мы когда-то поддерживали в освободительной борьбе. Но, — мистер Юбераллес вздохнул, — его борьба закончилась неудачно, и он был вынужден эмигрировать. Это — его сын. Здесь он бедствовал. Работал в Эйджевуде. Оттуда и попал ко мне. Замечательный сотрудник. Так и пылает ненавистью ко всему красному. Надежнейший человек. О, этот не продаст! Его фамилия — Петлюрисько.

Но Джойс уже не слушал Юбераллеса. И мистер Петлюрисько — потомок знаменитого предка — его уже не интересовал. Он с головой ушел в радиограммы. Юбераллес тоже зачитался ими.

— Замечательно, замечательно, прекрасно, — быстро приговаривал он, просматривая остальные отчеты, где содержались примерно

такие же сведения о других странах. — Надо будет позвонить военному министру — пусть прикажет их немного побрызгать…

Это вполне успокоило Юбераллеса, и с каждой страницей его лицо становилось все светлее и веселее. Он даже причмокивал.

Но на последней странице настроение его резко изменилось. Он перестал причмокивать, лицо его вытянулось, челюсть отвисла и глаза вытаращились, угрожая выскочить из орбит.

— Индия!.. Индия!.. Посмотрите отчет по Индии… — прохрипел он, протягивая бумаги Джойсу и роняя листы на пол.

Джойс подхватил бумагу и прочитал:

«Колониальные войска отказываются выступать против повстанцев. Солдаты взбунтовались. Офицеров арестовывают и обезоруживают. Были случаи самосудов. Некоторые части, подняв красные флаги, братаются с туземцами. Склады оружия в их руках. В полдень связь с колониальными войсками прервалась. Ни одно из государственных колониальных учреждений не отвечает. Из торговых предприятий поступают одна за другой отчаянные радиограммы с мольбами спасти их от своих и туземных бунтарей».

Джойс смял бумагу и бросил ее на пол.

— Начинается, — прошептал он.

— Своих… в наших войсках бунт… наши войска… — проскулил Юбераллес. — Что же дальше?..

— Дальше? — переспросил Джойс. — Дальше — ждите бунтов в военных частях как здесь, так и на эсэсеровском фронте… Во всяком случае, нам надо обеспечить себя противогазами… Я еду на противогазовый завод.

Он решительно встал.

— Вы полагаете, уже надо спасаться? — побледнел Юбераллес. — Поезжайте, поезжайте, — быстро благословил он Джойса. — Вы спасете нас. А я тем временем созову военный совет.

Юбераллес припал к телефону. Джойс вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Если бы он не так плотно закрыл дверь и оглянулся, он увидел бы, как заколыхалась портьера на противоположной двери — той, что вела в комнату личных секретарей Юбераллеса. И если бы Джойс не вышел, а отдернул портьеру, он наверняка бы удивился…

В подпольном штабе коммунаров царил подъем… Отчет, который прочитали Юбераллес и Джойс, был получен и здесь. Именно этого ЦК ждал долгие годы.

— Время настало! — гудели коммунары. — Порабощенные стихийно восстают!

Том торопливо раздавал приказы.

Сотни товарищей спешили в Эйджевуд, на противогазовый завод и в рабочие районы. Инструкции всем давались одинаковые и короткие.

Беспрестанно работало радио и телефоны.

Всеамериканский Ревком собирался на экстренное совещание. Прибывавшие товарищи один за другим коротко информировали о состоянии своих организаций и районов. Все ограничивались лишь несколькими словами.

И чаще всего слышалось:

— Эйджевуд.

Ушли последние товарищи из Эйджевуда.

Том крикнул вдогонку:

— Я буду у вас через три часа. Очевидно, будет и Джойс. Итак, — обратился он к товарищам, нетерпеливо ожидавшим начала совещания, — завтра наш Ревком объявляет себя *официальной* организацией, а Америку *советской.*

— Значит? — заговорили все вместе. — Вооруженное восстание?..

— Сегодня ночью!

***

В это время Джойс вошел в парикмахерскую.

— Мне нужно, чтобы меня не узнали, — попросил он.

Парикмахер, привычный ко всему, начал безразлично перебирать парики, бороды и усы…

XXIII
НАГОТОВЕ

Нью-Йорк был удивительно тих. Ни звон трамваев, ни говор прохожих, ни крики уличных продавцов не нарушали напряженной тишины всегда шумных улиц. Лишь автомобильные сирены изредка рассекали эту необычную тишину сатанинским хохотом да свистки полицейских робко перекликались от перекрестка к перекрестку.

Молчание динамичного города поражало и пугало.

Еще несколько часов назад улицам несся поток человеческой энергии, грохотали машины фабрик, стучали всевозможные автоматы…

Но вот фабричные гудки трижды проревели финиш, и энергия города иссякла…

Заводы стали.

Только на окраинах курились несколько дымовых труб — это за тройным оцеплением часовых продолжали свою работу военные заводы.

По улицам, громко стуча тяжелыми ботинками по звонкой мостовой, маршировали туда и обрат-

но отряды полицейских. Другие отряды ходили из дома в дом и выискивали жителей — тех, что так внезапно отказались поставлять городу свою энергию.

Но все поиски и обыски были напрасны.

Рабочие оставили свои жилища и вышли за город, разбив с четырех сторон четыре грозных лагеря. В них кипела теперь энергия города. В лагерях царило воодушевление. В лагерях было шумно.

— Власть советам! — висело в воздухе.

Вокруг рабочих лагерей кольцом сомнулись отряды солдат, чьи лица выдавали чужеродное, заокеанское, судя по всему — славянское происхождение. Двумя стенами стояли рабочие и солдаты друг против друга и молча, нахмурившись, смотрели, наблюдали, выжидая и следя за каждым движением врага.

Войска ожидали распоряжений правительства. Из-за нехватки энергии они были лишены возможности переговариваться по телефону, телеграфу и радио и вынуждены были сноситься с командованием дикарским способом — через курьеров и гонцов. Это, как видно, тормозило решения правительства, и ожидание военных, судя по всему, затягивалось надолго.

Войска злобно смотрели на тесные ряды производителей энергии. А те, в свою очередь, с такой же яростью глядели на клубы дыма, поднимавшиеся из труб военных заводов…

***

Тем временем какой-то неизвестный с рыжей бородкой уже несколько часов тщетно пытался проскользнуть через плотные шеренги охраны вокруг военных заводов и пробраться внутрь. Теперь он нервно расхаживал с двадцатью фальшивыми паспортами в карманах, не решаясь предъявить какой-либо из них…

К охране у противогазового завода подошел другой неизвестный — с черной бородкой и в круглых очках. Вид его показался начальнику охраны подозрительным. Он потребовал пропуск. Неизвестный протянул ему карточку и произнес два слова. Начальник караула засиял, как солнце, и переломился надвое. Неизвестный спокойно пересек тройную линию оцепления и беспрепятственно скрылся за воротами. Неизвестный с рыжей бородкой заскрипел зубами и, швырнув в канаву двадцать паспортов, также направился к начальнику охраны…

К охране у противогазового завода подошел другой неизвестный — с черной бородкой и в круглых очках.

В это время второй неизвестный уже был на заводском дворе. Ему с поклоном, заискивающе указали кабинет администрации.

Он подошел к двери, оглянулся и, увидев, что вблизи никого нет, шмыгнул в сторону и исчез в коридоре, который вел в цеха.

В упаковочном цехе он подошел к крайнему вальцовщику и произнес две фразы. Вальцовщик не глянул в сторону неизвестного и молча пошел направо. Неизвестный пошел налево… Но через пять минут неизвестный, вальцовщик и еще трое рабочих собрались в углу за ящиками.

Вальцовщик быстро бросил:

— Заседание повстанкома противогазового завода считаю открытым.

Потом, обратившись к неизвестному, спросил:

— Ты откуда, товарищ?

— Я с поручением от ЦК, — протянул ему неизвестный карточку.

— Выкладывай, — поощрили его слушатели.

Неизвестный не заставил себя просить и начал:

— Ваш завод должен стать через полтора часа,

ровно в семь. Держите все время радиосвязь с Эйджевудом. Правительство вынесет свое постановление не раньше, чем через два часа. Через полтора часа ближайший лагерь рабочих поднимет стрельбу и привлечет к себе внимание вашей охраны. Одновременно вы должны уничтожить внутреннюю стражу и завладеть механизмами подрыва мин. Затем вы поднимете над верхней башней красный флаг. Войска поймут, что мины в ваших руках и, спасая свою жизнь, немедленно покинут окрестности завода, а подкрепления повернут и тоже покажут пятки. Когда над башней будет поднят флаг, — а это должно произойти *в четверть восьмого*, — Эйджевуд также прекратит работу и возьмет мины под контроль. После этого к вам уже ни одна собака не сможет подойти. У вас все готово? — спросил он, заканчивая свою речь.

— Все, — вместе ответили все четверо. — На каждого охранника внутри будет трое наших. У минных механизмов все наши.

— А колебющихся много?

— На каждого приходится двое определившихся. Но таких колеблющихся — довольно значительный процент.

Неизвестный нахмурился.

— Это плохо, — поморщился он. — Но вы можете сказать им, что правительство приняло решение все противогазы раздать только буржуазии, рабочим же не выдавать. Вы также можете соврать, что воздушный флот СССР уже летит через океан и вскоре начнет здесь химическую бомбардировку. А еще можете рассказать, приукрасив, о химической атаке империалистической армии против СССР. Удачи нам! — закончил он. — Будьте готовы.

— Всегда готовы! — ответили члены повстанкома.

Неизвестный вышел. На его губах играла улыбка. Он рассматривал красную карточку, которую предъявил коммунарам.

— Трое на одного, и двое на одного, — засмеялся он. — Силы выяснены, что и требовалось доказать.

Перед дверью кабинета администрации он остановился и постучал. Дверь открылась и навстречу ему шагнули человек десять с револьверами наготове.

— Привет! — улыбнулся неизвестный. — Не узнали?

Все радостно заулыбались.

— Это вы? — спросил сияющий директор за-

вода, протягивая неизвестному вместо ладони револьвер.

— Ну? — окружили его другие.

— Все в порядке, — сказал неизвестный. — Вызывайте подкрепления на *четверть восьмого*.

— А раньше?

— *Ни в коем случае!* Это встревожит рабочих, и они догадаются, что их планы раскрыты.

— Хорошо, — согласились все.

Неизвестный вышел, прошел через оцепление из солдат со славянскими лицами и, завернув за угол, сел в авто.

— Эйджевуд! — приказал он водителю.

XXIV
МАСКАРАД

Портьеры второй двери в кабинете мистера Юбераллеса заколыхались потому, что человек, скрывавшийся за ними во время всего разговора Юбераллеса с Джойсом, быстро нырнул в кабинет личных секретарей, как только Джойс собрался уходить.

Мистер Петлюрисько — один из личных секретарей Юбераллеса — был очень впечатлен разговором, который ему удалось подслушать. Он озабоченно забегал по комнате, нервно взъерошивая волосы и ругаясь на языке своих предков. В течение двух минут он раз пять взглянул на часы и всякий раз, не стесняясь, произносил отборные ругательства на том же языке.

Было очевидно, что медленно двигавшиеся стрелки часов крайне раздражали его.

Вот почему, когда в комнату вошел мистер Романисько — второй дежурный личный секретарь Юбераллеса, явившийся на смену — мистер Петлюрисько чуть не задушил его в объятиях и, наскоро передав ему дела, схватил шляпу и

выбежал.

Прежде всего он забежал в первую же телефонную будки и набрал какой-то номер. Услышав довольно-таки грубый вопрос, кто это там еще говорит, мистер Петлюрисько порылся в карманах, вытащил бумажку со своим личным номером и назвал его собеседнику.

Дальнейшая беседа велась не только в вежливых, но также приветливых и дружеских тонах…

Однако мистер Петлюрисько услышал мало отрадных новостей. Оказалось, что все уже разошлись по заводам. Никаких инструкций никто ему дать не смог. Тогда он решил действовать на свой страх и риск и по собственной инициативе.

Мистер Петлюрисько выскочил из будки на улицу и в первую очередь зашел в парикмахерскую. Там он приобрел совершенно иной вид.

Поглаживая бородку, он вышел на улицу и сел в такси… Авто двинулось по направлению к противогазовому завода и остановилось, не доезжая, за углом. Мистер Петлюрисько выпрыгнул из машины и скрылся.

Но водителю не пришлось долго его ждать. Через пять минут он вернулся, расплатился с шофером и пошел дальше пешком, на этот раз направляясь в сторону Эйджевуда. Пешком он

пошел намеренно, надеясь встретить по дороге кого-либо из ответственных лиц и получить инструкции.

Мистер Петлюрисько почти бежал, оглядываясь по сторонам: он старался добраться до цели как можно скорее и при этом не упустить кого-нибудь по пути. Это было нетрудно, так как на пустых улицах каждого прохожего видно было за квартал.

Однако никого из нужных ему людей мистер Петлюрисько так и не встретил. Неподалеку от Эйджевуда его обогнало авто. Лицо пассажира показалось ему знакомым. Мистер Петлюрисько вновь заскрипел зубами. Добрых пять минут он потратил на то, чтобы выругаться и найти такси. Найдя, он сунул водителю какую-то карточку и погнал его к Эйджевуду вслед за предыдущим мотором.

Мистер Петлюрисько беспрепятственно прошел сквозь тройное оцепление к внешней ограде Эйджевуда. Начальник внутренней охраны посмотрел на него сочувственно.

— Я не советовал бы вам, — сказал он, — идти туда. Там очень неспокойно. Рабочие снова не в себе. Снаружи беспокойно, вот они и дергаются. Нам пришлось опустить заслоны и изолировать

их от внешнего мира. Это их окончательно взорвало. Они митингуют, — засмеялся он, — но лбом наши железные стены не пробьют. Однако оказаться сейчас среди них я вовсе не желал бы. Конечно, если у вас какое-то поручение, вы можете пройти потайным ходом. Туда только что прошел мистер…

Но мистер Петлюрисько уже не слушал. Он быстро направился по потайному ходу к сердцу Эйджевуда.

XXV
ПОСЛЕДНИЙ ЭЙДЖЕВУД

В метрополитене было необычно тихо. Стальные, герметично закупоренные вагоны без окон, которые раньше непрерывной цепью кружили по спиральному тоннелю вокруг вертикально расположенных мастерских, спускаясь к нижним, устроенным горизонтально, теперь застыли в полумраке блестящей змеей. Широкий главный тоннель, ведущий к горизонтальным цехам Эйджевуда и выходящий в центральный зал, упирался теперь в цельную стальную стену: она плотно перекрывала выходное отверстие и таким образом отрезала цеха от верхних помещений завода и выхода на поверхность.

Через минуту холодный полумрак рассеялся. Стальная стена отразила узкий луч красного света. Это загорелась лампочка у дверей внутреннего лифта. Глухо загудел мотор. Еще через мгновение лязгнули дверцы, и в полосе бледного света появились две фигуры: директора и неизвестного с рыженькой бородкой. Они подошли к стене.

Рыжий приник ухом к холодной стали. Соро-

касантиметровая броня гудела на низкой ноте, отражая шум по ту сторону. В центральном зале волновалось море человеческих голосов. Директор также приложил ухо к стене-резонатору.

— Вы слышите? — схватил он рыжего за руку, говоря почему-то шепотом. — Они в ярости! Возникает угроза…

— Но этой стены им не свернуть! Мы-то с вами в безопасности, — перебил его рыжий. — Покажите мне, где тут у вас потайная дверь?

Директор торопливо бросился к боковой стене. Нащупав один из болтов, он чуть повернул головку. Стена раздвинулась, открыв широкий черный проход.

— Сюда, — прошептал директор. — Когда будете возвращаться, — повернете такой же с той стороны, пятый от балки. Вот он.

Директор старательно продемонстрировал действие механизма потайных дверей, и рыжий нырнул в черный провал.

Путь в темноге был недолог. Вскоре впереди забрезжил свет, и еще через минуту он был в центральном зале.

Огромное помещение гудело, как улей. Стальные стены отражали голоса, отбрасывая их хором эхо к потолку. Тысячи людей в засаленной рабо-

чей одежде сгрудились тесной толпой. От края до края зала видны были только растрепанные головы и потные лица.

Наступила тишина. Все взгляды обратились на трибуну. Глаза горели. Тысячи кулаков взметались над морем голов. Толпа едва сдерживала свой пыл, следя за словами и движениями оратора.

Рыжий сразу оценил настроение рабочих. Напряжение достигло крайних пределов и в любое мгновение угрожало взрывом. С довольной улыбкой он пробрался ближе к трибуне.

С трибуны говорил высокий, стройный мужчина с небольшой черной бородкой. Речь его была зажигательной и короткой. Толпа с энтузиазмом реагировала на его призывы. Но, стоило рыжему уловить смысл слов черноволосого, как довольная улыбка сразу исчезла с его лица. Он заскрипел зубами. Таких слов он никак не ожидал услышать из уст человека с черной бородкой. Он удивленно посмотрел на нескольких известных ему коммунаров, окружавших оратора: очевидно, они были полностью с ним согласны. Расталкивая тесные ряды рабочих, рыжий решительно направился к трибуне.

— Восстание охватывает весь мир! — кричал

оратор. — По последним сведениям, империалисты остались даже без колониальных войск. Теперь очередь только за военными заводами, и прежде всего — за Эйджевудом. Когда восстанет Эйджевуд, последнее оружие фашистов окажется в наших руках! Без газов империалисты слабы, как дети… Революционное движение развивается организованно под руководством Компартии. Я пришел передать вам последний приказ ЦК: в *четверть восьмого* мы должны поднять над

Эйджевудом красный флаг.

Стальные стены зазвенели и ревом эхо ответили на восторженные крики рабочих.

Рыжий мигом очутился рядом с выступающим.

— Товарищи! — крикнул он.

Но его крик затерялся в общем шуме.

— То-ва-рищи!.. — еще громче закричал он и, схватив колокольчик, изо всех сил стал размахивать им.

На него обратили внимание. Аудитория постепенно затихла. Все взгляды с удивлением и немым вопросом остаговились на его фигуре.

— Товарищи! — в третий раз крикнул рыжий, когда в зале установилась относительная тишина. — Я говорю от имени ЦК, товарищи. Все, что

сказал предыдущий оратор, бесспорно соответствует действительности и постановлениям ЦК. Я сам пришел сюда, чтобы сказать то же самое. Но сейчас я призываю вас не верить этим словам. Не верьте им! — повторил он. — Я сам не понимаю, в чем дело. Очевидно, враги узнали о постановлении ЦК и используют это постановление в целях провокации… Ибо этот гражданин — провокатор!

В первое мгновение толпа онемела. Но в следующую минуту стальной потолок зашатался от взрыва протеста и возмущения. Было ясно, что словам рыжего не верят.

Первый выступавший изумленно попятился назад.

— Мистер Петлюрисько! — остолбенел он. — Мистер Петлюрисько — личный секретарь Юбераллеса? — прошептал он себе под нос.

И, схватив рыжего за воротник, он крикнул во весь голос:

— Товарищи, это — загримированный шпик! Это… — он не закончил и быстрым движением сорвал с лица рыжего накладную бороду.

Рыжему удалось вывернуться из его цепких рук. Он вскочил на кафедру, оставляя в руках чернобородого оратора и усы.

— Вы можете верить мне! — закричал он в зал и замахал в воздухе рыжим париком, который также сорвал с головы.

Ошеломленная толпа отшатнулась.

— Сим!.. — раздался дружный удивленный возглас тысяч людей.

— Да, не мистер Петлюрисько, а Сим, — обратился к оратору бывший рыжий. — Советский коммунар Сим! Выдав себя за украинского эмигранта, я поступил рабочим на Эйджевуд, а затем по поручению повстанкома, прикрывшись именем украинского контрреволюционера и рыжим париком, пробрался в личные секретари Юбераллеса!

— Ура, Сим! — заревели рабочие.

— Бей провокатора! Смерть ему! — закричали другие.

Сим быстро взглянул на провокатора. Тот стоял, спокойно скрестив руки на груди, и приветливо улыбался Симу.

Тогда Сим движением руки остановил толпу, угрожающе надвигавшуюся на трибуну.

— Теперь я покажу вам, кто провокатор! — крикнул он.

С этими словами он подскочил к оратору, попрежнему продолжавшему улыбаться, и схватил

его за бороду и волосы.

И то, и другое осталось у него в руках…

— Мистер Джойс! — торжествующе воскликнул Сим, бросая ему в лицо парик.

— Джойс!..

— Проклятье!

Сима сбили с ног и отшвырнули в сторону. Перескочив через барьер и поднявшись на трибуну, толпа двинулась к Джойса.

— Смерть провокатору!

— Убить собаку Джойса!

Давняя ненависть взорвалась в груди рабочих. Сотни мозолистых рук схватили Джойса за одежду. Десятки кулаков взвились над его головой.

— Смерть провокатору! — раздался единодушный рев.

Джойс дернулся. Но мозолистые руки держали крепко. Ему еле удалось освободить одну руку. В глазах его мелькнул ужас.

— Стойте! — закричал он. — Одну минуту! Только одну минуту!

— Смерть! — ответили тысячи рабочих.

— Одну минуту! — взмолился он. — Я все объясню.

В свободной руке появился красный партбилет. Он размахивал им над головами, пытаясь высво-

бодиться из железных объятий.

Красная карточка окончательно взорвала толпу.

— Подлый провокатор! Ты украл эту карточку из кармана замученного тобой коммунара и использовал ее для твоих кровавых провокаций!

Но в это время Джойсу удалось выскользнуть из рук рабочих. Он вскочил на перевернутую кафедру. Из одежды на нем остался только воротник. Голый, с растрепанными волосами и окровавленным лицом, он стоял над толпой и, размахивая руками, пытался перекричать ее своим хриплым голосом.

Джойс кричал:

— Выступление назначено на *четверть восьмого*! Это правда! Вы можете сейчас меня убить. Но в *четверть восьмого* — восстание!

— Ложь! — отвечала толпа. — Смерть ему! — прокатилось звонким эхо.

Джойс, напрягая последние силы, разрывая горло, кричал осатаневшей толпе:

— Это не ложь! Это истинная правда! Убейте меня сейчас. Но в *четверть восьмого* вы должны восстать. Здесь нет ниакой провокации. Иначе вы погибнете!

— Но какой смысл тебе, провокатору, заботить-

ся о нашей победе? — спросили вдруг несколько человек.

Джойс едва стоял на ногах. Кровь, текущая из разбитой головы, заливала ему глаза, стекала в рот. Он повернулся окровавленным лицом к мрачным рабочим:

— Если не убьете меня сразу и дадите пожить еще пятнадцать минут — я объясню вам все. Вам все станет ясно. Я открою вам правду. Но прежде свяжитесь с ЦК или противогазовым заводом и проверьте мои слова.

— Он выкручивается! — пылко крикнули несколько голосов. — Убить его и дело с концом!

Но большинство уже начинало колебаться. Слова Джойса звучали убедительно. Многие рабочие были склонны принять его предложение.

Сим бесновался. С пеной на губах он убеждал товарищей не верить и рассказывал подробности разговора Джойса с Юбераллесом. Возмущенные рабочие угрожающе надвигались на жалкую, съежившуюся фигуру голого, окровавленного Джойса.

Наконец повстанкому удалось установить порядок.

— Мы всегда успеем расправиться с провокатором, — сказал председатель. — Спросим

противогазовый завод — много времени это не займет.

Толпа мрачно согласилась. Несколько человек бросились к радио. Вызвать повстанком противогазового было минуты. Чтобы все могли услышать ответ, председатель включил громкоговоритель.

Через пять минут из громкоговорителя громко прозвучал ответ. Все лица вытянулись. Рабочие недоуменно переглядывались. Громкоговоритель слово в слово повторил сказанное Джойсом. Противогазовый собирался выступить через полчаса. Повстанком противогазового также призвал рабочих Эйджевуда не верить возможным провокаторам, которые, узнав об этом решении, будут стараться сорвать восстание или затянуть время.

Толпа затихла. Все неловко переглядывались, посматривая то на Джойса, то на Сима.

— Кто же из них двоих провокатор?

Сим вскипел. Брызгая слюной и нервничая, он посылал проклятия на голову Джойса. Но толпа колебалась. С одной стороны, Джойсу не верили, с другой — слова повстанкома противогазового бросали тень на Сима.

Джойс первым прервал молчание. Он крикнул:

— В четверть восьмого Эйджевуд должен выступить! Дайте мне десять минут, я расскажу все, и вы все поймете. И я, и Сим — мы оба не обманываем.

— Пусть говорит, — послышались неуверенные голоса.

— Не надо слушать провокатора! — кричали другие.

Тогда председатель повстанкома взял дело в свои руки.

Став рядом с Джойсом и пристально глядя ему в глаза, он заговорил:

— Мистер Джойс, рабочие доверяли вам, как никому. Несколько лет вы были руководителем профсоюзного движения. И, скажем правду, лучшим руководителем. Так было до войны. Но вы не оправдали нашего доверия. Вы голосовали против рабочей резолюции. Мало того — вы стали самым искренним другом и слугой юбераллесов. Теперь вы хотите убедить нас в том, что вы не предатель и не провокатор. Отвечайте же, почему вы не голосовали за рабочую резолюцию по поводу войны? Но говорите правду, иначе через десять минут вы будете мертвы.

Толпа замолчала. Было слышно напряженное дыхание тысяч рабочих. Все глаза остановились

на Джойсе.

Джойс немного подвинулся вперед.

— Я прошу одного, — сказал он тихо, но отчетливо. — Я прошу абсолютного доверия. За десять минут до смерти не лгут.

Джойс продолжал:

— Будь здесь Том, он подтвердил бы мои слова. И если он в течение этих десяти минут окажется здесь, я останусь в живых и буду реабилитирован.

Раздались возгласы:

— Скорее, без лишних разговоров!

Джойс коротко пояснил:

— Я был подпольным работником в стане капиталистов. Это поручение мне было дано Политбюро. У партии есть секреты, которые не выходят за пределы Политбюро, а иногда остаются тайнами даже для других членов бюро. Мой шпионаж в стане капиталистов был делом слишком важным, чтобы о нем знали больше двух человек.

По залу прошел недоверчивый шепот.

— Ложь! — крикнул кто-то.

Но Джойс уже овладел собой, и голос его зазвучал громко и уверенно.

— Против рабочей резолюции я не голосовал.

Напротив, я голосовал за нее. Но на заседании было только два голоса за вашу резолюцию — мой и покойного Тиля.

При упоминании о несчастном Тиле толпа загудела:

— Это ты убил его, злодей!

Джойс, перекрикивая эти возгласы, продолжал дрожащим голосом:

— Не я его убил. Случилось ужасное недоразумение. Тиль попросил мою машину. Ему надо было ехать в Вашингтон, а у него в машине закончился бензин. Будь он жив, он подтвердил бы мои слова. Клянусь его памятью! О, я безжалостно за него отомщу!.. Мы вдвоем голосовали против. Остальные были — за. Когда все кончилось, толпа начала обвинять меня. Объяснить толпе ее ошибку никто не мог. Другим делегатам Совета было выгодно сложившееся мнение, будто такой авторитетный руководитель рабочего движения, как я, был заодно с ними.

— Почему ты сам не опроверг клевету? — насмешливо спросил Сим.

Глаза Джойса загорелись.

— Вот в том-то и дело! — воскликнул он. — Я сразу понял, что мне нет смысла опровергать эту клевету. Наоборот, в интересах нашего дела мне

выгодно было очернить себя в глазах рабочего класса и таким образом войти в полное доверие к буржуазии. Это дало мне возможность узнавать обо всех действиях врагов, сообщать о них в ЦК и на каждом шагу им препятствовать. Правда, на некоторое время я утратил доверие рабочих, но находиться в стане врагов во время борьбы — было важнее. К тому же, своим поступком я провоцировал и настраивал против Совета ту несознательную и поддавшуюся на пацифистскую агитацию часть пролетариата, что еще верила ему. И вы, товарищи, сами знаете, что желтые рабочие отвернулись от своих вождей и перешли на нашу сторону только потому, что Совет обнаружил свое истинное лицо. Это я своими действиями способствовал разоблачению Совета! Что касается голосования, то, даже если бы я голосовал за, никакого преступления здесь не было бы, так как наши противники были в большинстве. Война, однако, должна была разразиться. Она нужна, как последняя капля в чаше противоречий империалистического мира, как переходный этап на пути к мировой революции.

Джойс замолчал. Люди были ошеломлены. Никто не знал, верить или не верить словам Джойса.

— Он лжет! — настаивал Сим. — А его разговоры с Юбераллесом? Неужели он отрицает их?

Джойс повернулся к Симу. В его глазах под сгустками крови блеснули веселые огоньки.

— Товарищ Сим! — вскричал он. — А вы сами разве не были секретарем Юбераллеса? И в разговорах с ним вы что-то не проявляли себя коммунистом. Мне приходилось врать так же, как и вам.

Но это замечание Джойса не убедило Сима и других рабочих. Молодой рабочий с горящими глазами подскочил к Джойсу и замахнулся кулаком:

— Все ложь, собака! Почему же, если ты наш, ты срывал нашу работу? Почему неделю назад ты с этой трибуны убеждал нас не восставать и сорвал нашу забастовку? Что ты ответишь на это, гнусный провокатор?

Джойс невольно попятился назад и побледнел. Вопрос рабочего повторили тысячи голосов. Факт умышленного срыва забастовки был слишком очевиден.

— Отвечай! — ревела толпа. — Неужели и сейчас ты будешь изворачиваться и отрицать свою позорную роль?

— Да, буду! — резко ответил Джойс. — Тысячу

раз буду! И здесь повстанком поддержит меня. Вы хотите знать, почему я сорвал ваш мятеж? Это же ясно каждому сознательному человеку. Мы сможем победить буржуазию, только если выступим организовано и единогласно. Локальные мятежи лишь ослабляют нас. Когда в Эйджевуде начался первый бунт, всеобщее восстание еще не было подготовлено. Буржуазия раздавила бы вас, на ваше место поставила бы других, — и мы проиграли бы все дело. Это раз. А во-вторых, Эйджевуд не может восстать раньше противогазового завода. Даже если бы вам удалось захватить газы, вы все равно не сумели бы воспользоваться ими в борьбе с буржуазией. Противогазовый остался бы в ее руках, и она обеспечила бы себя противогазами. Сначала следует захватить противогазы и парализовать буржуазию, лишив ее возможности обороняться.

Джойс продолжал. Но слов его уже не было слышно. Весь зал заревел и загудел. Возгласы протеста и возмущенные крики смешивались с голосами рабочих, высказывавших доверие Джойсу. Единый митинг сразу разбился на несколько. В каждом углу выступали ораторы. Все горячо спорили о сказанном Джойсом. Споры грозили перерасти в драку. Повстанком тщетно пытался

установить порядок. Страсти накалились. Комфракция собралась вокруг трибуны: коммунары начинали верить Джойсу. У радиоприемника возились несколько человек, разыскивая по всему НьюЙорку чернокожего Тома. Он один мог потвердить слова Джойса, — остальные члены Политбюро давно разъехались по всей Америке. Самые экспансивные окружили Джойса и забрасывали его сотнями вопросов. Наконец Джойсу удалось перекричать всех.

— Не забывайте, — закричал он, — в четверть восьмого мы должны выступить!

И он коротко изложил общий план восстания:

— В четверть восьмого противогазовый уже будет в руках рабочих. Пользуясь своим авторитетом, я убедил администрацию противогазового вызвать войска именно на четверть восьмого. Однако подойти к заводу они не смогут. К этому моменту механизм подрыва мин, заложенных вокруг завода, будет уже в наших руках. Все белое войско взлетит на воздух.

— Ура! — закричали в передних рядах.

— Сейчас же связаться с противогазовым!

— Но почему ты сразу не открыл нам глаза? — наседали на Джойса. — Почему не известил нас о своей роли? Почему, ликвидируя тот бунт, не

объяснил нам истинные причины?

Джойс был снова вынужден взять слово.

— Я не мог этого сделать, — пояснил он. — Я не мог вам открыться. Среди вас много шпиков. К тому же, вас самих спровоцировала на этот мятеж буржуазия, чтобы подорвать наши силы. Вашими устами говорила провокация. Вашими ушами слушала провокация. Открыться вам значило бы открыться провокации и нашим врагам. А это сорвало бы наши планы. Конкретно: я не смог бы ликвидировать первый мятеж, который определенно обрекал на гибель все дело революции.

— Ура Джойсу!

— Да здравствует Джойс! — прозвучал единодушный и могучий хор голосов.

— Хвала непобедимому Джойсу!

Разгоряченные эйджевудцы рвались на дело, подъем достиг высшей точки.

— К минам! — кричали некоторые. — К минам! Взорвать Эйджевуд на воздух! Парализовать фашизм!

Толпа ринулась к верхней лестнице, ведущей к минным механизмам. Но Джойс остановил их:

— Стойте, товарищи! Взрывать Эйджевуд не надо. Империалистическая армия уже начала химическую войну. Рабочих СССР уже душат

газами.

Дикий рев негодования был ответом на эти слова. Джойс продолжал:

— Не взрывать Эйджевуд мы должны, а захватить его в наши руки и повернуть против буржуазии…

В эту минуту стены Эйджевуда закачались. Железные изоляторы загудели. Потолок и пол ходили ходуном. Град земли и бетонных обломков обрушился на головы перепуганных рабочих. Не в силах устоять на ногах на дрожащем, как кисель, полу, люди падали друг на друга с криками удивления, боли и ужаса… Не успели затихнуть отголоски этого грома, как неописуемый грохот нового взрыва сотряс спрятанный под землей Эйджевуд.

— Что это? Нас взорвали! — раздались испуганные возгласы.

Но Джойс уже звонко кричал в рупор:

— Спокойствие, товарищи! Победа! Это противогазовый взорвал близлежащие мины! А это значит…

Джойс не договорил. Его перебил голос из громкоговорителя. Повстанком противогазового слал привет всему Красному Миру и сообщал, что завод захвачен рабочими. Минные поля вокруг

завода взорваны вместе с наступавшими войсками. Стотысячная армия белых взлетела на воздух.

— По местам! — крикнул председатель эйджевудского повстанкома. — К минам!

Рабочие толпой двинулись к выходам. Сим вел группу, которая должна была пройти по потайному ходу.

На мгновение все остановились и подняли головы вверх.

У двери минного отделения высилась огромная фигура чернокожего Тома.

— Противогазовый наш! — крикнул он.

— Даешь Эйджевуд! — добавил он почему-то по-русски.

XXVI
ГОРЕ ИЛИ РАДОСТЬ

Выстрелы, прогремевшие в мертвой тишине, отозвались в заживо похороненных в подвале последним проблеском сознания. Они зашевелились и застонали.

Взгляд Гайи, до боли напрягшись, пронизывал тьму, но нервы оставались отмершими, безразличными, пока она следила глазами за военным. Шатаясь и цепляясь за воздух распростертыми руками, он, как лунатик, неуверенно шел к двери. Вот он потрогал косяк, нащупал скобу, звякнул запором…

Инстинкт самосохранения вытеснил из сознания предсмертное равнодушие. Медленно, гораздо медленнее, чем следовало бы, в мозг Гайи вползало чувство ужаса:

«Он открывает дверь, он впустит газ».

Желание жить, бессмысленное в эту минуту, но непреодолимое желание продлить хотя бы последнее, мучительное мгновение жизни вернуло Гайе силы. Она вскочила на ноги и неистово закричала:

— Не открывайте! — и снова изнеможении упала.

Но было уже поздно…

Собрав последние силы, военный рванул дверь — и она вдруг распахнулась во всю ширину. В подвал ветром хлынул поток воздуха извне и зашевелил кружево паутины в углах.

Военный, в первый миг обессиленно упавший на пороге, поднялся на ноги и скрылся за дверью…

Порыв ветра защекотал завитки волос на висках Гайя. Она подняла голову и невольно потянулась к широкому дверному проему. Измученная грудь поднималась и опускалась, легкие жадно, с болью пили яд.

С первым же мучительным вдохом Гайя почувствовала, как кровь побежала по ее жилам и быстро-быстро забился пульс. Она вдохнула еще. Легкие свободно наполнились воздухом. Боли не было.

Гайя встала, пошатываясь. Ощущения возвращались к ней.

Зашевелились и другие. Покрытыми пеной, окровавленными губами они хватали пьянящий воздух и удивленно приходили в себя…

В этот момент со двора послышались возгласы

военного. Он вбежал… встал в дверях, запыхавшийся, но радостный и сильный.

— Воздух чист! Газов нет! — не прокричал, а пропел он.

Погреб ответил недоверчивыми стонами и нервными рыданиями…

Безумная радость охватила Гаю. Она сразу поверила. Потому что жаждала поверить. Ей не хотелось размышлять над тем, куда подевались газы, не ошибся ли товарищ. Когда она поднималась по лестнице, ненасытно дыша, в сознании вдруг промелькнуло сомнение: уж не вдыхала ли она вместе с этим целительным воздухом капельки яда? Но она сейчас же успокоила себя: лучше дышать даже ядом, чем умирать от удушья…

Пустые улицы ужаснули Гайю. Из конца в конец не видно было ни одного живого существа. Здания смотрели темными глазами — окнами опустевших жилищ…

Опираясь на руку военного и одновременно поддерживая совсем ослабевшего Владарада, Гайя не шла, а летела к зданию ЦК. Только там она могла почувствовать себя в безопасности.

Внезапно пробудившаяся память вернула ей забытую было, ужасную весть — Владимир погиб…

Земля ушла из-под ног. В глазах потемнело.

Теряя сознание, она оперлась о стену…

Это известие вместе с шифрованной радиограммой сообщил ей Ким, когда она задыхалась без воздуха в подвале. Но ее атрофированное сознание не в состоянии было понять, почувствовать. Лишь теперь сердце Гайи сжалось от горя и отчаяния.

«Мой Влад умер! Моего Влада нет!» — стучало в груди, колотилось в мозг. Рыдания перехватывали горло…

Но Гайя пересилила себя. Она крепче оперлась на руку товарища и двинулась дальше. Лицо ее окаменело, и глаза сразу глубоко запали…

Тишину вдруг нарушили какие-то странные звуки. Не то работала где-то молотилка, не то гудел большой шмель. Товарищи удивленно переглянулись.

— Аэроплан, — догадался Владарад, и сердца товарищей заледенели: неужели опять газы?

Рокот нарастал и приближался.

Вместе с ним крепчал утихший было ветер. В воздухе чувствовалась сырость…

— О, благодатный ветер! — радостно воскликнул военный. — Он развеет газы и не даст им осесть на землю. Нам не страшен этот самолет!..

Рокот звучал все громче. Где-то рядом бешено

работал мотор, и не один, а много — бесконечно много. Словно тысячи аэропланов воздушного флота одновременно садились поблизости на землю. Ветер все крепчал.

Товарищи удивленно остановились. Но сейчас же вынуждены были уцепиться за ограду, чтобы не упасть. Ветер налетел на них безумным ураганом. Над землей забушевала буря. Она отрывала тела товарищей от ограды, швыряла их, заставляла снова хвататься за ограды, деревья, коряги и вновь несла дальше… Облака песка, листьев и камней взвивались в воздух и засыпали товарищей, слепя глаза и раздирая кожу… Их охватил ужас…

— Смерч! Самум! — догадался кто-то из них, теряя сознание от боли и ужаса.

Вихрь не утихал. Бешеный рокот нарастал. Слух отказывался воспринимать безумные звуки…

Буря развернулась в полную силу.

И тогда запорошенные пылью глаза полуживых товарищей увидели чудо…

Мимо проползло какое-то огромное чудовище. Оно чем-то стучало, звенело, наполняя воздух лязгом железа. Скрипели гигантские колеса, круша твердую мостовую. Сзади что-то дико тарахтело. А спереди и сверху словно возвышалась огром-

ная ветряная мельница, размахивая в воздухе длинными крыльями…

Хлынул проливной дождь. Но странный дождь — он не падал с неба, а вихрем бил из удивительного водоворота. Давление струй было так велико, что сплошная стена дождя валила с ног, прижимала к земле и не давала дышать. Даже деревья согнулись, словно с жадностью лакая воду.

Ошеломленные, полумертвые товарищи на некоторое время утратили способность мыслить и чувствовать. Вода, вихрь, грохот — все смешалось в едином ощущении боли и ужаса. Еще мгновение — и жизнь покинула бы израненные, изувеченные тела…

Но стальное чудовище передвигалось со скоростью железнодорожного состава. Мгновение спустя оно исчезло за углом, оставив товарищей барахтаться в песке и воде.

Гайя первой пришла в себя и помогла встать другим. Они с недоумением смотрели вслед странному видению, пытаясь понять, что за чудище им встретилось.

Вихрь утих. Прозрачный ясный день вновь вступил в свои права. Только издалека еще доносились с разных сторон отголоски железного лязга и грохота — там еще буйствовал ветер и

завывала буря. Но вскоре и они затихли.

Военный вдруг захохотал.

— Ну и дураки же мы!

Вода, вихрь, грохот — все смешалось в едином ощущении боли и ужаса.

Это газоглушители и нейтрализаторы ядовитых газов — оружие наших отрядов активной обороны ОСО-Авиахима. Они ездят по улицам города, рассеивают в воздухе остатки ядовитого газа и нейтрализуют водой и известью ядовитые вещества, осевшие на землю.

Товарищи смущенно переглянулись. Они совсем забыли об этом изобретении, о котором столько говорилось перед войной…

Первый прилив вернувшихся сил они неэкономно истратили на взрыв радостного, растроганного хохота.

Но вот новый звук привлек их внимание. Теперь уже было очевидно — гудели пропеллеры аэропланов. Они подняли глаза вверх и увидели неисчислимые стаи самолетов. Самолеты летели совсем низко над землей, и в них нетрудно было узнать советские истребители. Выстроившись боевыми треугольниками, они летели на запад — видимо, преследуя аэроврага.

— Наши эскадрильи! Наши эскадрильи! Какая сила! — как зачарованная, захлебывалась от восторга Гайя. — Они летят за врагом, они догонят его!

— Эскадрилья «Разрыв»! — добавил военный. — Я узнаю отдельные аэропланы.

Он даже начал перечислять их названия, но воздушный флот ушел высоко вверх, и разглядеть можно было лишь пунктир боевых треугольников.

В это время воздух снова дрогнул от пронзительного воя сирен.

— Й-у-и-у! Й-у-и-у!

Однако сейчас это были уже не прежние, тревожные, пугающие, раздражающие звуки. Они не рвали на куски, не терзали сознание: голоса сирен звучали ниже, спокойнее и мягче. Они призвали к спокойствию и порядку. Это дозорные сообщали об окончании воздушной атаки и нейтрализации яда. Теперь все были в безопасности.

Улицы начали оживать. Гражданские еще не решались выбраться из своих подвалов и снять противогазы, но военные отряды уже начали действовать. Сновали авто, тяжело погромыхивали большие военные автобусы, грузовики и броневики.

Товарищи с легким сердцем направились в ЦК.

ЦК уже жил полной жизнью.

В здании суетились бодрые коммунары. А пе-

ред ним собралась толпа. Утомленные и нервные бойцы, вздыхая с облегчением вздыхая, снимали противогазовые маски. Звучали речи — радостные и полные уверенности в будущем:

— Первая газовая атака с легкостью отражена!..

Добравшись наконец до ЦК, Гайя почувствовала себя совсем обессиленной. Ее нервы, так долго натянутые до предела, не выдержали. Искусственное воодушевление снова сменилось горем и отчаянием. Она еле дошла до первой попавшейся комнаты и бессильно опустилась в кресло. В сознании билась одна-единственная мысль:

«Владимир умер…»

Комната, куда она зашла, оказалась радиотелеграфной. На десятках небольших столиков, выстроившихся вдоль стен, стояли блестящие телеграфные аппараты.

Гайя оперлась о край ближайшего столика и упала головой на холодную доску… Слез не было. Была какая-то пустота… Устремив невидящий взгляд в пространство, не думая и не чувствуя, Гайя просидела так некоторое время, не замечая, что ее рука автоматически нажимает на клавишу, то включая, то выключая аппарат. Во все концы света летели бессмысленные радиоте-

леграфные волны. Не заметила Гайя и того, что ее рука начала бессознательно отбивать буквы. Буквы складывались в слова. Слова в предложения… и сам собой звучал зов, полный печали и любви…

— Влад, где ты? Влад, где ты? — спрашивала она безграничное пространство…

Печальный зов несся по свету: его принимали тысячи телеграфных станций. И тысячи удивленных телеграфистов с недоумением вслушивались в него, пытаясь разгадать его смысл…

Вдруг Гайя остановилась и испуганно отдернула руку от клавиши. Глаза ее бессмысленно уставились на аппарат.

Приемная клавиша внезапно щелкнула…

На зов Гайи пришел ответ…

Только сейчас она осознала, к кому был обращен ее вызов… Дрожащими руками включила приемник и надела радионаушники…

Прошло мгновение… Снова ответ… Ноги Гайи ослабели и подогнулись. В голове все закружилось…

Из далекого, безграничного пространства донесся ответ:

— Здравствуй, Гайя…

У Гайи лишь на миг потемнело в глазах. Затем

она уселась поудобнее и стала бодро принимать радиосводку, внимательно записывая формулы.

XXVII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известия о событиях в Америке — восстании рабочих, падении военных заводов и начале гражданской войны — за несколько минут облетели весь мир. Их рассылали во все стороны нью-йоркские радиостанции, охранявшиеся красной гвардией.

Мир затаил дыхание…

Летчики интервентов, отправившиеся в первую атаку на СССР, приняли эти радиограммы, находясь высоко в воздухе над советской территорией.

Испуганными рядами их аэропланы полетели назад и забились, заметались в воздухе, как подстреленные птицы. Они не могли вернуться домой, где царил красный террор, не могли сесть и в советских республиках. Десятки тысяч их слетались в Польшу, спеша укрыться.

Стратеги интервентов превратили Польшу и Галицию в военные базы. Здесь собрались все военные силы. Многомиллионные войска заняли дома местных жителей. В сараях и подвалах

громоздились горы провианта и военного снаряжения. Все площади, пустыри, стадионы и даже рынки были превращены в аэродромы. Над городами днем и ночью реяли аэропланы. По шоссе и дорогам тянулись длинные вереницы обозов и толпы солдат. Войска, как саранча, обсели чужую землю. Они уничтожали на своем пути все, съедали все продукты и запасы жителей. Мирное население медленно умирало от голода…

Далекие галицкие села горели: там забрали все, и «наглые» крестьяне, умирая голодной смертью, осмелились протестовать. С рабочим классом в городах и вовсе не церемонились: недовольных просто вешали.

Страна пустела…

На испепеленных руинах оставались лишь немощные старики и дети. Зато в лесах и перелесках множились отряды повстанцев.

Фронтовое командование слало в штаб радиограмму за радиограммой:

— Повстанцы выводят из строя транспорт, разрушают войсковые коммуникации, жгут склады и вредят нам всеми возможными способами!.. Необходимо принять решительные меры!..

— Пустите на них газы, — приказал штаб.

— Это невозможно, — возмутилось польское

панство. — Повстанцы прямо среди нас. Газы могут отравить и нас, и ваши собственные войска.

— Тогда выкурите их!

И их выкуривали, подпаливали, жгли, пока всю страну не обратили в пустыню. Но погорельцы снова восставали…

Некоторые самолеты, севшие в Польше после бегства из СССР, попали к повстанцам. У восставших появились аэропланы и газы. Они совершали дерзкие налеты и громили аэродромы. Когда советская конница перешла границу, повстанцы вместе с ней обрушились на войска интервентов…

Фронтовой штаб советских войск получил донесение: враг применил веселящий газ. Начштаба коротко спросил, есть ли поблизости река или пруд.

— Есть, — ответил адъютант.

— Прикажите коннице гнать всех отравленных в воду, — распорядился начштаба.

— Но… — начал адъютант.

Начштаба грозно посмотрел на него…

Через полчаса кавалерийский отряд в защитной резиновой одежде двинулся к линии фронта.

С болью и жалостью лупили казаки своих то-

варищей нагайками, гоня отравленных к реке. Те смеялись и, пританцовывая, бежали перед лошадьми…

Когда же тесный круг конницы припер их к крутому берегу и стал загонять в воду, к безумным начал понемногу возвращаться разум. Они сопротивлялись, пытались прорваться сквозь строй, падали под копыта и отбивались, не переставая заливаться веселым смехом….

Некоторые захлебнулись… Но большинство, нырнув в воду и сразу избавившись от смеха, возвращались на берег спасенными от смерти.

Внимание кавалеристов привлекли остатки разбитого аэроплана. К хвосту его был привязан длинный красный флаг. Из-под обломков извлекли двоих. Несчастные едва дышали. Одного удалось вернуть к жизни. Это был Владимир.

— Мне немедленно нужен радиоаппарат, — повторял он, теряя сознание.

Товарищ Ким снял противогаз, в котором проходил всю последнюю неделю, и взглянул на календарь. Дата была напечатана красным — первое мая.

— Значит, с праздничком, — улыбнулся Ким и взялся за радиосводки. Веселая, торжествующая улыбка до конца чтения не сходила с его лица.

— Гражданская война на мази! — потер руки он. — Значит, буржуазии амба!

Затем он перешел к деловым бумагам. Первым лежал на подпись первомайский приказ Коминтерна:

— …Сегодняшнее первое мая — праздник победы труда и мести. В этот день все пролетарии должны держать в руках оружие. Пролетарию — будь готов! Подписано: *Ревком Мировой Коммуны.*

Ким покончил с делами. Надо было спешить на демонстрацию. По улицам уже маршировали оркестры.

Услышав звуки траурного марша, Ким подошел к окну.

Внизу шла огромная толпа. Развевались сотни красночерных флагов с именами на них: хоронили жертв налета империалистов. Последним несли знамя, окруженное почетным караулом. Ким прочитал надпись:

«Товарищ Владимир. Донецкий окружком. Погиб за власть советов накануне мирового Октября».

«Бедный парень!» — с грустью подумал Ким. Ему хотелось мысленно произнести еще какие-то слова, но неожиданно знамя опустилось. В толпе

поднялась суета. Знамя то поднимали, то вновь опускали. Почетный караул отошел в сторону. Знамя окончательно исчезло.

Удивленный Ким хотел было открыть окно, чтобы узнать, в чем дело, но в это время в дверь постучались.

— Войдите, — сказал Ким.

Дверь распахнулась и вошла Гайя. Она протянула Киму пакет:

— Товарищ Владимир только что передал формулы газов, — сказала она.

Впервые в журнале «Знання» (1926). Перевод выполнен по второму книжному изданию (Харків: Книгосшлка, 1929).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не

предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.

SALAMANDRA P.V.V.